

Владимир Колганов

Советник президента

18+

Владимир Алексеевич Колганов

Советник президента

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54075623

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-06527-7

Аннотация

Это фантастическая история о том, что могло произойти весной то ли 2018, то ли 2019 года. Участниками этой истории стали многие важные персоны. Всё, что здесь рассказано, можно воспринимать и в шутку, и всерьёз, как кому понравится. Автор доказывает простую истину: если ценность произведений искусства и литературы будет определяться размером полученной от их продажи прибыли, это может привести нас к печальному финалу. Совпадение некоторых черт персонажей, в том числе изображённых на обложке, с обликом реальных лиц – это чистая случайность. Оформление обложки выполнено автором.

Содержание

Глава 1. Мартовские иды	5
Глава 2. Квартира в Чистом переулке	15
Глава 3. Призрак Шарикова	24
Глава 4. Проделки Филимона	34
Глава 5. Альтернатива для России	42
Глава 6. Свидание у Новодевичьего монастыря	49
Глава 7. Предчувствие беды	56
Глава 8. Диверсия в депо	64
Глава 9. Дознание в Большом Козихинском	73
Глава 10. Совет в Хамовниках	80
Глава 11. Дела шпионские	91
Глава 12. Кухонные дебаты	99
Глава 13. Заговорщик на Лубянке?	105
Глава 14. У Воронцовских прудов	113
Глава 15. Последний трамвай	120
Глава 16. «Приземление»	128
Глава 17. Дело Джексона	138
Глава 18. Правила поведения	146
Глава 19. Пасхальные откровения	154
Глава 20. Явление Егора	162
Глава 21. Каждому своё	170
Глава 22. Скандал в Вашингтоне	181
Глава 23. Соратники	188

Глава 24. В поисках истины	196
Глава 25. Три товарища	208
Глава 26. Мытков – вы кто?	217
Глава 27. Знакомые всё лица	223
Глава 28. Аудиенция в Кремле	230
Глава 29. Попрошайка	238
Глава 30. Теперь не отвертеться	243
Глава 31. Ток-шоу	253
Глава 32. Главлит или не Главлит?	262
Глава 33. Июльские хлопоты	270
Глава 34. Посиделки в Черёмушках	279
Глава 35. Плагиат	289
Глава 36. Затишье перед бурей?	298
Глава 37. Реакция на мифы	310
Глава 38. По состоянию здоровья	317
Глава 39. Бедлам	323
Глава 40. Сигнал бедствия	333
Глава 41. Бегство из Бедлама	341
Глава 42. Силки расставлены	348
Глава 43. Визит посла	357
Глава 44. Гора родила мышь?	364
Глава 45. Не так всё просто	375
Глава 46. Сумасшедшая идея	383
Глава 47. Не мытьём, так катаньем	392
Глава 48. Батман тандю	402
Глава 49. Седьмое доказательство	415

Владимир Колганов

Советник президента

Глава 1. Мартовские иды

В те дни ещё никто не догадывался, что через пару месяцев в Москве наступит небывалая жара. Трудно поверить в такой прогноз, когда идёшь по аллее у замёрзшего пруда, а изо рта вместе со словами вырывается белый пар. Можно подумать, что именно в нём заключён весь смысл произнесённых фраз, однако через несколько мгновений от этих мыслей не останется следа. Впрочем, двое граждан, которые неспешно двигались по аллее, не утруждали себя обсуждением проблем, требующих особого напряжения ума.

Первый из них был не кто иной, как Михаил Афанасьевич Булгаков, автор нескольких пьес, одна из которых принесла ему заслуженный успех, а остальные – массу неприятностей. Второй прославился своей повестью о революционных событиях 1905 года в Одессе, и вот уже год, как Валентин Петрович Катаев нежился в лучах славы и пользовался кое-какими привилегиями, которые полагались советскому писателю.

Как ни странно, темой обсуждения стал «квартирный вопрос»:

– Скажи мне, Валя, ну почему такая жуткая несправедли-

вость? – возмутился Булгаков. – Вы все, и Ильф с Петровым, и Олеша, и даже Боря Пастернак, вот-вот получите квартиры в Лаврушинском, а я вынужден затыкать уши, чтобы не слышать того, что творится этажом выше, в квартире этого жалкого стихоплёта Михалкова, который регулярно устраивает попойки чуть ли не до самого утра.

– Поговорил бы с ним... – посоветовал Катаев.

– Да пробовал, но без толку! Нас с Люсей в гости звал, а мне такое надо? Ты же знаешь, что я люблю работать по ночам...

– Ситуация и впрямь паскудная, – согласился Катаев. – Но ты, Мишаня, сам виноват. Надо было написать что-нибудь патриотичное, с твоим талантом это же совсем нетрудно. Тогда б на руках тебя носили! Да что квартира... Особняк бы получил, а в придачу персональное авто. Ну чем ты хуже Лёшеньки Толстого?

– Нет, Валя. Я так не могу...

– Ну и дурак! – настаивал на своём Катаев. – В человеке важно что? Не ум, и даже не талант, хотя и это может пригодиться. Главное – умение приспособливаться. Надо найти в этом всеобщем бардаке... ну, скажем, свою нишу, которая обеспечит тебе достойное существование.

– Ты знаешь, Валя, у нас с тобой много общего, – тут Булгаков приглушил голос почти до шёпота. – Вот ты из белого превратился в красного, а у меня это никак не получается. Словно бы внутри сидит зверёк, который заставляет насме-

хаться над всеми этими людишками, что мельтешат вокруг. Ну что поделаешь, если кроме сатиры ничего в голову не лезет?

– Я тебя понимаю, Миша. Но этот злой зверёк когда-нибудь сведёт тебя в могилу.

– Всё может быть. Однако я ещё надеюсь и жду.

– Чего?!

Собеседники как раз подходили к турникету у выхода в Ермолаевский переулок, как вдруг на Малую Бронную вылетел трамвай. В этом явлении общественного транспорта народу ничего удивительного не было, поскольку трамвай следовал по своему маршруту в сторону Никитских ворот, намереваясь остановиться у другого турникета, близ Малого Козихинского. Однако дальше началось то, что никак не укладывалось в привычную здешним обывателям картину жизни. Внезапно завизжали тормоза, из-под стальных колёс полетели искры, и трамвай встал, как вкопанный. Странность этого события заключалась в том, что на путях не было никаких препятствий, и более того, никому и в голову не пришло бы перебежать дорогу перед несущимся во весь опор трамваем. А всё потому, что улица была пуста, и только два писателя должны были вот-вот выйти на ближайший перекрёсток.

То, что случилось позже, придётся описать во всех подробностях, дабы не упустить важные детали, которые могут пригодиться следствию. Итак, распахнулась дверь трамвая,

и из неё вышел некто в бриджах, заправленных в хромовые сапоги, а в дополнение к ним была кожаная тужурка, подпоясанная ремнём, на котором висела внушительных размеров кобура. Внимательно посмотрев по сторонам и, видимо, вполне удовлетворившись тем, что удалось увидеть, человек в тужурке обернулся и гаркнул куда-то в глубину вагона: «Чисто!». Весьма сомнительно, что эта реплика относилась к тротуарам, поскольку снежный наст попеременно с наледью никак не соответствовали стандартам чистоты, принятым в столичных городах. Но вслед за этим в проёме двери трамвайного вагона появился человек в матросском бушлате и в брюках клёш. Более всего прочего внимание привлекала бескозырка с надписью «Балтийский флот» – судя по всему, эта немаловажная часть туалета должна была подчеркнуть решимость её обладателя во всём и всегда добиваться цели. И правда, в нём чувствовалась уверенность в своих силах и убеждённость в собственной правоте, чего так недостаёт в нынешние времена многим людям, даже самым талантливым писателям.

«Какая-то важная персона», – сообразил Катаев. Но не успел он поделиться с Булгаковым своей догадкой, как незнакомец уже сошёл по ступенькам на булыжную мостовую и направился к турникету, перед которым от неожиданности замерли писатели. Шёл он слегка вразвалочку, как бывалый моряк, причём левая рука делала какие-то уж слишком длинные махи – не то, что правая, которая была прижа-

та к боку. Знающие люди по секрету поведали Катаеву, что именно так учат ходить агентов ОГПУ-НКВД. Смысл в том, что правая рука не должна болтаться без толку, ей полагается быть в таком положении, чтобы легко можно было достать из кармана револьвер.

Понятно, что внутри у Катаева всё похолодело и даже уши заложило, словно бы уже прозвучал тот роковой, смертельный выстрел. Мысленно он начал составлять текст некролога, надеясь, что не ему будет предназначена пуля – в конце концов, это же Булгаков вслух заявил о своём неприятии советской власти. Раз виноват, пусть отвечает! Но вот энкавэдэшник в брюках клёш подошёл и вопреки мрачному прогнозу не стал ни в кого из писателей стрелять, а напротив, улыбнулся и обратился к ним со следующими словами:

– Извините меня, пожалуйста, за то, что прервал вашу увлекательную беседу, однако вы не могли бы подсказать, какой же теперь год?

– Осенью будем праздновать двадцатилетие Великого Октября, – услужливо подсказал Катаев, уже пришедший в себя после недавнего испуга.

– Эх, опять лоханулись на двенадцать лет, – с досадой пробормотал матрос. – Ну что ж, когда вернёмся, сделаем оргвыводы, – и выразительно посмотрел на того, что в кожаной тужурке. Тот сразу же достал блокнот и сделал в нём какую-то пометку.

– Что ж, всякое бывает, особенно если речь идёт о слож-

ной технике, – посочувствовал Булгаков, в отличие от Катаева сразу сообразивший, что к чему. – Однако позвольте поинтересоваться, почему «опять»?

Тут надо пояснить, что Михаил Афанасьевич проштудировал всего Уэллса прежде, чем сочинить «Роковые яйца». Читал он и «Машину времени», а потому слова этого балтийского матроса не вызвали у него ни изумления, ни, тем более, испуга.

– Вы это о чём? – матрос видимо ещё прикидывал, какое наказание он назначит тем учёным мудрецам, которые закинули его совсем в другие времена, не туда, где он задумал побывать. – Ах да, двенадцать лет, – и почему-то ехидно улыбнулся. – Так ведь с революцией большевики напутали! Им же ясно сказали, что по всем раскладкам она должна состояться в октябре семнадцатого, а тут какой-то умник предъявил расчёты, всех переубедил, ну и выступили в пятом. Результат известен – чуть не завалили дело.

– То есть вы утверждаете, что всё заранее в истории написано? – скорчил недоумённую гримасу Валентин Катаев.

– А вы как думали? – парировал матрос. – К примеру, когда меня утверждали в должности, всё в точности сошлось. И мой предшественник полностью исчерпал свои возможности, и цены на нефть изготовились к подъёму, да и зарубежные товарищи единогласно решили поддержать. Правда, потом горько пожалели, но это к делу не относится. Куда важнее, что через двенадцать лет я снова был на коне, так что

всё строго по науке. А вот теперь эти олухи царя небесного снова просчитались – я ведь им ясно говорил, что мне нужен тысяча девятьсот двадцать пятый год!

Про нефть и про какого-то предшественника никто из писателей ничего не понял, однако нельзя же демонстрировать своё невежество. Поэтому последовал вопрос:

– Но зачем вам понадобился именно двадцать пятый год?

– Ну как же, Михаил Афанасьевич! – воскликнул матрос, обращаясь к Булгакову. – Разве вы не помните, когда «Собачье сердце» написали? Да-да, в марте того самого года.

И не успели Катаев с Булгаковым проронить хотя бы слово, как незнакомец, пройдя через турникет, взял их под руки и повёл обратно, на аллею у Патриаршего пруда.

– Кстати, вы тут говорили про умение приспосабливаться, – эти слова были адресованы Катаеву. – А ведь у меня, как это ни странно, такая же судьба, но только совсем наоборот. Всё дело в том, что я из красного вынужден был превратиться в белого.

Булгаков с интересом посмотрел на незнакомца, в то время как реакция Катаева куда более соответствовала текущему моменту – в таких обстоятельствах надо либо бежать к ближайшему телефону-автомату на Садовую, либо позвать постового, что всегда дежурит у сберкассы на углу Малого Козихинского и Бронной. Вполне логично, что Валентин Петрович для начала сделал попытку освободить свою руку, но не тут-то было – хватка у незнакомца была, как у борца

дзюдо.

– Напрасно испугались, Валентин Петрович, я вас не провоцирую. По сути, я иностранец, поскольку не являюсь гражданином Советского Союза.

– Ах, иностранец, – эти слова Катаев произнёс с явным облегчением, к которому примешивалась малая толика зависти. – Тогда понятно, тогда совсем другое дело. Вам, как иностранцу, здесь можно всё... Даже носить форму балтийского моряка и отовариваться в Торгсине за валюту.

Иначе отреагировал на слова незнакомца Булгаков – он криво усмехнулся и сказал:

– Послушайте! Но всё это уже было... И иностранец, и трамвай...

– Да-да, я читал, – согласился матрос. – Однако заметьте, на этот раз обошлось без отсечения головы и прочих мерзостей.

В глазах Катаева снова возник испуг, поскольку несведущему человеку трудно понять, какая может быть связь между иностранцем, гильотиной и трамваем. Тем временем Булгаков поморщился, словно бы проглотил кусок несвежей осетрины, и продолжал своё:

– И какая необходимость всё снова начинать?

– Не знаю, что вы имеете в виду, но я здесь по другому делу.

– Вряд ли я смогу вам чем-нибудь помочь.

– Вот тут вы ошибаетесь. Но об этом поговорим чуть поз-

же, в более подходящей обстановке.

Судя по всему, между незнакомцем и Булгаковым складывался некий альянс, а Катаев мог оказаться третьим лишним. Пора было это прекратить:

– Послушайте, милейший, – вскричал Катаев. – В конце концов, это неприлично! Сначала бесцеремонно вмешались в наш разговор, а теперь... Я уж не говорю о том, что вы с Михаилом изъясняетесь какими-то намёками. Виданное ли дело грозить мирным гражданам убийством, да ещё таким варварским способом, как отделение головы от тела! Кто вам дал такое право?

Незнакомец отступил от писателей на шаг и посмотрел в глаза Катаеву.

– А не вы ли, дорогой товарищ, как-то в компании сказали: «За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки»?

– Про шляпу и ботинки говорил, не спорю, потому что был изрядно пьян, – растерянно произнёс Катаев. – Но при чём здесь это?

– При том, что бывают обстоятельства, когда вроде бы испробовал все средства, а нужного результата нет. И вот тогда не остаётся ничего другого, как... – тут незнакомец потянулся к карману своего бушлата.

– Нет! Этого мы вам не позволим! – закричал Катаев, ожидая новой пакости от иностранца.

Однако всё обошлось, поскольку вместо нагана иностранца

нец достал из кармана визитную карточку и протянул её Булгакову. Там значилось: «Чистый переулок, дом 6, квартира 31». Что подозрительно, на карточке не было ни фамилии, ни имени.

В мозгу Булгакова как бы сама собой возникла мысль: «Неужели Воланд к нам пожаловал?»

Глава 2. Квартира в Чистом переулке

Расставшись с иностранцем, писатели ещё долго бродили по аллеям у Патриаршего пруда, обсуждая вероятные причины недавнего события, причём Катаев не исключал возможность массовой галлюцинации. Однако ему так и не удалось ничего узнать про отрезанную голову, о которой говорил начитанный матрос. Булгаков явно что-то знал, но по какой-то причине не желал углубляться в эту тему. Позже, по дороге домой, Катаев перебрал в уме сюжеты всех известных ему пьес, романов, фельетонов и рассказов, а заодно припомнил десяток оперетт из репертуара одесских и московских мюзик-холлов, но так и не обнаружил ничего. Ну разве что казнь Марии-Антуанетты... Вот только трамвай тогда оказывается ни при чём.

Булгаков тоже был изрядно озадачен, однако «мистическому писателю» – так он назвал себя в одном из писем Сталину – не пристало забивать себе голову предположениями о том, каким конкретно образом эта странная личность в брюках клёш перенеслась из прекрасного далёка в нынешние гнусные времена. Куда больше Булгакова занимал вопрос: «зачем же я ему понадобился?»

Ночью он почти не спал – и работать не мог, и сон не

шёл – только ворочался с боку на бок. А наутро принял единственно верное решение: воспользоваться приглашением иностранца и узнать всё из первых рук.

Чёрный костюм, галстук бабочкой, лакированные штиблеты – именно так Булгаков одевался, когда ходил на приём к американскому послу. Вот и теперь он постарался не ударить в грязь лицом, однако Люся не хотела отпускать одного, и пришлось долго и нудно объяснять, оправдываться, что не к любовнице собрался, а по важному делу, мол, не исключено, что от этого визита зависит и его личная судьба, и судьба России. Кто знает, возможно, он был недалёк от истины.

Из Нащокинского до Чистого переулка пешком не более пятнадцати минут, если идти быстрым шагом – всё лучше, чем тащиться на Большую Садовую, в дом Пигита. К счастью, новоявленного Воланда не устроил прежний адрес штаб-квартиры, хотя не исключено, что всё совсем не так, и этот иностранец не имеет никакого отношения к потусторонним силам. И вот Михаил Афанасьевич стоит перед тем самым домом, где он не раз бывал, где был любим и где его любили. Ну а потом всё кончилось, потому что к власти пришли большевики. Сейчас не хотелось об этом вспоминать, хотя было бы занятно, если бы иностранец обосновался в той самой квартире на втором этаже... Но нет, пришлось подняться этажом выше – там на массивной дубовой двери с номером 31 красовалась медная табличка, где значилось: проф. Д.А. Бурмин.

«До чего ж у него всё сложно! То оказывается матросом, то иностранцем, а теперь вот – известный всей Москве врач-терапевт. Как-то несолидно для Воланда – скорее уж, глубоко законспирированный вражеский агент». Остановившись на этой версии, Булгаков нажал на кнопку дверного звонка.

Прошло, наверное, несколько минут, в течение которых в голове Булгакова одно за другим возникали кошмарные предположения, вплоть до того, что это провокация НКВД, на которую он по наивности поддался. Однако уже поздно было отступать, даже несмотря на то, что, так и не успев дописать роман, можно оказаться в Матросской тишине или в Лефортово. Но вот, наконец-то, дверь открылась, и перед ним возникла, заслоняя по ширине весь дверной проём, по виду, деревенская баба, однако в зелёном облегающем трико. Чем-то она напоминала только что вылезшее из болота земноводное. Булгакову даже захотелось повернуть назад, однако не потому, что чего-то испугался – его вдруг ошарашила мысль, что если уж его Гела превратилась в это чудище, вряд ли стоит ожидать чего-то позитивного от предстоящей встречи.

И словно подтверждая эту мысль, в щель между дверным косяком и зелёным трико просунулся некто – весь в чёрном и с козлиной бородой:

– Свят, свят! Никак дьявольское отродье к нам пожаловало, прости Господи! – и, притопнув ножкой, взвизгнул: – Не пущать!

– Не встревай, Моня! Я сама с ним разберусь, – отмахнулось «земноводное», не отрывая цепкого взгляда от лица Булгакова. – Вы, гражданин, записались на приём?

– Нет, но...

– Тогда подайте заявление в установленной форме. Мы внимательно его рассмотрим и направим в профильное ведомство. А через месяц получите...

– Отлуп! – гаркнул Моня и заржал.

– Послушайте! Но он сказал, что я могу... – попробовал возразить Булгаков.

– Гражданин! Всё, что вы можете, это решаем мы.

– И давайте не будем! – поддакнул тот, что с бородой. – Не советую нарушать общественный порядок...

– Да-да, пройдите, гражданин!

Тётка уже закрывала дверь, но тут из глубины квартиры раздался чей-то строгий голос:

– Галина! Кого ещё там принесло?

Вслед за этим зелёное трико куда-то испарилось, и в проёме двери возник тот самый, то ли личный секретарь, то ли охранник, который вместе с иностранцем катался на трамвае. Здесь можно было разглядеть его во всей красе: глаза чуть навывкате, шатен, над верхней губой что-то похожее на усы... Жаль, что не щёткой – ему бы это больше подошло. На этот раз он был в цивильном сюртуке, едва прикрывавшем волосатую грудь, а бриджам предпочёл семейные трусы.

– Здрасьте, здрастьте! – приветливо осклабилось знакомое

лицо. – А мы вас заждались. Я вот даже успел вздремнуть, поскольку, знаете ли, все эти поездки, перелёты отнимают много сил. Да вы проходите, он вас сразу примет.

Подумалось, а не стоит ли повернуть назад? Не дай бог, если иностранец надумает выйти к нему в одних кальсонах. Кто знает, может быть, здесь принято так встречать гостей.

Но вот Михаил Афанасьевич уже в гостиной, и не успел он оглядеться по сторонам, как где-то за стеной торопливо вдарили куранты, и точно с двенадцатым ударом дверь, видимо, ведущая в кабинет, распахнулась настежь, а затем в комнату, на ходу делая отмашку левой рукой, вошёл тот самый матрос, на поверку оказавшийся почему-то иностранцем. Надо признать, что в чёрном костюме английского покроя он смотрелся ничуть не хуже, чем в бушлате.

– Добро пожаловать! Очень рад! Как добрались, не заплутали?

– Благодарю, – вежливо ответил Булгаков. – Я ведь здесь уже бывал, правда, в квартире ниже этажом.

– Да-да, мне рассказывали... Там жил какой-то князь, а вы вроде бы ухаживали за его женой. А после октября семнадцатого они всей семьёй бежали за границу. Или всё это неправда?

«От него ничего не скроешь, – мысленно обругал себя Булгаков за то, что лишнего наговорил. – Теперь понятно, зачем он выбрал этот дом. Видимо, полагает, что здесь меня можно брать голыми руками». И потому ответил кратко,

ничего не объясняя:

– Увы, это грустная история. Как говорится, дела давно минувших дней.

– Ну, в жизни всякое бывает, – согласился иностранец, – и далеко не всегда нам удаётся должным образом распорядиться своими чувствами и мыслями... Да вы присаживайтесь, почувствуйте себя как дома, – и указал на одно из двух кресел, стоявших у стены.

«Легко сказать – как дома! Но можно ли так чувствовать себя, если не знаешь, чем это рандеву закончится? Тем более что неизвестно, кто здесь гость, кто квартирант, а кто хозяин, не говоря уже о тех субъектах, что поначалу встретили у входной двери». Так размышлял Булгаков, усаживаясь в кресло. Понятно, что единственный выход из подобной ситуации – поставить вопрос, что называется, ребром:

– Позвольте спросить, как мне теперь вас называть? То вы матрос, то заезжий иностранец, а теперь, судя по табличке на двери...

– Ах, вы об этом, – усмехнулся иностранец. – Так ведь Бурмину выпала горячая путёвка в Кисловодск. Пусть попьёт водички, подлечится, пока мы с вами разговариваем. А то ведь, если ненароком донесёт о нашей встрече, потом хлопот не оберёшься.

– Это исключено, – уверенно возразил Булгаков. – Врач, давший клятву Гиппократа, не способен на такую подлость.

– Как бы не так! Я по секрету вам скажу, что через год в

Москве будет проходить судебный процесс против нескольких врачей. Якобы преступная группа во главе с профессором Плетнёвым свела в могилу товарищей Менжинского, Куйбышева и даже Максима Горького, что уж совсем недопустимо. Так вот, этот Бурмин выступит на процессе в качестве эксперта и будет утверждать, что врачи намеренно использовали вредную методику лечения.

– Я вам не верю! – вскричал Булгаков. – Этого не может быть!

– Может, не может... – пожал плечами иностранец. – Вы сядьте и успокойтесь. Скоро сами всё увидите! Кстати, через год, прочитав об этом событии в мартовском номере «Известий», вы заново перепишите главу о бале сатаны.

«Врёт или не врёт? А если врёт, зачем ему всё это надо?» Булгаков растерянно смотрел на своего визави, но так и не сумел найти ответ. Видя такую реакцию, иностранец решил уйти от скользкой темы:

– Ах да, чуть не забыл про ваш вопрос... Признаться, это вечное «Владим Владимыч» вот у меня где, – и он постукал ладонью по затылку. – По двести раз на дню приходится такое слышать. «Господин президент» тоже не годится в данном случае, поскольку я здесь неофициально. Так как же быть?

Мысленно согласившись с тем, что доверительной беседе не способствуют столь явные излишества, как «ваше высокопревосходительство» или «дорогой товарищ», Булгаков

предложил:

– Может быть, мессир?

– Ваш намёк понятен, – рассмеялся иностранец. – Но нет, это не годится. – И после короткого раздумья: – А как вам «мэтр»?

– Честно говоря, «мэтр» я приберёг бы для себя...

– Вот незадача! Тогда, может быть, обращаться просто по фамилии? Например, товарищ Иванов, или Петров... Нет, пусть будет Платов, мне эта фамилия больше нравится, – назвавшись Платовым, он загадочно улыбнулся и подвёл итог: – Будем считать, что договорились.

Булгаков не возражал.

– Однако я всё же не пойму, чем заслужил подобное внимание к своей персоне.

– Вы правы, самое время перейти к делу, – согласился Платов. – Прежде всего, я должен рассказать, откуда прибыл. Собственно говоря, адрес всё тот же, столица нашей Родины Москва, точнее Кремль, а вот время, как вы уже догадались, совсем не то, что значится теперь на календаре.

– Вероятно, тоже март, – предположил Михаил.

– Вы правы, но... – Платов со значением поднял указательный палец, – Но уже в следующем столетии!

«Эк куда его занесло! Зачем же прибыл к нам, к безропотным, послушным бедолагам, живущим по заветам Ильича. Что ему здесь надо?» Прыжку во времени на несколько десятков лет Булгаков ничуть не удивился, но было бы куда ра-

зумнее отправиться не в прошлое, а в будущее. Если есть какие-то трудноразрешимые проблемы, глядишь, там бы что-нибудь и подсказали люди, достигшие значительного совершенства в духовной и иных полезных сферах. Но следующая мысль поразила его своей простотой и очевидностью. С какой стати эти глупые, лицемерные, алчные людишки, озабоченные своими личными делами, вдруг станут строить общество, в котором правят умные, честные, талантливые люди? Скорее уж наоборот! Неужели всё так и случилось?

Глава 3. Призрак Шарикова

– Вы правы, Михаил! Если всё так пойдёт, то в будущем нас ничего хорошего не ожидает. И нашу страну, и остальной мир...

Платов словно бы читал чужие мысли или отвечал на вопрос, который прочитал в глазах Булгакова, и продолжал:

– Как же этого не допустить, как предотвратить сползание человеческой цивилизации в бездну невежества и варварства? Большевики попробовали применить силу, чтобы создать нового гомо-сапиенс, который следовал бы кодексу строителей коммунизма. Однако ничего не получилось, потому что человек живёт инстинктами, которые заставляют его лгать, воровать, предавать друзей. И всё ради того, чтобы обеспечить достойную жизнь себе и своим потомкам.

– Так что же делать?

– Честно говоря, не знаю. Иногда я просто в отчаянии! Ежедневно убеждаюсь, что все мои усилия заставить людей жить честно не достигают своей цели. Всё напрасно! Страна избавилась от большевиков, людям предоставлены права, которые и не снились вам в прежней, монархической России. А в результате что? К примеру, мы отдали под суд одного проворовавшегося чиновника, на смену ему пришёл другой, но вскоре выясняется, что он ничем не лучше. Просто эпидемия какая-то! Причём все только твердят: «Дай! Дай!» А

где я возьму им столько денег? Тем более что часть выделенных средств наверняка пойдёт не на дело, а в их собственный карман. Ну можно ли так не любить свою страну?!

Этот весьма эмоциональный монолог поразил Булгакова. Его не удивило даже то, что с ним столь откровенно беседует человек, облечённый высшей властью. Он иногда представлял себе, как говорит со Сталиным, но к Сталину можно обратиться только с просьбой, а тут возникло впечатление, что от него самого ждут полезного совета.

В разные времена он знал многих людей, недовольных своим правительством, но чтобы верховная власть сама признавалась в собственном бессилии... Такого он не ожидал. Чем же Булгаков мог ответить? Посоветовать подать в отставку? Однако понятно, что проблема гораздо глубже, и её так просто не решить. Ведь у главы государства тьма-тьмушная советников, а он зачем-то прилетел сюда. Чего ж ему здесь надо?

– Я так и не понял, чем могу помочь.

Платов, видимо, пытаясь собраться с мыслями, провёл ладонью по лицу и пробормотал:

– Что-то я совсем расслабился. Там, – он показал куда-то в сторону, – там не могу себе ничего подобного позволить, поскольку стоит только дать слабину, как тут же ворюги подомнут под себя Россию. Этого допустить нельзя! – он замолчал, выразительно посмотрев на Булгакова. – И что же делать? Сталин решал проблему жёстко, однако эффект был

кратковременным. К тому же в нынешние времена такие методы не популярны. Но вот один из моих помощников предложил весьма радикальный способ воздействия на человека с целью улучшения его природы. Вы знаете, мне поначалу показалось, что он сошёл с ума. Потом посоветовался с учёными. Говорят, такое в принципе возможно, но потребуется очень много времени. Дай им только денег, а результат никто не гарантирует! – усмехнулся Платов. – И тут попалась на глаза та ваша повесть, где некий профессор...

– Но вы же знаете, что с Шариковым ничего не получилось.

– Просто неудачно выбрали объект для опытов. Но если он смог собаку превратить в плохонького человека, так уж наверняка сумел бы из человека средних способностей сделать гения, а честного гражданина создать из подлеца.

– Послушайте! В конце концов, это же вымысел, фантазия!

– Позвольте вам не поверить, Михаил. Наверняка у профессора Преображенского был прототип. Вы хоть и врач по образованию, но совсем другого профиля. Уверен, что тут не обошлось без участия специалиста по евгенике. Или я не прав?

– Да, был такой, – чуть помолчав, сказал Булгаков. – Мы познакомились ещё в восемнадцатом году. Стыдно признаться, но после расставания с княгиней я увлёкся морфием... А потому что не было больше никаких сил! Но одна-

жды понял, что стою на краю могилы. И вот поехал в Москву, где мне посоветовали обратиться к доктору Кутанину.

– И что же?

– Он убедил меня заняться литературным творчеством. Сказал, что всю свою боль, свои переживания я должен переложить на плечи выдуманного человека. Пусть он теперь и мучается! И знаете, мне это помогло. С тех пор и пишу.

– Я вас поздравляю, но нельзя ли ближе к делу, – попросил Платов.

– Через три года, когда я перебрался в Москву, однажды встретил его здесь, в Чистом переулке. Он жил в соседнем доме. Понятно, что специалисту-наркологу было интересно узнать о результатах применения своей методики лечения. Мы несколько раз встречались, и вот однажды в разговоре... Но тут я должен пояснить, что в двадцатые годы Кутанин увлекался эвропатологией, изучением генетических корней гениальности и её связи с психопатологией, опубликовав по этой теме ряд статей: «Бред и творчество», «Гений, слава и безумие». Его идеи я позже попытался использовать в своём романе...

– Михаил! Не испытывайте моего терпения! – вскочив с кресла, закричал Платов, да так, что зазвенели хрустальные подвески в люстре, а под Булгаковым закачалось кресло, причём в буквальном, а не в переносном смысле. – Что вы всё о себе, да о себе? А тут страна буквально корчится в судорогах накануне катастрофы!

На этот жуткий крик в гостиную вбежали двое – секретарь, который был по-прежнему в трусах, и Моня в чёрном балахоне. Моня размахивал золочёным крестом, а секретарь, видимо, схватил то, что было под рукой – это был гипсовый бюстик Сталина. Булгаков обратил внимание на это произведение искусства, когда проходил через прихожую, однако не мог предположить, что кому-то в голову придёт использовать его в качестве оружия. Оружием пролетариата, как известно, был булыжник. Оружием дворянина – шпага. А тут чья-то голова...

– Вас только не хватало! Брысь! – рявкнул Платов.

Прислуга в одно мгновение исчезла за дверью, а Платов опять уселся в кресло.

– Вот с кем приходится работать! – сказал он, понемногу приходя в себя. – Кругом подлизы, прихвостни и приживалы, верные до тех пор, пока кормлю с руки. Ну хоть бы одно дело сумели довести до конца! Нет, всё приходится делать самому.

Только теперь Булгаков понял, как трудно управлять огромным государством, в особенности, если тебя окружают такие люди. Подумалось: «Да на его месте я бы спился!»

– Если вы не против, я продолжу, – Булгаков сделал вид, что ничего не произошло. – Так вот, «гений, безумие и бред», эти понятия имеют непосредственное отношение к теме. Ко времени нашей последней встречи Кутанин уже не верил в то, что с помощью лекарств или гипноза мож-

но вылечить любого человека, например, склонного к убийству или к воровству. Позже, переехав в Саратов, он всерьёз занялся проблемой улучшения человеческой породы. Мне неизвестно, сумел ли он чего-нибудь добиться. Ну а тогда, в Москве, он только высказал несколько идей, которые, так или иначе, сводятся к физическому воздействию на человека. Это может быть и пересадка каких-то органов, и хирургическое изменение их структуры. Но повторю, что всё это не более чем предположения, догадки, которые годились только для того, чтобы положить их в основу сюжета моей повести.

– Жаль, а я-то рассчитывал на что-то более конкретное, хотя бы намёк, который позволит двигаться в верном направлении, – совсем было расстроился Платов.

– Но почему бы вам не обратиться непосредственно к Кутанину? Возможно, у него появились новые идеи. Правда, до Саратова неблизкий путь.

– Да, на трамвае туда не доберёшься, – согласился Платов, – а самолётом воспользоваться не смогу, поскольку здесь я в сущности никто, без полномочий, без должности, без имени.

– Это довольно странно, – в мозгу Булгакова снова закопошился червь сомнения. – Вы способны перенестись через века, но лишены возможности передвигаться по России.

– Проблема в том, Михаил, что завтра к вечеру закроется окно во времени, надо будет возвращаться домой, так что с Кутаниным я не смогу переговорить.

– Ну тогда в другой раз полетите.

– К сожалению, всё сложнее, чем вам кажется. Это самое окно, то есть «обратимая кротовая нора» по терминологии наших физиков, открывается примерно раз в двенадцать лет, причём только ни три дня. Я в этой науке не силен, но учёные утверждают, что происходит это в пик наивысшей солнечной активности, которая сама по себе ничего не значит, поскольку является лишь следствием более сложных процессов во Вселенной. Кстати, идея перемещения во времени возникла ещё в советское время, а мы её только доработали.

– В будущее летать не пробовали? – любопытствовал Булгаков.

– Было такое, но лучше бы мы этого не делали!

– Неужели всё так плохо?

– Хуже не придумаешь! – Платов замолчал, собираясь с мыслями. – Представляете, правит на Земле машина, называют её Супермозг, а всякие там Швондеры и Шариковы надзирают за людьми. Что интересно, жизнь сводится к получению наслаждений всеми доступными путями – для этого созданы необходимые условия, огромная, разветвлённая индустрия развлечений, причём всем этим можно пользоваться, не выходя из собственного дома. Проблема в том, что все сыты и довольны, и не желают ничего менять. Люди ведут себя, как свиньи, присосавшиеся к корыту со жратвой. Даже рожать детей эти люди разучились, за них это делают специальные машины-инкубаторы, но только если возникла по-

требность компенсировать падение численности населения Земли.

– Ужасно! Но книги, книги...

– Книг не пишут, да и читать давно все разучились.

– Не могу поверить! Это же конец всему!

– Я тоже не верил, пока мне не предъявили доказательств. Вот поэтому и хлопочу о том, что надо что-то срочно менять, иначе будет поздно.

– Ну а такие люди, как профессор Преображенский или доктор Борменталь? Неужели и они... – услышанное настолько потрясло Булгакова, что в его мозгу смешалось всё, и персонажи его произведений, и эта жуткая реальность, которая наступит через много лет.

– Есть версия, что часть людей предвидела эту опасность и вовремя покинула планету.

– Возможно, основали поселение на Луне?

– Вот это вряд ли, воздуха не хватит. Хотя всё может быть... Но представляется более реальным, что они отправились в полёт по Вселенной в поисках иной цивилизации. Ищут, но вряд ли когда-нибудь найдут, – Платов помрачнел, но через несколько мгновений вдруг встрепенулся: – Что это мы всё о грустном? Ладно, если с Кутаниным не получилось, ещё что-нибудь придумаем. А вот не могли бы вы помочь ещё в одном очень важном деле? Видите ли, одна из моих дочерей мечтает получить ваш автограф. Так как? – лукаво улыбнулся Платов.

Булгаков был слегка ошарашен.

– Мне конечно лестно, однако стоило ли ради моего автографа совершать такое рискованное путешествие?

– А почему бы нет? – удивился Платов. – У нас теперь в моде одиночные плавания на яхте вокруг света и прочие экстремальные виды спорта. Да вот и вы пишете свой роман о сатане... Это ведь тоже риск, но он вполне оправдан, потому что через тридцать лет роман переведут на многие языки и будут издавать тысячными, миллионными тиражами!

Приятно слышать, когда тебя так хвалят, хотя и с явным опозданием. Самое важное для писателя, чтобы его читали, ну а всё остальное к этому приложится. Но тут возникла неувязка.

– Простите, я не знал... Надо было принести хотя бы афишу «Дней Турбиных», но, увы, не ожидал, что так получится. Может быть, вы захватили что-то из моих книг, чтобы я там расписался?

– Это невозможно! – покачал головой Платов и, видя недоумение Булгакова, пояснил: – Видите ли, Михаил, рукописи, как всем известно, не горят, но книги не выдерживают перемещения в прошлое. Страницы превращаются в труху.

– Почему так?

– А вы представьте, что на вашем столе лежат рядышком и недописанная рукопись «Мастера и Маргариты», и пахнущая типографской краской книга с тем же названием. Это же абсурд, это против всякой логики!

Тут нечего было возразить. Однако как же быть с автографом?

– Пожалуй, я распишусь на одной из этих книг.

Булгаков указал на книжный шкаф, и, подойдя к нему, стал перебирать книги, все с золотым тиснением на корешках. И наконец, нашёл.

– Вот то, что нужно! Гоголь, это мой любимый писатель. Если не возражаете, я распишусь на первой странице «Мёртвых душ». Думаю, хозяйской библиотеки не убудет.

Платов поморщился.

– А чем вам не нравятся «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Я когда-то зачитывался этими рассказами. «Мёртвые души»... это слишком мрачно.

– Извольте, – Булгаков достал другую книгу. – Кстати, а как зовут вашу дочь?

– Это неважно, – сказал, как отрезал, Платов.

«Видимо, и впрямь у них не всё в порядке, если детей скрывает от народа. При Сталине всё гораздо проще».

Пришлось написать так: «В.В. Платову на добрую память о нашей встрече. 22 марта 1937 г.». И поставил подпись.

Глава 4. Прodelки Филимона

– Ну что ж, Михаил, – воскликнул Платов, принимая из рук Булгакова драгоценную книгу, – после деловых переговоров пора бы и перекусить, чем бог послал. Прошу к столу.

Булгаков уже понял, что на сей раз обойдётся без черепов, наполненных чьей-то кровью, но вместе с тем хотелось бы, чтобы осетрина была нужной свежести, не как в Торгсине на Смоленской.

Тут отворилась дверь, и под звуки свадебного марша вошли всё те же – во главе процессии была тётка в зеленоватом выцветшем трико, которое частично прикрывал жёлтенький передник. Перед собой она катила тележку, на двух ярусах которой расположились тарелки с осетриной и лососиной, баночки с паюсной и красной икрой, маслице на отдельной тарелке, немного зелени и конечно хлеб нескольких сортов. За ней секретарь вкатил ещё одну тележку, сплошь уставленную бутылками, причём все этикетки были на иностранных языках – Булгаков смог рассмотреть только французское «Бордо», но водки почему-то не было. «Неужто всё везли с собой? Или заранее запаслись валютой?» А в завершение этого торжественного шествия в столовую вступил Мона – он скоренько произнёс то ли какое-то приветствие, то ли застольный тост, дожидаясь, пока будут расставлены тарелки. Это бессмысленное бормотание вполне резонно Бул-

гаков пропустил мимо ушей. Но вот прислуга удалилась, и можно приступать к трапезе.

– Всё свежее, – успокоил Платов. – У нас в трамвае есть отсек с холодильной камерой.

– Так что же, вы оттуда прямо на трамвае?

– А почему бы нет? Вот если бы на Патриарших приземлился бронированный президентский лимузин или ещё какая-то нездешняя машина, вы можете представить себе, что бы было?

В этих словах Булгаков уловил здравый смысл, поэтому ничего другого не оставалось, как сесть за стол и прицепить на шею белую салфетку с вензелем «ВП».

Как ни странно, Платов ничего заграничного не пил, если не считать пива из бутылки с этикеткой «Eisenacher Wartburg Pils».

– Забавная надпись, вы не находите?

Рот Булгакова был забит паюсной икрой, поэтому он не сразу ответил, тем более что надо было что-нибудь этакое сообразить, только бы не обидеть важную персону.

– Да-да, возникают необычные ассоциации.

– А вот меня это веселит! Вроде бы посылают меня куда подальше, но я продолжаю гнуть свою линию вопреки всему. В этом противостоянии есть спортивный азарт... Хотя пиво тут конечно ни при чём.

– Любопытно, о чём немцы думают, когда пьют нашу водку.

– Вообще-то они предпочитают пить шнапс, например, Kirschwasser. Русская водка вызывает у них грустные воспоминания, но это будет уже гораздо позже. Ну а в ваше время, в 37-м, наверное, уже мечтают о грядущем «Drang nach Osten», но уверяю вас, ничего хорошего это им не принесёт. Прискорбно то, что за прошедие десятилетия почти ничего не изменилось. Они по-прежнему боятся русского медведя и надеются нас приручить. Кстати, – воскликнул Платов, – у меня созрел отличный тост: «За Русь! За нас, непобедимых!»

За это и впрямь следовало выпить, не взирая на политические реалии, на монархов и вождей, а также на прочие приметы времени. Ничто не вечно, а вот Россия остаётся навсегда.

После второго бокала «бордо» Булгаков осмелел:

– Мне тут подумалось... Ведь у нас с вами много общего. Я служил в Белой армии, а теперь вот пытаюсь приспособиться к жизни при Советах. Вы верой и правдой служили советской власти, а теперь, насколько я понял, вынуждены обслуживать её врагов.

– Это не так! – Платов чуть не поперхнулся кусочком лососины.

– Вы просто боитесь в этом признаться...

– Михаил! Не увлекайтесь! Мне некого бояться...

– Да я вас ни в чём не обвиняю.

– И на том спасибо! Ладно, давайте объясню, – промокнув

рот салфеткой, Платов продолжал: – Прежде всего, никого я не обслуживаю. Но дело в том, что в нынешних обстоятельствах нельзя иначе. Большевики проиграли, поэтому нужно искать новые пути, новые идеалы, новые способы управления страной, экономикой, людьми. Ну вот, к примеру, роль церкви в воспитании подрастающего поколения – мы уделяем этому огромное внимание.

– А надо ли?

– Вы что же, против РПЦ? – насупился Платов.

Булгаков мысленно обругал себя за то, что не сдержался, но тут уж ничего не поделаешь...

– Видите ли, я родом из семьи священника. В конце прошлого века и в Карачевском, и в соседнем, Ливенском уезде – что ни священник, то либо Покровский, либо Булгаков. Будьте уверены, в нашей семье соблюдались все установления православной церкви – и говение постом, и посещение храма. А по воскресным дням отец читал вслух всей семье Евангелие...

– Ну это уже слишком! – согласился Платов.

– А вы чего хотите? Если уж принимать христианскую веру, так надо соблюдать каноны. Ну а поддержать свечку в церкви на Рождество или на Пасху... это, знаете ли, профанация и ни что другое.

В других обстоятельствах Платову стоило распорядиться, чтобы наглеца выставили вон. Но тут он вроде бы на птичьих правах, да и как-то неудобно обижать Булгакова, он и так

от власти пострадал. А потому, внешне никак не проявляя раздражения, сказал:

– Я не собираюсь никого ограничивать в правах. Вы можете говорить всё, что угодно, но если у кого-то есть желание посещать церковь, пусть будет так. И я вот тоже иногда...

– Надеетесь получить искупление грехов?

– Да у меня вроде бы их не так уж много... – хлебнув пива, Платов помолчал, словно бы перебирая в памяти все свои неблаговидные поступки, и сказал: – Видите ли, Михаил, тут всё куда сложнее. В прежние времена люди знали, за что страдают, за что идут в бой. Сначала был популярен девиз «За Веру, Царя и Отечество!», потом – «За Сталина!», «За победу коммунизма!». Но вот избавились от большевиков, и что теперь предложить взамен?

Булгаков на минуту задумался.

– Вы наверняка знаете, что я по убеждениям монархист, поэтому прежний девиз меня вполне устраивал. Только в слова «За веру!» я вкладывал иной смысл. Я верил и продолжаю верить в великое предназначение русского человека, а вы настаиваете на том, чтобы я верил в Бога...

– Да ни на чём я не настаиваю! – возразил Платов. – Однако не все люди обладают такими знаниями и интеллектом, как мы с вами. Они нас просто не поймут, им нужно что-нибудь попроще!

– Я так не думаю. Нравственность, духовность, вот наш идеал! А вы предлагаете некий эрзац, который проповедуют

лицемерные попы...

Булгакову не удалось договорить, поскольку распахнулась дверь, и в комнату, размахивая золочёным крестом, вбежал всё тот же Моня. Рухнув на колени перед Платовым, он завопил:

– Владим Владимыч! Благодетель наш! Гони ты эту сволоту взашей, чтоб духу его здесь не было! Глянь! Глянь, это же Антихрист! Да что тут говорить, это же он церковь священномученика Ермолая на Козихинском спалил! Доколе же мы будем терпеть унижения от всякого отребья?! – и Моня зарыдал, уткнувшись в подол длиннополой рысы.

Сцена была достойна пера Уильяма Шекспира. Булгаков уже готов был аплодировать, но Платов торопливо встал, подошёл к Моне и не без труда поднял его массивное тело с колен, приговаривая:

– Ну будет тебе, не принимай так близко к сердцу. Выпей нарзану, тогда сразу полегчает, – затем подвёл заплаканного Моню к столу и потянулся к кока-коле, поскольку нарзана на столе не оказалось.

Однако Моня его опередил. Схватив бутылку коньяка, он опрокинул её в фужер, и не успел отреагировать на это действие Платов, как Моня залпом выпил. Затем секунду помолчал, удовлетворённо крикнул и завопил:

– Слышу! Слышу! Благодать по телу разливается...

Платов оторопел. Только и смог сказать:

– Моня, ты хоть не позорь меня перед писателем...

Но того уже нельзя было остановить:

– От них всё зло, от этих самых писак! Льва Толстого от церкви отлучили, так они теперь из всех щелей, как тараканы, повылазили. Ентот и вовсе, Христа в своём романе юродивым изобразил...

«Ну, не совсем так. Однако только блаженный или лицемер мог утверждать, что доброта способна победить зло без использования силы». Но вслух Булгаков ничего так и не сказал, предоставив солировать этому пройдохе.

– Отец родной! – тем временем кричал Моня. – Сил моих больше нет! Под нож бы всю эту писанину! Ну а писак в теплушки запихнуть, и прямиком на Колыму!

– Филимон, ты у меня договоришься! – пригрозил Платов. – Это же тянет на статью!

– Ан нет! – возразил служитель культа. – Я теперь не под вашей юрисдикцией...

– Вот ты как заговорил! – вскричал Платов и дважды хлопнул в ладоши.

Тут же вбежали секретарь с тёткой и уволокли подвыпившего Моню с глаз долой.

– Вот интересно, прежде ни капли в рот не брал, а тут... Так бывает, когда теряешь связь со своим народом, – философски заметил Платов. – Стоило только покинуть родину... Нет, не хочу больше об этом говорить, – и, помолчав немного, предложил: – А не перейти ли нам в кабинет? Вы что предпочитаете, чай или кофе?

– Зелёный чай, если позволите.

– Прекрасно! Хотя бы в этом мы с вами совпадаем...

«Однако ведёт себя точь-в-точь, как Воланд. И свита вроде подходящая, за исключением Филимона. Он явно не тянет на роль Фагота! Вместо Филимона могли быть взять с собой чёрного кота». И только Булгаков подумал о коте, как вдруг... Нет, никто не замаякал, а потому что в прихожей послышался собачий лай.

– Это привели с прогулки мою овчарку Баффи, – видя испуг на лице Булгакова, пояснил Платов. – А вы что же, предпочитаете котов? Я почему-то так и думал.

Глава 5. Альтернатива для России

За чаем не говорили ни о церкви, ни о котах. Булгаков всё собирался задать один вопрос, но вот, наконец, решился:

– Я хотел спросить, но никак не удавалось... Есть ли в вашей России писатели уровня Гоголя, Достоевского, Чехова, Толстого?

Платов задумался.

– Вы знаете, много их было и в Ленинграде, и в Москве, даже в Сибири талантливые литераторы появлялись. Но почему-то всё ограничилось примерно двадцатью годами, ещё в то время, когда существовал СССР. Ну а теперь... – Платов тяжело вздохнул. – Честно говоря, не знаю, что сказать. В наше время особенно популярно незатейливое чтение. К примеру, дамские романы, детективы и фантастика. Вот и моя жена когда-то увлекалась, пока не разошлись.

– Ну а сами что-нибудь читаете?

– Ох, знали бы вы, сколько мне приходится читать! – рассмехался Платов. – Докладные записки, сводки, сообщения, обзоры... Но если говорить о художественной литературе, то перечитываю классику.

– А современные писатели... Неужели таланты среди них перевелись?

– Тут дело вкуса...

– Однако вкус можно воспитать, причём и хороший, и

дурной.

– И кто же способен воспитать у нашей молодёжи хороший вкус?

– Издатели, литературные критики...

– Это вряд ли, – усмехнулся Платов. – Видите ли, Михаил, у нас в стране рыночная экономика. Поэтому печатают то, что находит спрос. Ну а критики... критики не критикуют, а только хвалят. Это и понятно, поскольку они живут на то, что платят им издатели.

– Не могу поверить, что до этого дошло.

– Увы, так и есть, причём не только здесь, в России, но и за её пределами.

– И вы спокойно об этом говорите?

– Я-то в чём виноват? Предлагаете мне самому писать романы и рецензии?

– Боже упаси!

– Впрочем, вы правы, проблема достаточно серьёзная. Я даже министра культуры в поездку прихватил... Да где ж он там запропастился?

Платов хлопнул в ладоши, дверь отворилась, и вошёл некто в кирзовых сапогах, кожаной куртке с капюшоном и парусиновых штанах на ватной основе, на которых были легко различимы следы чьих-то зубов. Поклонившись Платову, он зыркнул глазом на Булгакова, и сказал:

– Простите, Владим Владимыч, не успел переодеться, – и сел поодаль.

– Ну как там Баффи? – поинтересовался Платов. – Никого не покусал?

– Нет-нет! Вёл себя вполне корректно. Правда, иногда лаял на прохожих.

Платов закивал головой:

– Он у меня так натренирован. Видимо, и здесь полным-полно этих либералов. Хотя мог подобным образом отреагировать и на «Тройной одеколон».

– Ничего такого не было. У меня нюх тоже неплохой.

«Судя по всему, так оно и есть», – предположил Булгаков.

– Тут вот в чём дело, Ростислав! Михаил Афанасьевич настаивает на том, что мы обязаны более активно работать с читателем, воспитывая в нём хороший вкус. Ты можешь подготовить план мероприятий?

– Уже всё есть, Владим Владимыч! И план, и его реализация, и результат.

– А результат-то где? – поинтересовался Платов.

– Да вот же! За вас на прошедших выборах проголосовали почти семьдесят семь процентов.

– Я ему про Фому, а он всё про Ерёму!

– Ну как же! Люди с плохим вкусом не пойдут за вас голосовать.

– Да ты пойми, речь о читателях, а не об электорате.

– Так ведь, Владим Владимыч, у нас неграмотных давно уж нет! Каждый, кто за вас голосовал, когда-то что-нибудь читал.

– Ты договоришься до того, что я тебя уволю! – чувствовалось, что Платов на пределе.

– Позвольте мне!

Булгаков счёл за благо вмешаться в эту перепалку во избежание нежелательных последствий. На пост министра он не претендовал, однако можно было посочувствовать Платову, если он вынужден полагаться на таких чиновников.

– Я хочу напомнить о том, что мы обсуждали полчаса назад. Речь шла о возможностях улучшения человеческой породы. Увы, наука здесь пока бессильна, поэтому ведущая роль в этом деле должна принадлежать культуре.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался Платов.

– Хорошие книги, кинофильмы...

– Что значит «хорошие»? – возмутился министр. – В наших директивных документах нет подобного критерия. Ценность книги определяется реализованным тиражом, ну а для фильмов есть другой показатель – количество зрителей. Тех, что пришли в кинотеатры.

– Надеюсь, только тех, кто досидел до конца? – спросил Булгаков.

– Это не предусмотрено. Мы судим по количеству проданных билетов.

– Вот как! – теперь уже удивился Платов. – Выходит, я ушёл с фильма Михалкова через полчаса, буквально отплываваясь на ходу, а вы меня записали в почитатели этого «таланта»?

– Владим Владимыч! Мы примем меры! Но в штате министерства пока нет нужного количества единиц, чтобы поставить их на выходе из всех кинотеатров.

– Дурдом! – процедил сквозь зубы Платов. – А вы, Михаил Афанасьевич? Что можете нам предложить?

– Мне кажется, достоинства произведений искусства должны оценивать опытные эксперты, критики. Но вы говорите, что у вас их нет...

– Да есть они! Только теперь другие времена. Теперь музыку заказывает тот, кто побогаче. Вот они и пляшут...

– Владим Владимыч, мы финансируем культуру в полном объёме, в соответствии с бюджетом.

– Погоди, Славик! Речь ведь не о том, – отмахнулся Платов и обратился к Булгакову: – Так что вас не устраивает?

– Но вы же сами сказали, что вынуждены читать классику...

– Господь с вами! Никто меня не принуждает, просто она мне больше нравится.

– В том-то и дело! Если бы в продаже появлялись книги такого же уровня...

– А что я могу поделаться, если их не пишут?! – завопил министр.

– На самом деле, пишут! – возразил Булгаков. – Не могут не писать! Я по своему опыту знаю, каково это ходить по издательствам и всюду получать отлуп. А всё потому, что неизвестного автора не станут покупать.

– Славик! – распорядился Платов. – Надо срочно навести порядок.

– Владим Владимыч! У нас в России только частные издательства, я не могу им приказать. К тому же издательская отрасль проходит по ведомству Минкомсвязи.

– Это почему? Разве литература не относится к искусству?

– Так уж повелось, Владим Владимыч.

– Неужели нельзя как-то повлиять на этих частников?

– Если только по линии спецслужб...

– Не мели чепуху!

Платов задумался.

– Что же это получается? Талантливые писатели у нас есть, но мы о них ничего не знаем. Так или не так? – обратился он к Булгакову.

– Увы, лишь немногим авторам удаётся найти влиятельного покровителя. Лев Толстой пробился в люди благодаря Некрасову. Другого Толстого обласкали лишь за то, что он бросил сытую Европу, чтобы угождать большевикам. Юрий Герман добился благорасположения Максима Горького. Борис Пильняк... тот очаровал и Горького, и Луначарского. Но для этого нужны какие-то особенные качества.

– Так, Славик! – Платов ткнул указательным пальцем в своего министра. – Вот возвратимся домой, и займёшься этим делом. На Горького ты конечно не потянешь... Ну что ж, хотя бы ознакомься с тем, как работал товарищ Луначарский.

– Владим Владимыч! – взвизгнул Ростислав. – За что мне такое наказание? Когда же мне руководить, если с утра до вечера буду беседовать с этими писаками. Их тьма-тьмущая!

– Иди, работай! И завтра же план мероприятий мне на стол!

«Пустые хлопоты! – огорчился Булгаков, глядя вслед уходящему министру. – Этому до Луначарского, как до Луны!»

Платов тем временем опять задумался.

– Послушайте, Михаил. Допустим, появятся у нас хорошие книги, кинофильмы, театральные постановки. Это всё прекрасно, замечательно! Но сколько же лет пройдёт, прежде чем мы получим нужный результат, прежде чем убедимся, что у нас в стране возникло новое поколение людей? Людей высоконравственных, которые не воруют, не крадут, ответственно относятся к своим обязанностям, а не кричат на каждом углу о своих нереализованных правах.

– Это будет нескоро. Но другого пути нет! – подвёл итог Булгаков.

Глава 6. Свидание у Новодевичьего монастыря

Уже смеркалось, когда Булгаков вышел из дома в Чистом переулке. В голове рождались, исчезали и снова возникали интересные мысли, и хотелось поскорее сесть за стол и взять в руки перо. Тут подошёл трамвай, который шёл на Большую Пироговскую, но, утомлённый многочасовой беседой с Платовым, Булгаков не обратил внимание, что едет не в ту сторону, а по дороге и вовсе задремал...

Вдруг закрипели тормоза, и что-то болезненно ударило в лоб, словно бы трамвай наткнулся на препятствие. «Авария? Вселенская катастрофа?!» Впрочем, во сне чего только ни привидится. Когда Булгаков открыл глаза, он обнаружил, что за окном ночь, трамвай стоит у Новодевичьего монастыря, ну а в вагоне ни души. И только некто с растрёпанными, соломенного цвета лохмами склонился над его лицом, выражая неподдельное сочувствие:

– Как себя чувствуете? Не ушиблись? А я было подумал, что всё, кирдык... Что ж это вы, милейший? Негоже спать по ночам в трамвае, так ведь не проснуться можно. И никакой Платов вам не поможет...

Блондин продолжал что-то говорить, однако странное сочетание нестриженной головы и английского акцента застави-

ло Булгакова усомниться в реальности происходящего. Самое верное средство – это ущипнуть себя, что и попытался тут же сделать. Но в темноте ненароком промахнулся... Раздался дикий крик, и англичанин вывалился из трамвая на заснеженную мостовую. Сидя прямо на снегу, он потирал израненную ляжку и причитал:

– Вот так всегда! Узнаю русских! Ты к ним с открытым сердцем, а они...

Теперь уже Булгаков вынужден был выражать сочувствие:

– Вы извините, это случайно получилось. Вам помочь?

Нестриженный аж подскочил на месте.

– Что? Кому вы это говорите? Мы не нуждаемся в вашей помощи. Мы сами готовы кому угодно помогать! – и уточнил, скорчив презрительную рожу: – Но только не России.

«С чего бы это? Может быть, сбежал из Кащенко? Впрочем, судя по элегантному двубортному редингтону, скорее дипломат или кинорежиссёр. Где-то накачался виски или пивом и вот теперь бродит по ночной Москве, пугая редких пассажиров и прохожих. Хотя, кто знает... Не исключено, что всё это всерьёз». Так размышлял Булгаков, а затем спросил:

– Так чем русские перед вами провинились?

– Ну как же! Вы разве не знаете, что ваши эмигранты мрут у нас, как мухи.

– А мы-то тут при чём?

– My God! Как это при чём? Разве вы не поняли, что Пла-

тов это сатана? Точь-в-точь вылитая копия Воланда!

– Я бы так не сказал, – возразил Булгаков, хотя время от времени и у него возникали такие подозрения.

– Да что тут говорить, не вы ли Шарикова превратили в бродящую собаку?

– Ну, было дело, написал роман...

– Ага! – вскричал англичанин и тут же весьма изящно перескочил на другую тему. – И что вы лично за это получили? Вас и травили в печати, и книги ваши отказываются издавать, вас даже не пускают за границу! Да что говорить, другой на вашем месте давно бы руки на себя... – но спохватившись, замолчал на полуслове.

– Что поделаешь, такова реальность, – тяжело вздохнув, признал Булгаков. – Впрочем, вам-то какое дело до всего этого? Вы, простите, кто?

– Борис, – последовал лаконичный ответ.

– Это который?

– Джексон.

– Не слышал.

– Так я и говорю! Тёмный, необразованный народ! Зачем вы лезете туда, куда не просят?

– Вы про трамвай?

– Не смешно! Это явно не английский юмор, – поморщился нестриженный. – Я говорю про Сирию, про Украину. Зачем вы аннексировали Крым?

– Крым наш! – вскричал Булгаков. – И останется нашим

навсегда.

– Ну вот, и этот начитался кремлёвских методичек! И сколько они вам заплатили?

– Мне деньги платит не Кремль, а Большой театр...

– Ага! Очень ценное признание! Оказывается, и театр вы превратили в филиал Кремля. Или он подчиняется Лубянке?

– Не порите чушь! – Булгакову стоило огромного труда, чтобы удержаться в рамках приличий. – При чём тут Кремль? При чём Лубянка? И какое отношение к России имеет эта Сирия? Там же французы теперь правят, – и криво усмехнувшись, добавил: – Если не умеете пить, сидите дома и помалкивайте! Вам должно быть стыдно! Страна Шекспира и Байрона, а тут...

На этом выяснение отношений следовало бы закончить, но, судя по всему, англичанин имел какой-то план:

– Зря вы так! Я ведь желаю вам добра. Цивилизованный мир должен заботиться о талантливых писателях, – тут он прищурил глаз. – Хотите, сделаем вам Нобелевскую премию?

«Вот неожиданный поворот! А что, если не врёт?» К этой приятной мысли примешивалось недоумение: «Я ведь ещё не дописал "Мастера и Маргариту" ... Нет, это явно преждевременно! И что они ко мне пристали? То Платов, то этот непричёсанный. Что, других писателей у них нет?» Однако на всякий случай поинтересовался:

– А что взамен? Куда вы меня тянете?

– Ах, поверьте, Михаил! Тут нет никакого криминала. Так, суцая безделица. Дело в том, что наша разведка доложила, будто вы пишете роман.

– Допустим.

– Так вот, не могли бы вы слегка подкорректировать сюжет? Ну чтобы мастер с Маргаритой нашли приют не в домике под вишнями, а непременно в Англии. Как вам такая мысль?

– Даже и не знаю. А что, разве в Англии вишни не растут?

– Растут, растут! – радостно воскликнул Джексон. – Более того, сорт «Таи Наку» был завезён в Японию из графства... как его... Ах да, Уилтшир!

– Япония тут при чём?

– Вы правы, бог с ней, с Японией! Проблема в том, что в вашем романе об Англии сказано слишком уж расплывчато, туманно. Кстати, и про лондонский туман могли бы написать так, чтобы всем всё стало ясно. Ну вот, к примеру, – и Джексон процитировал: – «Маргарита тихо подъехала по воздуху к меловому обрыву. За этим обрывом внизу, в тени, лежала река. Туман висел и цеплялся за кусты внизу вертикального обрыва, а противоположный берег был плоский, низменный». Ну что вам стоит указать, что это берег Темзы?

«Действительно, почему бы нет, если человек так просит. Меня от этого не будет, а у читателя не будет возникать вопросов. Можно даже указать улицу и номер дома...» Но

вдруг Булгаков спохватился:

– Пойдите, но вы же сами говорили, что в Англии эмигранты из России мрут... – при этих словах он ощутил, как холодок пробежал по его спине.

– Клятвенно обещаю, что вас... простите, мастера это не коснётся! – взмолился Джексон. – Мы даже поставим полисмена у ворот. Но если всё-таки такая неприятность вдруг произойдёт, определим в самую лучшую больницу.

«Ничего себе, приятная перспектива! Было желание обрести покой, а тут предлагают полежать под капельницей».

– Нет, Англия не подойдёт! – сказал, словно бы отрезал.

Нечёсанный враз переменялся в лице, выпятил нижнюю губу и смерил взглядом писателя с ног до головы. И даже белобрысые лохмы Джексона теперь выглядели так, как будто прикрывали маленькие рожки. «Вот этот точно похож на сатану, – к такому выводу пришёл Булгаков. – Словно бы прикидывает, умещусь ли в гроб, и не надо ли меня слегка укоротить. Да вот и кладбище тут неподалёку. Место для погребения почётное, никто не спорит, однако хотелось бы ещё пожить».

– Ладно, – процедил сквозь зубы Джексон. – Нет так нет, ничего тут не поделаешь. Вспомните про меня когда-нибудь, но будет поздно, – и добавил уже более миролюбивым тоном: – Ведь вы же с Украины, вы киевский! Чего вам за Москву цепляться?

– Мне и здесь не так уж плохо.

– Чёрт с вами! Счастливо оставаться! – сказал, не глядя на Булгакова, сунул ему в руку визитную карточку и сгинул в темноте.

«К чему бы это? Может быть, какой-то знак? Стоило появиться на Патриарших этому трамваю, тут всё и началось! И почему этот Джексон упомянул о Платове? Неужели англичане тоже шляются во времени туда-сюда? И уж совсем неправдоподобно, чтобы Платов появился здесь только для того, чтобы побеседовать со мной».

Чем дольше Булгаков размышлял, тем больше возникало у него вопросов. Он тяжело вздохнул и пошёл по Пироговке к дому № 35а, где снимал квартиру. И только дойдя до него, сообразил, что на дворе теперь 1937-й год, и живёт он в Нащокинском переулке, а не здесь. Вот до чего доводят эти неожиданные встречи с посланцами из другого времени! Ну что ж, придётся пешком тащиться на Пречистенку, поскольку трамваи, к сожалению, уже не ходят.

Глава 7. Предчувствие беды

Той ночью в квартире, что располагалась на третьем этаже дома в Чистом переулке, никто не спал. Это и понятно – времени до отъезда оставалось чуть, а предстояло сделать ещё многое. Итак, секретарь, держа наготове маузер, сидел в прихожей и прислушивался к шорохам за входной дверью. Глава Минкульта трудился над составлением очередного канцелярского шедевра под названием «План мероприятий». Филимон, как и положено ему, молился, запершись в кладовке. Ну а зелёное трико сушилось на верёвке в ванной комнате, в то время как его владелица, завернувшись в простыню, заучивала наизусть речь, с которой ей предстояло выступить через пару дней, сразу по возвращении домой. И только Платов занимался важным делом. Что же его так озаботило, если вынужден был даже отказаться от сна?

В самом деле, для этих «временных кульбитов» должна быть более серьёзная причина, чем беседа с талантливым писателем. И причина была, причём, если не уделить ей должного внимания, всё может закончиться весьма плачевно и для него, и для страны, – по крайней мере, Платову так казалось, когда он отправлялся в это путешествие. Его беспокоила мысль, что могут повториться события 1923-1924 годов, когда возникла опасность заговора внутри Политбюро, даже появились слухи о планах военного переворота, который за-

мышлял Лев Троцкий. А что если и сейчас? Ведь после изменения состава правительства, что будет сделано вскоре после инаугурации, неизбежно появится много недовольных. В таких условиях заботы о культуре отодвигались на второй план, но вместе с тем, он никак не мог избавиться от мысли, что Булгаков прав. Да, многое в сфере пропаганды и культуры делается по шаблону, без выдумки, без должного интереса к результату, который может быть достигнут, увы, только через много лет. Проблема в том, что тогда уже не с кого и некому спросить, а если у чиновников нет страха получить по шее за содеянное, наивно ожидать просветления в их головах.

Увы, попали не в тот год, не в двадцать пятый – этот год его интересовал, поскольку к тому времени в верхушке партии вроде бы всё успокоилось, и самое время делать выводы. Ну а теперь, коль скоро промахнулись, надо бы использовать возможность из первых рук узнать о том, что готовилось в тридцать седьмом. Чем чёрт не шутит, может быть удастся что-то крайне важное узнать, чтобы потом на практике применить полученную информацию. К этому решению подталкивало и то, что случилось сразу после выборов.

Дело в том, что как раз накануне отъезда из Москвы, утром девятнадцатого, звонит патриарх – даже не дал выспаться после бессонной ночи. «Караул! – кричит. – Владим Владимыч! Вы набрали 76,66 процента!» «Ну и хорошо. Я же надеялся только на три четверти». Опять кричит: «Так

666 – это же число зверя! В Библии упоминается ажник четыре раза. Никак нельзя этого допустить!» И впрямь, непорядок. Пришлось срочно вмешаться: председателю ВЦИК поставили на вид. Константину Эрнсту за то, что не смотрит информационные программы на своём телеканале, – предупреждение о неполном соответствии. Ну а цифирь немного подкорректировали, так, самую малость. Но после этого помощники вдруг в один голос завопили, что поездку надо отменить. Будто бы плохой знак, и всё такое в том же роде. Знают же, что не в его правилах отступать, а всё равно лопочут. Одно верно: следует быть настороже.

Он достал из шкафа металлический кейс, положил на письменный стол и откинул крышку. На вид это был обычный ноутбук – дисплей, клавиатура, видеокамера... Однако вот Платов проделал несколько манипуляций с кнопками, и через несколько минут тьма словно бы сгустилась в углу комнаты, и вот из этой тьмы возник полупрозрачный гражданин – сам в исподнем, а на голове офицерская фуражка. Гражданин стоял, вытянув руки по швам, и, заикаясь от волнения, что-то лепетал, но разобрать слова было невозможно. Да и сама его фигура болталась из стороны в сторону, как от сквозняка.

– Твою мамзель! – не сдержался Платов. – Опять голограмма неустойчивая. Когда вернусь домой, уж я им вставлю по первое число!

Но вот всё успокоилось, и наконец-то можно начинать бе-

седу:

– Ну что, товарищ Тухачевский? Как вам спится? Кошмары пока не беспокоят по ночам?

– Никак нет, товарищ Сталин! Сплю, как сурок, – отвечал гражданин в исподнем. – Но если надо, через полчаса буду на своём рабочем месте. Если только позволите одеться...

– В этом нет необходимости. Передовая советская наука позволяет нам общаться не только по телефону, но и так, в пределах видимости, хотя я нахожусь в Кремле, а вы у себя дома в Богоявленском переулке.

Действительно, в квартире маршала Тухачевского сначала раздался телефонный звонок, а затем случилось почти всё то же самое, что и в комнате, где находился Платов – полупрозрачная фигура так же внезапно появилась в углу, вот только маршал увидел не Платова, а Сталина, причём не в исподнем, а в обычном кителе и в штанах, заправленных в яловые сапоги. Но самое важное – Платов говорил своим обычным голосом, а Тухачевский слышал привычный всем акцент и интонации генсека. Тут нет ничего удивительного – наука двадцать первого века идёт вперёд семимильными шагами, опережая все иные сферы жизнедеятельности человека.

– Товарищ Тухачевский! Мы тут кое с кем посоветовались... А не пора ли вам заменить товарища Ворошилова на посту наркома обороны?

– Если партия доверит...

– Раздаются даже голоса, что вы вполне способны спра-

виться и с обязанностями генерального секретаря. Как вам такая перспектива?

– Нет-нет, товарищ Сталин! – вскричал маршал, замахав руками. – Эта должность не по мне. Я ведь солдат и только.

– Все мы солдаты партии... Ну а если всё же допустить этот вариант, какую работу вы бы предложили Сталину?

– И в мыслях не было такого...

– Что ж, даже пенсии не назначите?

– Товарищ Сталин! Вы шутите?

– Какие уж шутки, если речь идёт о руководстве партии...

– Даже и не знаю, что сказать.

– А вы скажите, что говорили товарищам Якиру и Уборевичу во время тайной встречи в Ленинграде.

– Да почему же тайной? Мы регулярно общаемся...

– Ах так! Наверное, обсуждаете и то, что творится в государстве.

– Товарищ Сталин! Как без этого? Все наши мысли о том, как улучшить положение в стране...

– Выходит, Политбюро с этим не справляется?

– Да нет! – опять маршал вскинул руки, изображая несогласие. – Я не то хотел сказать... Дело в том, что мы хотим, как лучше.

– Ваше желание понятно. Но возникает вопрос: лучше для кого?

– Для страны, конечно, для советского народа.

– Это благородная цель. Но как совместимо с благород-

ством то, что вы шушукаетесь за моей спиной?

И в Чистом переулке, и в Богоявленском стало тихо. Похоже, маршал пытался подобрать подходящие слова, но нелегко собраться с мыслями, если стоишь босиком на холодном полу, переступая с ноги на ногу. В темноте куда-то подевались шлёпанцы, а тут ещё генсек задаёт вопрос, на который нет ответа.

Платова именно это занимало: сможет ли человек, припёртый к стенке фактами и аргументами, вывернуться из такого положения? Какие способы для этого найдёт? А ведь Тухачевский весьма опытный, изощрённый тактик, что и доказал в гражданскую войну.

Причина такого интереса состояла в том, что ещё несколько лет назад возникло ощущение опасности. Выступления непримиримой оппозиции его мало волновали – тут враг не скрывает своего лица, и потому можно найти способ, как его нейтрализовать. Но если тебе крепкожимают руку, преданно смотрят в глаза, и вообще – говорят только приятное... Тогда рано или поздно начинаешь чувствовать: что-то здесь не то. Не может быть так, что они со всем согласны – со всем, что бы он ни предлагал. А если молчат, не возражают – что бы это значило? Либо им на Россию наплевать, поэтому готовы исполнять даже ошибочный приказ. Либо скрывают несогласие, и что тогда? Тогда возможно всё, вплоть до подготовки дворцового переворота. Ну а повод найдётся – например, его болезнь. Или вот, например, – невозможность

исполнять свои служебные обязанности...

«О, господи! Как же я не сообразил?» Только сейчас он понял, что «число зверя» выплыло в результатах выборов не зря. Это ни что иное, как предостережение, посланное ему свыше. Нельзя было оставлять Россию без присмотра даже на три дня! И что же теперь делать?

Платов уже не обращал внимания на то, что там лопочет Тухачевский. Завтра проснётся и ничего не вспомнит. Можно выключать прибор – он уже всё понял, а дальнейшее не интересно.

Итак, нужно срочно сворачиваться! Платов дважды хлопнул в ладоши, и через мгновение перед ним стояли секретарь с маузером и дама в простыне.

– Галочка! Собирай чемоданы, мы возвращаемся домой, – и уже обращаясь к секретарю: – Митя! Надеюсь, что трамвай стоит, что называется, «под парами» на Пречистенке?

– Владим Владимыч! Так он же в Краснопресненском депо на техобслуживании.

– Ну вот опять! – всплеснул руками Платов. – Почему я должен соображать один за всех за вас? Ноги в руки и бегом в депо!

– Так ведь метро ещё не работает! – попробовал оправдаться секретарь.

– Чтоб через полчаса доложил мне о боевой готовности! Митя пулей вылетел из комнаты, а за ним, путаясь в простыне, последовала Галочка. Она была уже в дверях, когда

Платов прокричал вдогонку:

– И Филимону скажи, чтобы помолился за меня.

Глава 8. Диверсия в депо

Мите жутко повезло – ему удалось поймать «попутную». Это была водовозка, возвращавшаяся с пожара, причём ехал он, сидя верхом на цистерне, поскольку в кабине свободного места не нашлось. Водитель получил червонец, и было обещано вдвое больше, если домчит за пять минут. Включив сирену, он гнал так, что водовозка на поворотах вставала на два колеса, грозя сбросить щедрого клиента. Но обошлось – Митя чудом удержался.

Вылетев на Садовое кольцо у Зубовской площади, машина, не снижая скорости, ринулась в сторону Тверской, игнорируя постовых и светофоры. Однако на площади Восстания водитель изменил маршрут – стало ясно, что он рвался на Ходынку. Походя напугав зверей в единственном столичном зоопарке и подняв с постели жителей Пресненского вала, водовозка сделала вираж, пролетела метров двести по Ходынке и вдруг завизжали тормоза. Машина встала, из радиатора валил пар, а водитель тяжело дышал – успокоился он, только получив долгожданные червонцы.

И вот Митя у ворот депо. Проникнуть не территорию не составило труда – сторож спал, не выпуская из рук недопитую бутылку водки. Одно это уже насторожило Митю. А тут ещё за угол метнулся кто-то в чёрном редингтоне. Это был тот самый белобрысый, непричёсанный субъект, кото-

рого давеча заметил Филимон, когда следил по собственной инициативе за Булгаковым. Ещё предстояло выяснить, о чём они там беседовали у Новодевичьего монастыря.

Увы, предчувствие секретаря не обмануло – одна из рес-сор трамвая лопнула, а токоподъёмник оказался искорёжен самым непотребным образом. В иной ситуации можно было бы на это наплевать, позаимствовав другой трамвай, однако для путешествия во времени трамвай маршрута № 28 не годился, так же как и все другие номера.

В час ночи рассчитывать на то, что удастся вызвать ремонтную бригаду – это была чистая утопия! Митя воспользовался телефоном, вынув его из-под головы невменяемого сторожа, и сообщил Платову горестную весть. Тот помолчал немного и приказал: «Возвращайся!»

К счастью, водовозка стояла на прежнем месте. Причина оказалась до безобразия проста – экипаж был в стельку пьян. Видимо, разжиться самогоном или водкой для них не составило особого труда. Пришлось за руль садиться Мите, а из пожарных сделать что-то вроде сэндвича, уложив одного служивого на другого – иначе в кабину не протиснуться.

Тем временем, Платов уже прикидывал в уме, как бы привлечь сотрудников НКВД для того, чтобы уладить это дело. Можно было, конечно, позвонить прямо на Лубянку и намекнуть на некие, почти «родственные» связи, но ведь не поверят, не поймут! Если же просто сообщить, что в трамвайном депо произошла диверсия, это тоже не поможет – ведь

главное, чтобы срочно привели в божеский вид трамвай, а злоумышленника наверняка и след простыл. Поэтому пришлось поступить иначе – использовать кое-какие возможности спецтехники, но уже без голографии. Для этой операции Платов выбрал Льва Миронова, главного контрразведчика страны. Однако позвонить ему решил от имени Лазаря Кагановича – нельзя же всякий раз эксплуатировать образ Сталина. А тут среди ночи звонит нарком путей сообщения, к тому же секретарь ЦК, и требует расследовать происшествие в Краснопресненском депо и организовать ремонт трамвая. Миронов, назначенный на свой пост всего три месяца назад, кочевряжиться не станет, будет выслуживаться перед начальством из ЦК. Тут главное, чтобы сотрудники НКВД срочно доставили на место ремонтную бригаду. Будет плач, прощание с семьёй, но это ненадолго...

Конечно, есть риск – могут разобрать трамвай до винтика в поисках улик. Но тут ведь поступило указание произвести ремонт! Так что в этой ситуации вполне можно надеяться на то, что обойдётся без нежелательных последствий.

После звонка Миронову всё и началось. На место происшествия прибыла рота солдат, которая взяла под охрану территорию. Ну а пока ремонтники устраняли повреждения, дознаватели из НКВД взяли в оборот тамошнего сторожа. К счастью, похмелье оказалось не особенно тяжёлым, и после того, как его несколько раз сунули головой в снег, бедняга смог описать субъекта, который и подложил ему свинью в

виде закупоренной бутылки водки. Когда же сторож вспомнил про иностранный акцент, почти такой же, как у импресарио Любови Орловой в фильме «Цирк», всю мощь столичной милиции и спецслужб направили на поиски диверсанта. Тут же словесный портрет негодяя сообщили постовым, на все железнодорожные вокзалы и на Центральный аэровокзал, что на Ходынке. Уже через полчаса по московским улицам сновали чёрные «эмки» с оперативниками НКВД, которые задерживали всех белобрысых и нечёсаных и отправляли в КПЗ.

К утру трамвай был отремонтирован, однако в отличие от большинства своих собратьев, которые с некоторым опозданием всё же отправились по маршрутам, он по-прежнему оставался не у дел. Проблема заключалась в том, что чекисты не торопились покидать территорию депо – возможно, надеялись найти диверсанта в каком-то закоулке. Так что возвращение Платова домой опять откладывалось, то есть назревала катастрофа. Единственное, что могло помочь – это скорейшая поимка злоумышленника. И тут невозможно было обойтись без участия Булгакова – только он общался с белобрысым, только он мог подсказать, как его найти. Остальное – дело техники.

Митя дежурил у депо, Моня продолжал молиться, ну а глава Минкульта занимался привычным делом – выгуливал хозяйского пса и заодно набирался впечатлений. По правде говоря, в эту поездку он напросился сам – причина бы-

ла более чем уважительная. Все знали, что министр с детских лет увлечён историей Отечества, опубликовал несколько книг под общим названием «Мифы о России» и вот теперь задумал сочинить новый миф, на этот раз о Сталине. Потому и таскал за собой несчастного пса – от Пречистенки до Арбата, от Арбата до Тверской, – прислушиваясь к разговорам и фиксируя в памяти наиболее характерные примеры наглядной агитации на домах и на заборах.

Теперь понятно, что Платову не оставалось ничего другого, как послать в Нащокинский переулок, где располагалось общежитие писателей, Галину – в конце концов, не идти же самому! Поверх ещё влажного после стирки зелёного трико она надела брюки клёш и матросский бушлат, а вот бескозырку натянуть не решилась – предпочла элегантную чёрную шляпку с вуалью, позаимствовав её из гардероба хозяйки квартиры вопреки запрету Платова. К счастью, в этот ранний час москвичи спешили на работу, а тут ещё трамваи куда-то подевались, так что было не до неё, хотя в иных обстоятельствах Галина при таком наряде вполне могла бы оказаться в «жёлтом доме». Вот и Булгаков наотрез отказался идти рядом с ней, потребовав соблюдать дистанцию. Однако чего не сделаешь, чтобы выполнить приказ! Ей-то самой всегда был противен этот неудачливый писака – не будь распоряжения начальства, она бы его за километр обходила.

– Тут вот какое дело, Михаил, – так Платов приветствовал Булгакова, когда того доставили в Чистый переулок. – Без

вас мы, как без рук.

– Весьма лестно для меня, но чем же я могу помочь? Если только написать фельетон или сатирическую пьесу...

– Да нет, здесь закручивается такой сюжет, что ни я, ни вы не сумели бы ничего подобного придумать. Мне так кажется. А потому что задействованы неизвестные нам потусторонние силы...

– Неужели сатана опять в Москве?

– Господь с вами! – перекрестился Платов. – Я про тех, кто на другой стороне Ламанша, а быть может, и гораздо дальше, за Атлантикой.

Булгаков тут же вспомнил белобрысого, его акцент и рассказал всё, как было, не дожидаясь, когда начнут взывать к его патриотическим чувствам или давить на психику. Платов это оценил и познакомил Булгакова с тем, что узнал о ночном происшествии в Краснопресненском депо.

– Теперь вы понимаете, что всё дело упирается в вас? Вы единственная ниточка, которая приведёт нас к этому Борису. В противном случае мы останемся здесь навсегда со всеми вытекающими, крайне печальными последствиями. Вы этого хотите?

– Ни в коем случае! – вскричал Булгаков и, пошарив в карманах, достал визитную карточку, которую сунул ему Джексон. – Вот!

Какие будут последствия, нетрудно было догадаться. Повальные обыски, комендантский час, объявление войны

Японии... И всё из-за того, что в столицу невесть откуда прибыл трамвай с шайкой злоумышленников, готовящих госпереворот. А закончится тем, что во всём обвинят кого-нибудь из высшего командного состава армии. К примеру, Якира или Тухачевского...

Пока Булгаков рассказывал о том, что случилось у Новодевичьего монастыря, подошёл и секретарь. Митю отозвали из депо, чтобы дать немного обогреться – ночью мороз доходил до двадцати градусов. Видимо, Митя простудился, потому что непрерывно кашлял.

– Так, Борис Джексон, – Платов прочитал то, что напечатано в визитной карточке. – Здесь не только телефонный номер, есть и адрес... – и вдруг ткнул пальцем в своего секретаря: – А не тот ли это Джексон, что попытался нагадить в нашу избирательную кампанию?

– Вряд ли, Владим Владимыч. Нагадить англичане могут, но чтобы перемещать это во времени...

– Ты прав, Митя, им это слабо! И всё же присмотрись. А может, это он? Вот вместе с Михаилом и поезжайте... Как тут сказано? Большой Козихинский, дом 15, квартира 7...

– Я знаю этот дом! – закричал Митя, для убедительности хлопнув себя по лбу. – Да-да! Его построили в тридцать первом для инспекторов из Западной Европы, они у нас налаживали производство то ли калош, то ли автомобилей, уж и не помню. Но это означает, что Джексон может обретаться там на вполне законных основаниях, – и опять закашлялся.

– Митя! Ты бы сходил к врачу, – сжалился Платов. – А то не ровён час...

– Ой, Владим Владимыч! Я как вспомню наши московские поликлиники, так хочется сразу на кладбище ползти...

– Что так? Не рановато ли? – удивился Платов. – И чем же тебя достала наша медицина? Тем более, что к Кремлёвке прикреплён.

«Ах, не ко времени это разговор! Однако интересы простых людей всегда были и остаются в приоритете у правительства». Так рассуждал Платов, позволив секретарю отклониться от заданной темы. А Митя продолжал рассказывать о том, что наболело:

– Владим Владимыч! Ведь в этой Кремлёвке, как ни придёшь, врачи предлагают полный курс обследований, от темечка до самых пяток. «А вдруг у вас там... А вдруг у вас это... А нам потом перед президентом отвечать». Да после таких заявлений жить не хочется! Я уж не говорю про то, что фармацевты устроили на нашем телевидении. С утра до вечера твердят о болезнях, мол, беги скорей в аптеку, покупай лекарства, а то до зарплаты не доживёшь!

– Ну вот, теперь и телевидение тебе не по душе. Видать, сильно простудился! Ну а врачей и фармацевтов следует понять, поскольку им тоже надо как-то зарабатывать.

Похоже, Митю этот аргумент не убедил:

– Извините, Владим Владимыч! Я пойду луком подышу. Ещё деду моему это средство помогало, поэтому и обходился

без врачей.

– Ну что ж, пять минут тебе на процедуры, – Платов позволил Мите уйти и обратился с предложением к Булгакову: – Так что, Михаил, готовы встретиться с этим Джексоном?

– Честно говоря, не хотелось бы. Уж очень мерзкий субъект! Но если надо для дела...

– Тогда вот вам телефон, договаривайтесь о встрече и соглашайтесь на всё. Он сразу же вас пригласит к себе, пока вы не передумали. Там мы его и возьмём.

– А нельзя ли ограничиться телефонным разговором?

– Никак нельзя! Вы же должны подписать с ним договор. Пусть он там всё пропишет, аванс, отступные и всё такое прочее.

– Надеюсь, подписывать буду не кровью?

– С чувством юмора у вас всё в порядке, кто бы сомневался.

Платов улыбнулся, однако ни его, ни Булгакова не покидала тревога – кто ж знает, как оно получится?

Глава 9. Дознание в Большом Козихинском

Это случилось несколько лет назад, когда жена приревновала Митю к своей подруге. Затем последовал развод, и вот теперь она с детьми в Париже, а он не может до сих пор понять, почему всё это с ним случилось. «Подумаешь, с кем-то переспал! Зачем же делать такие поспешные оргвыводы?»

Он вспомнил тот день. Обычная суета, от которой к вечеру возникает ощущение, будто руки пишут помимо воли, язык сам раздаёт указания, а в голове кто-то устроил гонки на выживание – ещё чуть-чуть и всё может закончиться аварией. Понятно, что идти в таком состоянии домой нельзя – сил нет снова выслушивать упрёки в том, что «недостаточно уделяешь внимания воспитанию детей», что «твои деньги никому не нужны, если нет самого главного – любви»... Да пропади оно всё пропадом! Поэтому и поехал к Регине – она давно ему намекала, что не прочь кое-что обсудить, причём в интимной обстановке...

За окном лаяли бродячие собаки, в комнату проникал дымный запах от горящего костра, который где-то поодаль разожгли бездомные бродяги. Регина ползала на коленях по дивану, пытаясь изобразить страсть, но ничего не получалось. Полные груди свисали вниз как гипертрофированные

виноградины, своим видом вызывая у Мити лишь ощущение оскомины во рту. Едва прикрытый кружевными трусиками зад пробуждал смутное желание шлёпнуть по нему чем-то достаточно твёрдым и увесистым, а покрасневшее от выпитого вина лицо безмолвно вопрошало: «Ну, так как, неужели это тебя не возбуждает?» Шёл второй час ночи, а ещё предстояло добираться до дому...

И вот теперь он снова там, стоит у подъезда, но не решается войти. А вдруг произойдёт невероятное? А вдруг Регина поджидает его в своей квартире, чтобы снова попытаться совершить насилие над личностью? Ну кто поверит, что случайно всё сошлось – и тот же дом, и та же квартира на втором этаже? У Мити возникла мысль, что дело тут не чисто, что не обошлось без вмешательства сатаны. Да ничего другого и не может в голову прийти, когда простужен!

Булгакова тревожило совсем другое. Митя хоть и пришёл без кожанки и без маузера, однако, судя по его решительному виду, дело может дойти до потасовки. А за нападение на инспекта могут приписать измену Родине. Вот ведь Николай Эрдман был отправлен в ссылку лишь за басни...

Когда поднялись на второй этаж, Митя позвонил, но тут же отошёл в сторону – если этот Джексон глянет в щёлку, пусть раньше времени не беспокоится, ну а потом уж будет поздно. Так и получилось. Через несколько минут белобрысый, связанный по рукам и ногам, сидел на табурете, а Митя, держа руку на телефонной трубке, ехидно спрашивал:

– Так куда звонить? В милицию или вам приятнее дело иметь с НКВД?

Джексон, не ожидавший такого поворота, что-то промычал на английском. Затем взглянул на Булгакова:

– От вас я никак не ожидал. Интеллигентный человек, а позволяете себе подобные шутки.

– Это не шутка, – уточнил Митя. – То, что пытались соблазнить Михаила Афанасьевича, склонить к предательству, это мы простим. А вот повреждение госимущества в Краснопресненском депо наверняка будет расценено следствием, как диверсия. Как вам такой расклад?

– Я иностранный гражданин, – залепетал нечёсанный.

– И что? Если бы мы с Великобританией были в состоянии войны, вас бы отправили в Сибирь, на лесоповал. Ну а со шпионами и диверсантами, которые скрываются под личиной инспекторов, у нас короткий разговор! – и снова спросил: – Так как?

«Толково ведёт допрос», – подумал Булгаков. И тут же Джексон сдался:

– Чего вам надо?

– Мне лично? Ничего! Это надо вам. А мне просто любопытно, как вам удалось перемещение во времени. Ехали на подножке нашего трамвая?

Тут надо пояснить, что Митя, взглянув на инспектора, сразу признал в нём того самого британского пройдоху, который обвинял Россию во всех смертных грехах – это было накануне

не президентских выборов. Так что прежде, чем передавать его в НКВД, во всём следовало разобраться. Тем временем, Джексон о чём-то размышлял, но вот, наконец, решился:

– Чёрт с вами! Мне моя жизнь больше дорога, чем все эти интриги ваших и моих соратников.

– Вы это о чём? – удивился Митя.

– Да всё о том же! – усмехнулся Джексон. – Кое-кто там, у вас... в Кремле, в Белом доме или на Лубянке, надумал отстранить Платова от власти.

Митя и сам не понял, что больше всего в этих словах его обидело. Вот если бы Джексон сказал, что заговор возник в РОСНАНО или в Сколково, он бы ничуть не удивился. Даже в правительстве есть несколько человек, которым не стоит доверять. И на Лубянке, и в Ясенево прежде встречались люди, которые за деньги могли бы Родину предать. Но подозревать в интригах ближайшее окружение президента... Это уж точно непростительно!

– Врёшь, гадёныш! – Митя замахнулся телефонным аппаратом, но Булгаков успел его остановить...

Когда Джексона снова усадили на табурет, на нём лица не было. Дрожащим голосом он стал рассказывать о том, как в Лондоне к нему обратился некто, прибывший из России. В МИ-6 заверили, что ему можно доверять. Этот человек сообщил, что во власти сложилась оппозиция Платову, замыслили госпереворот. Ну а поскольку Лондону это явно на руку, почему бы не помочь хорошим людям, которые с уваже-

нием относятся к европейским ценностям и институтам. Всё было настолько убедительно, что Джексон согласился. И вот теперь ничего изменить уже нельзя.

– Ребята! Вас же нарочно закинули в тридцать седьмой год! В двадцать пятом вы бы ещё выкрутились, а в тридцать седьмом, при Ежове – всё, хана!

– Но почему именно вас выбрали для этой акции? – допытывался Митя.

– Это объясняется очень просто. Среди московских инспецов оказался инженер, внешне очень похожий на меня. Он уже третий день сидит здесь, в кладовке. Я иногда его подкармливаю – британец как-никак.

– Такой же нечёсанный, как вы?

– Это деталь, на которую никто не обратил внимания, – отмахнулся Джексон.

– Каким же образом перебрались сюда из Лондона?

– Вы меня удивляете! Да за большие деньги вас кто угодно сдаст – и Платова, и директора ФСБ и даже Госдуму в полном составе... Вот и среди разработчиков этого вашего спецтрамвая нашлись покладистые люди, которые изготовили копию специально для меня. Правда, на трамвай у них не хватило ни времени, ни сил, поэтому я отправился в путь... Как же это называется? Ах да, мотодрезина. Не очень комфортно, продувает со всех сторон, но долетел.

– А как она к вам попала?

– Ну это ж не баллистическая ракета! Переправили в од-

ну из прибалтийских стран, и там, с территории британского посольства я и стартовал.

– И где же теперь эта самая дрезина?

Джексон покачал головой и улыбнулся:

– А вот этого я вам не скажу!

– Думаете, ещё пригодится?

– В НКВД тоже есть предприимчивые люди. А фунты стерлингов везде в ходу.

Булгакову показалось, что Мите уже нечем крыть, то есть всё, приехали! Но он ошибся.

– Да, всё довольно убедительно, но одного вы не учли. К тому времени, когда выйдете с Лубянки, окно во времени исчезнет. Оно ведь открывается всего лишь на три дня...

Тут случилось то, чего ни Булгаков, ни Митя не могли предвидеть. Нечёсанный сначала поднял брови, разинул рот, а затем едва не свалился с табурета – теперь уже от хохота.

– Три дня? В том-то и дело! Они вас надули, намеренно лажу вам подсунули. Да, да! Всё сделано для того, чтобы вы не успели возвратиться назад, если с трамваем что-нибудь случится. Затем арест, допросы на Лубянке, и всё! *Finita la commedia!* А я смогу задержаться здесь хоть на целую неделю, а потом спокойненько уеду на дрезине.

– Допустим, – Митя прикусил губу, а затем видимо что-то придумал и, криво усмехнувшись, спросил: – Но почему вам, британскому интеллектуалу, не пришла в голову мысль, что они и вас надули? На чём основана ваша уверенность

в том, что время пребывания здесь для вас ничем не ограничено? Вы что, разбираетесь в физике или участвовали в экспериментах? А как вам такой вариант развития событий: если вы останетесь здесь навсегда, с вами и концы в воду, а ваше исчезновение можно списать на русскую разведку – похитили, пытали и, получив нужные сведения, отправили в мир иной... Вот как сейчас, без каких-либо гарантий на возвращение домой.

Джексон молчал. В его голове пронеслись события последних дней, когда всё складывалось весьма успешно, а после возвращения вполне можно было рассчитывать на пост премьер-министра, и вот... «Действительно, зачем я им буду нужен после того, как выполню задание? Исполнителей всегда убирают – так было и после убийства Кеннеди, а тут ведь предполагается устранение не кого-нибудь, а Платова... Официально объявят, что русские меня убили, труп расчленили и раскидали кусочки по мусорным бакам на окраинах Лондона, где-нибудь в Ист-Энде... Ох же я и дурак! Надо ж было так купиться!» А вслух сказал:

– Готов сотрудничать.

Митя вызвал по телефону такси, и уже через полчаса вся троица благополучно добралась до квартиры в Чистом переулке.

Глава 10. Совет в Хамовниках

– Борис! Какая встреча! Если б вы знали, как я рад! – Платов сделал вид, что готов прижать Джексона к своей груди, но тот вежливо отстранился и плюхнулся в кресло, не дождавшись приглашения. Это и понятно, ситуация не располагала к соблюдению этикета, да и порядком подустал – участие в допросе отнимает много сил, особенно, когда самого тебя допрашивают. И уже после того, как сел, закинув ногу на ногу, ответил:

– Догадываюсь, что вы довольны действиями своих подручных, господин президент. Но не могу сказать того же о себе.

– Я вас понимаю! Наверное, вы предпочли бы сдать НКВД, а не попасть в руки главы «кровавого режима».

– Да нет, мы тут с вашим Малютой Скуратовым поговорили, и он меня кое в чём убедил... В общем, похоже, что мы оба оказались в дураках.

– Ещё не вечер! Бог даст, что-нибудь придумаем, – и Платов, обращаясь уже к Мите, спросил: – Так о чём договорились?

Митя в подробностях пересказал всё то, что случилось в Большом Козихинском переулке, и затем добавил:

– Я бы ему не доверял. В любой момент может что-то учудить.

– Это уж само собой. Кто бы сомневался! – согласился Платов, усаживаясь в кресло.

Как ни странно, Джексон не пытался возражать, и на какое-то время в гостиной воцарилась тишина. Митя, сидя на краешке стула, нервно покусывал ноготь, а Платов о чём-то размышлял, изредка бросая взгляд на Джексона.

– Итак, что же мы имеем? – эти слова Платов произнёс, глядя в окно на Чистый переулок, словно бы там находился некто, способный дать ответы на вопросы, которые поставили перед ним события последних нескольких часов. – Весьма вероятно, что в Москве готовится госпереворот. Весьма вероятно, что Бориса направили сюда мои враги, которых ещё предстоит выявить. К счастью, повреждения нашего трамвая устранены, однако мы пока не можем воспользоваться им для возвращения, поскольку он находится на территории депо, где полным-полно чекистов.

– Возможно, они уже ушли, – заметил Митя.

– Нет, Филимон недавно доложил, что всё по-прежнему. Далее, есть какая-то мотодрезина, но мы не можем быть уверены, что возвратимся на ней домой. Чем чёрт не шутит, а вдруг закинет нас куда-нибудь в раннее средневековье, когда в этих местах бродили только бурые медведи? Как вам такая перспектива, Борис?

– Нет, не думаю, что эта мотодрезина способна переместить нас на два тысячелетия назад, – угрюмо ответил Джексон, покачивая головой. – Перед отправкой мне пояснили,

что у таких устройств пока крайне ограниченный радиус действия. – И вдруг оживился: – Кстати, а как это к вам попало? Вроде бы в Штатах ничего такого нет, иначе давно бы устраивали турпоездки в Древний Рим на схватки гладиаторов или во времена Дикого Запада, когда можно было вволю пострелять, не опасаясь наказания. Послушайте, а может, это оборудование вы нашли на месте падения Тунгусского метеорита? Тогда обязаны поделиться с нами – ведь это же чистая случайность, что он упал в Сибири, а не в Уэльсе или же в Шотландии. Лично у меня нет никаких сомнений, что и трамвай, и мотодрезина являются достоянием всего цивилизованного человечества!

– Вы опять спешите с выводами, – усмехнулся Платов. – Должен вас огорчить, это советская разработка, доведённая до ума уже в наше время. И к инопланетянам она не имеет никакого отношения.

– Тогда понятно, почему использовали этот допотопный трамвай. Ничего приличнее не могли придумать? – Джексон откинулся на спинку кресла, изображая на лице сочувствие, смешанное с презрением. – А вы уверены, что на нём мы сможем возвратиться назад?

– Успокойтесь! Руководителю проекта я полностью доверяю, мы с ним давно знакомы, ещё с того времени, когда я работал в КГБ. Он лично проверил всё оборудование, и к этому трамваю больше никого не подпускали. Вот и сейчас он под охраной, что немаловажно. Мало ли что может с ним

произойти!

– Но как же... – заикнулся было Митя.

– До полуночи ещё есть время. В конце концов, мы можем пробраться в депо под покровом темноты, нейтрализовав охрану. Понятно, что об убийстве речь не идёт, но у нас припасены кое-какие средства, – сообщил Платов и со значением посмотрел на Джексона.

– Ну если так, тогда я спокоен, до ночи можно и поспать, – Джексон потянулся, однако выглядело это не вполне естественно.

– Напротив, всё только начинается. Если мы не сможем узнать, кто участвует в заговоре, если не раскроем их планы, тогда возвращаться опаснее, чем оставаться здесь. Нас могут встретить сразу после «приземления», или как там это называется. В заговоре участвуют весьма серьёзные люди, и они наверняка подготовили запасной вариант на тот случай, если Джексон всё провалит. Вы согласны? – и Платов посмотрел на Джексона.

– Что вы от меня хотите? Да, провалил, это и ежу ясно. И кстати, не жалею...

– Вот даже как!

– Ну вы же сами объяснили. Да, я последний дурак, потому что согласился на эту авантюру.

– Успеете ещё посыпать пеплом голову, – усмехнулся Платов. – Но я вас спрашивал не о том.

– Ах, вы об этом... Действительно, такой вопрос я зада-

вал руководителям МИ-6. Кому же хочется подвергать свою жизнь опасности даже ради столь желанной цели? Я их прямо спросил: есть ли другой вариант, который не предполагал бы моего участия?

– И что?

– Сказали, что есть, но мне эта информация совершенно ни к чему... Это же надо набраться такой наглости! Посылают человека на верную смерть и всё от него скрывают!

– Неужели вы стерпели?

– Я им устроил такой скандал! Пригрозил спецпрокурором и расследованием в палате общин... И всё же убедил, причём вполне логическим путём! Я им сказал, что, если не вернусь, эта тайна так и сгинет вместе со мной, ну а если вернусь, это будет означать, что второй вариант уже ни к чему. Что удивительно, сработало! – и Джексон горделиво посмотрел на присутствующих, как будто и впрямь выступал в Вестминстере.

– Борис! Ну что вы тянете кота за хвост? – не выдержал Платов. – Что за план?

– Нет, мы так не договаривались, – Джексон замотал головой. – Вы предлагаете мне разгласить государственную тайну? Но это невозможно, интересы Великобритании я никогда ни при каких обстоятельствах не предаю!

– А что вам остаётся? – сказав это, Митя стал засучивать рукава. – Вот впрыснем вам пару ампул «Новичка», потом закатаем в ковёр и выбросим где-то на задворках...

– Вы так не сделаете! Цивилизованные люди так не поступают! – закричал Джексон.

– Но вы же сами утверждали, что мы отправили на тот свет Литвиненко, пытались отравить Стригалья. С какой стати мы пожалеем какого-то британского министра? Кстати, хочу вам напомнить, что сегодня исполняется пятая годовщина со дня безвременной кончины ещё одного Бориса. Про Березовского слыхали?

В гостиной снова стало тихо, но это продолжалось совсем не долго, поскольку куранты стали отбивать последние секунды перед тем, как часовая стрелка сдвинулась, и вот...

– Борис, поспешите! – при этом Платов указал на циферблат. – На всё про всё и вам, и нам осталось не более двенадцати часов.

Да, время – это такая категория, с которой не поспоришь. Оно неумолимо течёт, причём исключительно вперёд. И что особенно обидно, остановить его нет никакой возможности. Даже перемещение во времени не может нарушить этого закона. Нельзя же вечно бежать вспять – рано или поздно приходится остановиться, и тогда...

– Ладно! Ваша взяла! Подчиняюсь грубой силе, – Джексон развёл в стороны руки, словно бы хотел изобразить распятого Христа. – Только не пойму, зачем вам это нужно. Ведь вы здесь, а они там...

– Об этом не беспокойтесь, есть у нас кое-какие возможности, – загадочно улыбнулся Платов. – Так на чём мы оста-

новились? Ах да... Что же это за вариант, о котором вам рассказали в МИ-6, и с кем конкретно вы встречались?

– Вряд ли вам это поможет, но так тому и быть. Эту информацию мне сообщил лично Алекс Вингер, руководитель МИ-6. Если я не смогу задержать вас здесь, предполагалось, что вас изолируют сразу по возвращении в Москву, для этого подготовлена группа спецназа...

– ГРУ, МВД, СВР?

– Я всё равно в этих деталях не разбираюсь, поэтому не уточнял. Сказали только, что у них всё уже готово – и тот, кто вас заменит, и текст заявления, в котором будет сказано, что вы погибли в результате несчастного случая на охоте где-то в горах. На Алтае, что ли... Будто бы вас завалило обломками скалы... А через несколько дней общественности представят ваше бездыханное, изуродованное тело.

– Фу, какая гадость! – не сдержался Митя.

На это Платов заметил:

– Привыкай! То ли ещё будет! – и, повернувшись к Джексону, спросил: – Вы вроде бы разговаривали с человеком из России... Когда и где это было?

– Да, я встречался с ним в офисе МИ-6. Было это в День Красной армии... Так этот праздник у вас называется? Поэтому и запомнил.

– Возможно, Вингер называл его по имени?

– Нет, он называл его просто – гость.

– А как он выглядел? Расскажите всё, что помните.

– Высокого роста, плечистый. Волосы тёмные, с пробором...

– Слева или справа?

– Вот чего не помню, того... Да, кажется, справа.

– Может быть, родинки или шрамы?

– Нет, ничего такого не было.

– Не густо... Ну что ж, вы пока посидите здесь, а мне нужно подумать, – Платов встал и неторопливо удалился в кабинет.

Казалось бы, всё, допрос закончен, однако присутствие Мити не позволяло Джексону полностью расслабиться. А вдруг Платов ушёл только потому, что не переносит вида крови? Он с опаской посмотрел на Митю, но тот, похоже, задремал.

Тем временем, Платов достал чемоданчик, тот самый, с помощью которого изображал из себя Сталина и Кагановича. И через пару минут на дисплее возник министр обороны.

– Привет, Кузьмич! Как сам?

– О, Влад! Ты уже дома?

– Нет! Один в кабинете?

– Тут ещё пара голых девиц, но они нам не помешают, – ухмыльнулся министр.

– Ты, как всегда, на высоте... Но сейчас мне не до шуток.

– Что-то случилось?

– Об этом потом. А сейчас срочно вызови к себе начальника НИИ, в котором разработано то самое оборудование –

спектрамвай и устройство связи. Только сделай так, чтобы никто ничего не заподозрил. Якобы хочешь дать новое задание. И обо мне никому ни слова!

– Всё понял.

– Я позвоню через час. До связи!

Закончив разговор с президентом, министр обороны набрал номер ГРУ.

– Игорь Валентинович! Как там твой спецназ? Возможно, наведаюсь к вечеру с проверкой.

Это была кодовая фраза, означавшая, что ожидается боевая операция.

– Всё понял.

– Вот и хорошо, – сказав эти слова, министр повесил трубку.

А Платов уже успел связаться с СВР. Разговор автоматически был переведён в комнату для особо секретных разговоров. Через минуту к аппарату спецсвязи подошёл запыхавшийся директор.

– Слушаю, Владим Владимыч!

– Сергей Евгеньевич! Как дела на вашем фронте?

– Всё путём...

– В последнее время не было никаких эксцессов с сотрудниками управления?

– Было кое-что... Сейчас посмотрю... Ага, нашёл. Дело в том, что управление внешней контрразведки контролирует тех, кто выезжает в командировку за кордон. Так вот, одного

на время потеряли...

– Надолго?

– На полтора часа... Но он потом всё объяснил.

– Где это произошло?

– В Лондоне...

– Точнее?

– Сейчас... Он был в командировке с двадцатого по двадцать пятое февраля. А потеряли его двадцать третьего на набережной у Воксхолльского моста, недалеко от Вестминстера. Там как раз проходила многолюдная манифестация...

– В том же районе и главный офис МИ-6?

– Да! А что случилось?

– Прослушка?

– Ничего не показала... Но вы же знаете, при нынешних возможностях спецтехники...

– Словесный портрет?

– Минуту... Вот... Высокий, брюнет, спортивного телосложения... Кстати, он протеже моего предшественника, а к нему, как вы знаете, было множество вопросов...

– Достаточно! Срочно возьмите под контроль все связи этого брюнета, вплоть до соседей и любовниц. И строжайшая секретность!

– Так что случилось?

– Я ещё позвоню.

Закончив переговоры, Платов возвратился в гостиную.

– Не знаю, как у вас, а у меня разыгрался зверский аппе-

тит.

– Сейчас распоряжусь, – встрепенулся Митя.

– Только рыбные закуски. И никаких излишеств!

Понятно, что нельзя перегружать желудок, если предстоит серьёзная работа.

Глава 11. Дела шпионские

Платов так и не решился самому себе ответить на вопрос, почему не обратился в ФСБ. Отчасти причина была в том, что вполне успешную деятельность по нейтрализации террористов в последнее время сопровождало несколько скандалов. Это могло быть вызвано как традиционным противостоянием с МВД, так и причастностью действующих сотрудников к коррупционным делам. Ну а нечистый на руку чекист становится удобным объектом для вербовки.

Конечно, и у разведчиков есть соблазны, достаточно припомнить недавний побег за бугор полковника Потеева. Однако без СВР невозможно обойтись, коль скоро в этом деле замешаны британцы. В конце концов, надо понимать, что работают в спецслужбах не роботы, а люди! Но даже в самой совершенной машине можно найти уязвимое звено.

Так нужно ли подключать Лубянку? Если нет, чего доброго обидятся. Впрочем, надо бы сначала выбраться отсюда, а уж потом успокаивать униженных и оскорблённых недоверием. С другой стороны, утечка информации из ФСБ будет полезна, если как следует всё разыграть...

Все эти мысли пронесли в его голове, пока сидели за обеденным столом. Ели молча. У Мити уже не было сил на разговоры, да и Джексон утомился изрядно – прежде не попадал в такие передряги. Платов быстро доел бутерброды,

запил зелёным чаем и ушёл к себе.

И вот на связи директор ФСБ:

– У аппарата! Здравствуйте, Владим Владимыч!

– Привет, Александр Васильевич.

– Извините, что не сразу подошёл. Я тут собрал руководящий состав, подводим итоги уходящей недели.

– Как идут дела?

– Работаем. Вот только вчера ликвидировали группу террористов в Подмосковье.

– Это хорошо! Передай мою благодарность ребятам из спецназа.

– Непременно!

– Тут вот ещё что... Даже не знаю, как сказать... Но ты у нас человек понятливый. В общем, в ближайшее время может сложиться ситуация, когда вам придётся выбирать другого президента...

– Владим Владимыч! Как же так? Да я и представить не могу ничего подобного, – в голосе директора послышались плаксивые нотки.

– А ты представь, чисто гипотетически представь. И не перебивай! Так вот, если к утру не позвоню, собирайте членов Совбеза. Обсудите передачу власти моему преемнику... И сделайте всё, как надо, чтобы не было никаких волнений, а то ещё начнутся погромы, нападения на либералов...

– Но как же? Пока не увижу ваш труп... Ох, простите...

– Ты для начала Конституцию прочитай! Если президент

не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет премьер-министр. А там уж как решите...

– Владим Владимыч! Как же мы без вас? – директор чуть ли не рыдал.

– Да как в том анекдоте. Будете доживать, как есть! – и повесил трубку.

Платов прервал разговор, потому что нужно срочно дать приказ министру обороны: фиксировать всех, кто в ближайшее время выйдет из здания на Лубянке. Понятно, что глава ФСБ не сможет сдержать своих эмоций – ведь, если всё пойдёт по наихудшему сценарию, это не только фактическая гибель президента, но и конец всему, конец карьере. А потому что преемник наверняка на ключевые посты поставит преданных ему людей. Пусть попереживает! Пусть люди это видят! Если в ФСБ есть «крот», даже не агент МИ-6, а хотя бы один из заговорщиков, он постарается сообщить, мол, всё в порядке, сработано, как надо!

Да, не имея в ФСБ своих людей, они бы не пошли на такую авантюру... Однако выйти на связь прямо с Лубянки этот «крот» не сможет – для этого надо выбраться на улицу. Тогда-то и удастся сузить круг подозреваемых. Ну а потом... Потом придётся ждать, каким образом они себя проявят.

И тут, как гром среди ясного неба... «Как же я забыл? И в мыслях не допускал, а тут ведь всё предельно ясно. Джек-сон говорил, что, если не удастся основной план, спецгруппа будет встречать нас на месте "приземления", то есть в

Ново-Огарёво. Но ведь эта резиденция под охраной ФСО! Неужели они способны на такую подлость? Неужели смогут меня предать? Господи, что же теперь делать?»

От грустных, даже панических мыслей его отвлекло то, что обещал позвонить министру обороны. Возможно, не всё ещё потеряно. И вот на дисплее уже появился директор НИИ, где разрабатывали ту самую аппаратуру, из-за которой он и оказался в этой ситуации. Не было бы её, сидел бы сейчас в своём кабинете и в ус не дул...

– Здравствуйте, Сергей Петрович! Как вы поживаете?

– Спасибо, Владим Владимыч! Вроде бы пока держусь. Однако, насколько я понимаю, у вас возникли трудности с нашим аппаратом.

– Вы угадали, мне необходима ваша помощь.

– Весь внимание!

– Не могли бы мне пояснить, каким образом, направляясь в 1925 год, я попал в 1937-й?

– Владим Владимыч, это невозможно! Я все расчёты неоднократно проверял, сам процесс перемещения моделировал на компьютере... А вы не ошиблись, там у вас действительно тридцать седьмой?

– Я привык доверять своим глазам... Ладно, проехали. Тем более что здесь тоже интересно. Но это ещё не всё. Видите ли, Сергей Петрович, есть подозрение, что некие злоумышленники смогли воспроизвести ваше устройство.

– Не может этого быть!

– А вы не торопитесь, вы подумайте.

– Ну, если чисто теоретически, такая возможность существует.

– А кто бы мог такое сделать в вашем НИИ?

– Извините, но я никак не могу этого допустить...

– А если чисто теоретически?

– Ну ладно, хотя делаю это без удовольствия. Так вот, доступ ко всем материалам проекта имеет только мой зам по науке. То есть почти ко всем...

– Что это значит?

– Дело в том, что я самолично установил особый код доступа к программному обеспечению вашего устройства, и этот код невозможно взломать, так что вы можете быть спокойны...

– Ну а ваши программисты?

– Как правило, они разрабатывают часть программного обеспечения. Только один из них компонует всю программу, а затем её отлаживает.

– Следовательно, можно представить себе такую ситуацию, когда ваш зам и этот программист по неизвестной нам причине решили создать дубликат нашего устройства.

– Конечно, они могли использовать списанный образец основного агрегата, без которого перемещение через «коровую нору» просто невозможно. Но зачем?

– Это тема другого разговора. А вы ответьте мне на такой вопрос. Могут ли эти граждане как-то воздействовать на наш

аппарат, чтобы затруднить возвращение домой?

– Владим Владимыч! Я уже сказал, что нужен особый код, который никто кроме меня не знает. Но если есть какие-то сомнения, то в том чемоданчике, что сейчас на вашем столе, есть опция тестирования. Я вышлю краткую инструкцию, как и что... Тогда убедитесь, что я вас не обманул.

– Да что вы, Сергей Петрович, я и не сомневаюсь. А можно ли также протестировать и дубликат?

– Это вряд ли, поскольку они наверняка установили там свой код доступа.

– Жаль!

– Впрочем, есть одна возможность. Дело в том, что я заложил в основную программу возможность самоуничтожения...

– Что, будет взрыв?

– Нет! То есть взрыв, но очень слабый, достаточный только для того, чтобы уничтожить основной элемент аппарата и всё программное обеспечение.

– Замечательно! Так вышлите мне все необходимые инструкции.

– Через полчаса вы всё получите... Владим Владимыч! А всё-таки что случилось?

– Вот вернусь домой, и тогда поговорим. Большое спасибо, Сергей Петрович! Но у меня к вам ещё одна маленькая просьба. Скажитесь больным и отправляйтесь немедленно домой. Вас проводят.

– Как скажете, Владим Владимыч. Удачи вам!

– Спасибо! Удача нам не помешает. А теперь попросите к аппарату министра обороны.

– Подождите, подождите... Владим Владимыч! Я понял! Наличие дубликата устройства всё объясняет. Когда два устройства одновременно пытаются пройти через окно во времени, они не в состоянии дойти до той точки, которая заложена в программу, и происходит сдвиг на двенадцать лет. Это бывает, это мы моделировали...

– А ваш зам в курсе?

– Да, конечно!

– Спасибо! Тогда всё понятно.

И вот на дисплее появился министр обороны:

– Слушаю и повинуюсь, ваше величество.

– Ладно, кончай шутить! Тут дело куда серьёзнее, чем ты себе представляешь.

– И не в таких переделках бывали. Прорвёмся!

– Плюнь через левое плечо! Так вот, пусть профессора под руки проводят до дома, якобы занемог. Затем к нему придет врач... врач с чемоданчиком, а в нём всё, что надо для выявления жучков в квартире. Ну, специалисты знают. Далее, оставь в доме человека, пусть не подпускает профессора ни к интернету, ни к телефону, а если ему позвонят, жена пусть отвечает, мол, заболел.

– Неужто и он на подозрении?

– Да нет, конечно. Но он же в этих делах не разбирается,

может лишнее сболтнуть.

– Сделаем.

– И вот ещё что. Собери все сведения на этого зама и программиста. ФСБ не подключай, пусть ребята из ГРУ поставят их телефоны на прослушку. И учти, что всё надо делать с чрезвычайной осторожностью, чтобы злодеев не спугнуть.

– Не беспокойся! Всё сделаем в лучшем виде.

– Я на тебя надеюсь. До связи!

Глава 12. Кухонные дебаты

В то время, как Платов вёл переговоры с руководителями спецслужб и министром обороны, Митя и Борис страдали от безделья. Решили отправиться на кухню, где уговорили Галину выдать им бутылку «скотча»...

Митя выпил исключительно для бодрости и восполнения душевных сил, ну а Борису для поднятия духа требовалось гораздо больше – всем известно, что он большой любитель выпивки. Не мудрено, что между ними возник спор о происхождении этого продукта, затем обсудили, кому отдать пальму первенства в способности пить, не пьянея – англичанам или русским? – после чего они плавно перешли к истории отношений между Британией и Россией.

– Зачем вы оккупировали Мальту? – потребовал объяснений Митя.

– А вы тем временем заигрывали с Бонапартом. У вас всегда наблюдалось странное влечение к тиранам и диктаторам.

– Враньё! Если бы не мы, французы могли форсировать Ламанш.

– Где Ламанш и где Россия... – отмахнулся Борис.

– А ваш Сомоса?

– Он не наш! Он американский!

– Какая разница? Всё те же англосаксы. Если вам выгодно, вы даже с дьяволом готовы подружиться.

Приняли ещё по одной.

– Ну вот припомни, наш Владимир Мономах женился на дочери вашего короля. Зачем же поддержали Турцию, когда она пыталась захватить Крым?

– Крым не ваш!

– Это я даже не стану обсуждать.

– Вот-вот! Потому что нет ни малейших аргументов.

– Можно подумать, что у вас есть аргументы в деле Стригалья.

– И так всё ясно! – Борис махнул рукой, отвергая всякие сомнения. – А потому что вы окончательно заврались. Сначала сказали нам, что «Новичок» никогда не существовал, затем признали, что он существует, но вы уничтожили его запасы. После этого заявили, что запасы ускользнули то ли в Швецию, то ли в Чехию, Словакию и далее, в Соединенные Штаты. А на днях последовало и вовсе чудовищное заявление: будто настоящим изобретателем «Новичка» была Тереза Май.

– Кто это сказал?

– Неважно! Вы определитесь, то ли у Стригалья была передозировка, то ли он пытался покончить с собой, прихватив в мир иной и свою дочь. А может быть, его покушение на убийство было мстью за предполагаемое отравление Великобританией Ивана Грозного? Или мы хотим таким образом сорвать чемпионат мира по футболу? Наше министерство иностранных дел насчитало двадцать четыре таких нелепых вер-

сии! И потому я рад, что двадцать семь стран встали плечом к плечу, чтобы сказать, что они больше не глотают эту чушь.

– Борис, опомнись! Похоже, ты начитался бульварной прессы, откуда и черпаешь информацию. Или наслушался наших горе-политологов, которые днюют и ночуют на ток-шоу. Жаль, что двадцать семь стран продолжают глотать чушь, исходящую из Лондона – это чревато как минимум несварением желудка.

– Не беспокойся, желудки у нас крепкие. А вот вам я бы посоветовал покаяться!

– Да в чём? Ну вот скажи, зачем нам вся эта возня накануне выборов?

– Вам лучше знать... Ваши чекисты всегда работали топорно.

– Это ты об аресте Рейли?

– Досадная случайность! А вспомни про Олега Гордиевского. Сколько лет он вам голову морочил!

Тут нечего было возразить, поэтому ещё добавили.

– Борис! Ты категорически не прав. Цепляешься за факты, а вот наш Славик утверждает, что важна их интерпретация. Ты зажмурь глаза, глубоко вдохни и признайся, хотя бы самому себе, что достоверного прошлого не существует.

– Как это так? Мой прадед был турецкий журналист. Я что же, должен в этом сомневаться?

– А почему бы нет? Чем ты гордишься? Тем, что он отдал приказ об аресте Ататюрка?

– Знаешь, если бы не присутствие Галины, я бы...

– И что? – поинтересовался Митя, расправляя плечи.

– Я бы пить с тобой не стал!

Галина, всё это время дремала, прислонясь к плите. Но после таких слов внезапно встрепенулась, вырвала бутылку из рук Мити и пригрозила:

– А вот я Владим Владимычу скажу!

– Ябеда! – огорчился Митя.

– Ты меня ещё плохо знаешь. Сейчас поставлю под холодный душ, и пока не протрезвеешь...

– Да я как стёклышко!

– Вижу я! Ну как тебя такого везти в Москву? стыдоба!

Странно, но эти слова вызвали удивление у Джексона. Он посмотрел пьяными глазами на Галину и сказал:

– Мадам! Как ни приятно мне ваше общество, но в Москву я не поеду.

– А куда ты денешься!

– Я хочу домой.

– Ты теперь у нас в плену, так что не рассчитывай.

– Моё правительство предъявит России ультиматум!

– Видали мы ваши ультиматумы! Слышал про наш ответ Керзону?

– Так вы же на попятный потом пошли!

Галина на минуту задумалась...

– Ну вот зачем я тебя поила? Чтобы слушать гадости?

– А ты этот факт про... про... проинтерпретируй, – с тру-

дом выговаривая слова вмешался в разговор Митя.

– Марш под душ! А то вернёмся домой, соберу кворум и потребую, чтобы сняли тебя с должности.

Митя поспешил в ванную, а Борис попросил ещё глоток:

– Ну немножечко!

– Вот приедем в Москву, я тебя так виски накачаю... Век будешь меня помнить!

– Лучше не надо. Я сейчас хочу... А если не нальёшь, я пожалуюсь Терезе Мэйн. В отличие от тебя, она ни в чём мне не отказывает... Заботливая, добрая...

– Ну да! То же мне, мать Тереза... Да я сама такая! Если будешь со мной дружить... – Галина улыбнулась и, прищурив глаза, посмотрела на Бориса со значением, как бы оценивая его скрытые возможности. Ну а того уже понесло:

– За глоток виски я бы даже родину продал!

– Тогда пойдём! Филимона дома нет, так что кладовочка свободна... Там и налью.

Галина подхватила Борю на руки и понесла в кладовку... Уже через пару минут оттуда послышались дикие крики, однако прийти на помощь Боре было некому. Митя всё ещё стоял под душем, министр культуры выгуливал собаку, а Платов вёл переговоры – то с СВР, то с министерством обороны. Если учесть, что Галина заранее оборудовала кладовку видеокамерой, то участь Джексона была предreshена – по возвращении в Лондон ему предстояло потрудиться на благо

Российской Федерации. На этот раз цель вполне оправдывала средства.

Глава 13. Заговорщик на Лубянке?

После недавней оттепели в Москве слегка похолодало и наконец-то выглянуло солнце. Завершалась первая неделя после прошедших выборов. В газетах обсуждались причины неудач Ксении Собчак и Григория Явлинского, а по центральным каналам телевидения показывали выступление Платова, записанное три дня назад. Официальная версия гласила, что Платов удалился в одну из своих резиденций, чтобы подготовить кадровые изменения в руководстве государством. И никто кроме нескольких посвящённых не догадывался, что страна осталась без президента, что Платова уже нет ни в Кремле, ни в каком-то другом месте на планете. По крайней мере, это верно, если речь идёт о настоящем времени. И никто из этих посвящённых не знал наверняка, вернётся ли он когда-нибудь в свой кремлёвский кабинет. Одни надеялись, что как-то обойдётся, а другие строили планы на ближайшее будущее, готовили новые назначения в правительство, уверяя себя в том, что всё идёт по намеченному плану...

После того, как главный чекист страны провёл совещание руководящего состава ФСБ, на котором подводили итоги уходящей недели, среди его сотрудников поползли слухи самого разнообразного содержания. Кто-то объяснял подавленное состояние шефа проблемами в семье – будто бы же-

на подала на развод из-за того, что он не сумел пристроить сына в Роснефть, заставив вкалывать в непрестижном ВТБ. Высказывалось и такое мнение – дни нынешнего директора сочтены, поскольку Платов после инаугурации назначит на его место своего бывшего охранника, который пока набирался опыта руководящей работы в должности то ли мэра, то ли губернатора. И только один человек мог сделать правильный вывод. В других обстоятельствах он бы наверняка поделился эксклюзивной информацией, вызвав завистливые взгляды коллег. Но только не сейчас, поскольку нельзя же ставить под удар тщательно разработанную комбинацию. Впрочем, это не более, чем рабочая версия, на которой остановился Платов, поскольку наличие в ФСБ «крота», работающего на заговорщиков, ещё предстояло доказать.

К этому времени Платов получил инструкции от директора НИИ. Прежде всего, следовало проверить то оборудование, которое должно обеспечить возвращение назад. Работать с документами он привык, но тут совсем не то. Сам чёрт ногу сломит! Попробуй разобраться, куда тут «кликать» и какие кнопки нажимать. А времени в обрез! Некоторые операции он заранее освоил, в частности, ту, которая позволяла установить связь через дыру во времени. Но уж без этого никак нельзя! А с остальным прямо сейчас надо разбираться, поскольку никто не предполагал, что может быть такая неприятность и они застрянут здесь.

Наконец, на дисплее возникла надпись: «Тестирование

началось». Вслед за этим появилось несколько сообщений, из которых следовало, что тестирование прошло успешно. От сердца немного отлегло. Но оставалась ещё одна нерешённая проблема. Ведь даже если запланированное возвращение в Ново-Огарёво пройдёт, как говорят космонавты, штатно, риск оставался до тех пор, пока не удастся выявить всех заговорщиков. Правда, их можно было бы обмануть, настроив аппарат так, чтобы он «приземлился» в том месте, где его никто не ждёт. Такая опция есть – именно благодаря ей трамвай оказался не в деревне под Москвой, а сразу у Патриаршего пруда. Однако какое же место выбрать для возвращения? Желательно, чтобы оно было поблизости от Кремля, чтобы не подвергаться опасности нападения на улицах.

Но вот представьте, что посреди ночи на Красной площади появляется трамвай. Кремлёвская охрана в шоке! Кто-то в панике кричит: «Тревога! Вражеский десант!» А из трамвая вдруг выходит человек и направляется к Спасской башне. Другой узнал бы президента по походке, а эти... Чего доброго, начнут стрелять. Нет! Такой вариант явно не подходит, тем более что к ФСО уже нет полного доверия. Ну и куда прикажете податься?

Теперь нужно ждать сообщений от Кузьмича. Возможно, сотрудникам ГРУ удастся установить личность одного из заговорщиков – того, что окопался в ФСБ.

Действительно, «наружка» ГРУ серьёзно подготовилась к операции – к тому времени, как совещание закончилось, во-

круг Лубянки было сосредоточено несколько оперативных машин, а остальные блуждали по Москве, ожидая дальнейших указаний. Вскоре от здания ФСБ отъехали три автомобиля, однако пассажиров очень трудно установить, если боковые стёкла непроницаемы. Тем не менее, удалось «заглянуть» за ветровое стекло, а дальше началась идентификация – ГРУ имела осведомителей в ФСБ, поэтому располагало фотографиями сотрудников.

Через несколько минут один из автомобилей ФСБ притормозил у ЦУМа, из него вышел человек в штатском и быстрым шагом вошёл в универмаг. Там он потоптался у прилавков, выпил кофе в баре, в отделе женского белья купил шикарный гарнитур, в ювелирной лавке – не менее шикарное колечко, затем снова сел в автомобиль. Следующая остановка была в Новых Черёмушках, у магазина «Мегацентр Италия», откуда этот человек вышел с двумя увесистыми пакетами, надо полагать, наполненными всякой снедью. Наконец, автомобиль высадил пассажира у дома № 3 по улице Воронцовские пруды, и через полчаса вернулся на Лубянку.

Объектом слежки оказался сотрудник управления контрразведки. Как удалось выяснить, он поднялся в квартиру на семнадцатом этаже, где проживал некий дипломат и его молодая, красивая жена. Оперативники выяснили, что муж на работе взял отгул и вроде бы отправился с друзьями порыбачить на три дня, поэтому поначалу ничто в поведении контрразведчика не вызывало подозрений. Конечно, в рабо-

чье время не стоит шляться по любовницам, но что поделаешь, если так приспичило? Впрочем, этот дипломат мог попасть в разработку ФСБ, а тогда уж точно не стоит возводить напраслину на офицера контрразведки.

Другой сотрудник направился с Лубянки напрямиком к «Распутину», на Зубовский бульвар – там есть и русская баня, и сауна, и отдельные апартаменты для vip-клиентуры. Он тоже по дороге запасся выпивкой и продуктами. И наконец, третий подозреваемый оказался поваром из столовой ФСБ, а цель его поездки состояла в том, чтобы закупить кое-что из деликатесов для корпоратива, который планировался в узком кругу чекистов, для особо избранных. Никто не знает, какое событие там собирались отмечать, однако осведомитель сообщил, что действие было намечено на поздний вечер, а засидеться могли даже за полночь. Так или иначе, всё крутилось вокруг еды, и это вызывало обоснованные подозрения.

Разумеется, спецы попытались запеленговать мобильник дипломата – скорее для проформы, чем из-за того, что возникли какие-то сомнения, – но оказалось, что это невозможно. То ли он пытался скрыть своё местонахождение, то ли не хотел, чтобы беспокоили. Однако странно, ведь жене могла понадобиться его помощь – мало ли что может случиться.

Тем временем на совещании руководства ГРУ обсуждался план дальнейших действий. Высказывалось мнение, что контрразведчика нужно брать тёпленьким, в постели. Одна-

ко неизвестно, когда они от выпивки и закуски к делу перейдут. Прежде всего, необходимо обеспечить получение информации в онлайн режиме. Сначала хотели просверлить дыру в потолке из другой квартиры, но затем от этой затеи отказались – хозяин упёрся, мол, этот паркет он привёз из Африки – где в Москве такой найдёшь? Но он же и подсказал, что можно воспользоваться системой вентиляции – запустить туда зонд с видеокамерой. Кто знает, может быть, сам подглядывал за соседями, однако сейчас было не до него. И вот когда продвигали этот зонд по воздуховодному каналу, оказалось, что там уже есть некое устройство. Спецы без особого труда выяснили, что с помощью WI-FI оно транслирует в интернет всё, что происходит в спальне дипломата. Проверили компьютер соседа – он оказался ни при чём.

Единственный логичный вывод из всего этого заключался в том, что дипломат намеренно устраивал «каникулы» своей жене, чтобы подслушивать её разговоры с контрразведчиком. Не суть важно, о чём там болтал подвыпивший чекист, но это могло стать основанием для вербовки. Ведь поработав с записью этой болтовни, нетрудно соорудить нечто такое, что явно указывало бы на то, что он выдавал служебные секреты.

И вот когда министру обороны доложили, что дипломат несколько лет обретался в Лондоне, будучи одним из секретарей посольства, тогда-то всё и завертелось. Группа захвата заняла позицию близ дома у Воронцовских прудов, пере-

одевшись дворниками, убирающими снег, а спецы-айтишники пытались проследить, куда отправлялась информация из квартиры дипломата. Но оказалось, что это дело абсолютно безнадёжное – информация с видеокамеры уходила в интернет-облако, а там, имея код доступа, ею мог воспользоваться кто угодно. Только жена дипломата сумела бы навести на след, ответив на несколько вопросов: с кем её муж встречался, где рыбачил?

Когда любовники перебрались в спальню, контрразведчику позвонили якобы с Лубянки – это был осведомитель ГРУ, которому поручили заставить своего коллегу покинуть этот дом:

– Директор перед увольнением устраивает «отходную», вечеринку для коллег, и будет очень расстроен, если ты откажешься.

– Ребята! Но я уже слегка бухой, – попробовал отбиться контрразведчик, имевший звание полковника.

– Не страшно! Не на боевую операцию идёшь.

Уговорили, что вполне укладывалось в разработанный план. Чтобы оправдаться перед дамой, полковник вынужден будет объяснить причину – мол, так и так, грядут кое-какие события, которые приведут к переменам в руководстве ФСБ.

– Дорогая! Я ему очень многим обязан, поэтому нельзя не проводить, так сказать, в последний путь.

– Но ты вернёшься?

– И не сомневайся!

– Тогда я буду ждать. И, плиз, воздержись от обильных возлияний, а то ведь у тебя потом... – и смущённо улыбнулась.

Полковника взяли по дороге на Лубянку – на всякий случай, так было спокойнее. Ну а в квартиру дипломата вскоре позвонил сосед:

– Мариночка! Дорогая! С моей Лялей что-то непонятное творится... Вы не могли бы к нам зайти, а то я растерялся...

– Конечно! Я сейчас... – и накинув халат на пеньюар, Марина выбежала из квартиры.

Тут её и взяли в оборот, однако допрос решили провести не на базе ГРУ, а в квартире всё того же соседа, который был настолько любезен, что предоставил в распоряжение оперативников свою гостиную, а сам с женой заперся на кухне, от греха подальше.

Глава 14. У Воронцовских прудов

– Марина! Надеюсь, вы уже поняли, что имеее дело не с бандитами с большой дороги? – эти слова главный оперативник произнёс, обращаясь к жене дипломата.

– А с кем?

– Мы государевы люди, как и ваш супруг, но только из другого ведомства.

– Из какого? – продолжала допытываться Марина.

– Вам лучше этого не знать. Вот ваш сосед не задаёт вопросов, поскольку сразу понял, кто есть кто.

– Допустим. И что вам надо от меня?

– Ответьте на несколько вопросов, и можете идти домой, мы больше вас не побеспокоим. Согласны?

– Да. Если только это не касается моей личной жизни.

– Ни боже мой! Так вот, нам нужен список знакомых вашего супруга. Кто приходил к вам в гости? С кем он ездил на рыбалку?

– Вы в чём-то подозреваете Павлика? – всполошилась Марина.

– Нас интересует круг его общения. И больше ничего!

– Тогда извольте!

Марина вроде бы успокоилась и стала вспоминать. Главный записывал, изредка задавая наводящие вопросы. Его особенно интересовало, с кем Павлик ездил на рыбалку, од-

нако Марина про эту компанию ничего не знала.

– А оттуда он вам звонил?

– Нет! Говорил, что рыбная ловля требует отрешения буквально от всего. Даже мобильник выключал... Впрочем, было один раз...

– Когда?

– Две недели назад, тоже в пятницу. Мы с Гришей, это мой знакомый, он из ваших... Мы были в спальне, и вдруг... Ну вы понимаете, в самый неподходящий для этого момент погас свет... А затем неожиданный звонок.

– Сколько прошло времени?

– Минуты две, не больше... Я даже подумала, что пожар. Нас обычно по телефону предупреждают о неполадках. Но оказалось, это Павлик...

– Зачем же он звонил?

– Попросил включить автономный блок питания. Павлик, он у меня такой заботливый! Всегда, уезжая на рыбалку, включает этот блок, чтобы я не осталась без света, если какая-то авария. А тут видимо забыл.

Главный посмотрел на своего помощника. Тот кивнул и вышел из гостиной, а главный продолжал допрос:

– Так, давайте ещё раз пройдемся по списку, – и стал зачитывать фамилии и имена. – Я правильно записал. Вы никого не забыли?

– М-м... Ну ещё Шнур?

– Это что, такой оперативный псевдоним, – главный на-

прягся, предчувствуя удачу.

– Да нет, скорее прозвище. Разве вы его не знаете. Его каждый день показывают по телику, в рекламе.

– Ах, этот... Тот, что с гитарой и в трусах? – главный был разочарован.

– Ну, трусы он иногда снимает, – улыбнулась Марина.

– Ладно, артисты нас не интересуют, – и, достав из папки бланк, протянул его Марине.

– Что это?

– Пустая формальность. Всего лишь подписка о неразглашении.

Марина подписала.

– Ну вот мы и закончили...

– А вы, правда, Павлику ничего не сделаете?

– Зачем, если он ни в чём не виноват? – отвечая ответом на вопрос, главный сделал удивлённое лицо. – Ах да, чуть не забыл! До завтрашнего утра в вашей квартире останутся два оперативника.

– Это ещё зачем?

– Марина, вы же важный свидетель, поэтому вас нужно охранять... Всего лишь до утра.

– А дальше?

– Там посмотрим. Скорее всего, охрана вам больше не понадобится.

– Ну ладно, – согласилась Марина. – Они хоть симпатичные? – и зыркнула глазами.

– Лучших подберём! – пообещал главный, а сам подумал: «Не хотел бы я оказаться на месте её мужа. С двумя, в супружеской постели... Наверно, такого ещё не было. Хотя кто знает? Так или иначе, но ребятам нужно постараться. Муж наверняка сорвётся с места и прилетит домой, это ж вам не Гришу с Лубянки записывать на жёсткий диск! А мы уж тут как тут!»

Много важной информации оперативники получили во время этого допроса, но самое интересное было впереди. Проанализировав все звонки на мобильный телефон Марины, которые были сделаны две недели назад, специалисты выяснили, что большинство были сделаны из Москвы, но один – из Одинцовского района. Когда эта информация легла на стол министру обороны, он тут же связался по спецсвязи с Платовым и доложил о том, что удалось установить оперативникам из ГРУ.

– Видимо, ты оказался прав, и заговорщики готовят акцию. Что особенно тревожит, их база находится поблизости от Ново-Огарёво.

– Я так и предполагал. Как ни печально, вынужден признаться, что где-то допустил ошибку. Потому что предатель оказался в ФСО.

– Не может быть!

– Да нет, вроде бы всё сходится.

– И что будем делать? Поднимать войска?

– А толку? Мы же их в лицо не знаем. Нет, надо подо-

ждать. Ты же сказал, что этому Павлику приготовили ловушку.

– Вдруг не клюнет? К тому же ему не позволят покинуть базу сейчас, за несколько часов до переворота!

– Он там далеко не главное лицо, обыкновенная «шестёрка». Нужную информацию с его помощью они уже получили, прослушав разговор этого Гриши с Мариной. Я имею в виду вашу «дэзу» про «отходную» на Лубянке. Так что никто его держать не станет. Только бы ребята не подкачали!

– Не сомневайся! Их проинструктировали. К тому же Марина ещё с Гришей завелась, так что долго сдерживать себя не сможет. Бьюсь об заклад, что они уже в постели, а Павлик, тот который дипломат, спешит домой...

– Доложи, когда возьмёте Павлика. Сразу же надавите на него, он наверняка расколется.

– Будет сделано!

Но оказалось, что Павлик-дипломат приехал не один. Вместе с ним из автомобиля вышел высокий, плечистый брюнет, за которым безуспешно охотились оперативники СВР. Оба вошли в подъезд дома № 3 – там их и взяли, предварительно блокировав мобильную связь, чтобы никто не успел подать сигнал.

Оперативники ГРУ решили далеко не уходить от Воронцовских прудов – Павлик ещё может там понадобиться, – и предварительный допрос обоих провели в автомобиле, который загнали в подземный гараж, располагавшийся в том же

доме. Там были приготовлены все средства, которые необходимы для получения нужной информации. Но Платов был прав – как только Павлик понял, с кем имеет дело, он сразу рассказал всё, что знал. Проблема в том, что он поддерживал связь лишь с сотрудником СВР, который и сопровождал его на этот раз. По пятницам Павлика привозили в какой-то загородный дом, завязав глаза, поэтому он адреса не мог называть. Весь день сидел в комнате с закрытыми ставнями и только мельком видел тех, кто обитал на этой даче, и даже толком не знал, что там происходит.

Увы, брюнет рта не раскрыл с тех пор, как его арестовали. Поэтому, тщательно проанализировав ситуацию, приняли решение отправить в квартиру одного Павлика, проинструктировав предварительно и Марину, и его – в разговоре он как бы ненароком упомянет, что брюнет остался в коридоре у лифта, чтобы не мешать выяснению семейных отношений.

Надо сказать, что супруги оказались прирождёнными актёрами. Они устроили такой скандал – чуть не дошло до потасовки! – что слышно было и за пределами спальни, ну и конечно на даче, где-то в районе Ново-Огарёво. По сути, супругам даже не пришлось играть, поскольку Павлик, как только увидел свою жену в постели с мужиками, тут же забыл обо всём на свете и всыпал Марине по первое число...

Вечером, когда всего ничего оставалось до часа «икс», обозначавшего последнюю возможность для возвращения

домой, Платов снова вышел на связь с министром обороны. Тот доложил о последних результатах: «крот» из СВР пока молчит, и для работы с ним потребуется время, круг знакомых Павлика-дипломата взяли в разработку, но пока ничего определённого:

– По-моему, больше ждать нельзя.

– Согласен. Будем исходить из того, что банда засела в Ново-Огарёво. Нужно скрытно окружить всю территорию, подавить мобильную связь... Но я бы хотел, чтобы обошлось без кровопролития.

– Мы постараемся.

– Нет, так не пойдёт! Ты же не знаешь, сколько человек из ФСО участвуют в этом заговоре... Используйте любые спецсредства, но возьмите их живыми.

– А вы? Когда вас ждать?

– Скоро. Только «приземлимся» мы в другом месте. До связи!

Глава 15. Последний трамвай

За три часа до полуночи пришла пора прощаться. Вещи собраны, заказано такси – ЗИС-101 должен довезти до Краснопресненского депо. Но осталась одна нерешённая проблема – Джексон. Если бросить его здесь, пропадёт – да просто будет вычеркнут из реальности, когда они покинут это время, что равнозначно убийству. Тащить его силком, запихнув в один из чемоданов, как-то несолидно. Предъявлять доказательства прелюбодеяния с Галиной? Этот аргумент оставили на крайний случай. Всё же Платов надеялся, что здравый смысл возобладает и Джексон смирится с неизбежностью. Но тот упирался изо всех сил:

– Не хочу в Москву! Я настаиваю, чтобы вы отправили меня домой.

– Как это себе представляете? Ну высадим вас в Лондоне, на Трафальгарской площади, а затем своим ходом, на трамвае, потащимся в Москву?

– Ну почему на трамвае? Мы выделим вам самолёт...

– Не смешите! Сначала задержите нас за нелегальное проникновение в страну, затем навесите отравление этого Стригалия и попытку похищения британского министра. Не говоря уже о том, что реквизируете спецаппаратуру.

– Вы всё видите в чёрном свете. Какие могут быть претензии, если доставите меня домой? Скорее уж королева на-

градит вас орденом Святого Патрика за то, что спасли её любимца.

– Спасли от рук НКВД? Кто в это поверит?

– Послушайте! Но я вам гарантирую как министр...

– Вы здесь не министр. Так же, как я не президент. Поэтому грош цена этим гарантиям!

Джексон сделал последнюю попытку:

– Тогда позвольте мне уехать на дрезине. Хоть какой-то шанс!

– Послушайте, Борис, мы это обсуждали. Весьма вероятно... как это вы говорите, *highly likely*, что эта мотодрезина отправит вас совсем в другое время, к праотцам...

На самом деле, дрезина была уже совершенно непригодна для передвижения во времени, но Джексону это знать не обязательно – будет упираться ещё жёстче, чем сейчас.

– Но я не хочу оказаться на Лубянке!

– Да кому вы там нужны?

После изрядной выпивки Джексон плохо соображал, однако против логики не попрёшь. В сущности, он теперь никому не нужен...

– Мне всё это напоминает дурной сон. Такое впечатление, что хожу по лабиринту и не могу найти выход, и самое обидное, что выхода оттуда никогда и не было.

– Не мы в этом виноваты.

На это Джексон промолчал, и было похоже, что смирился со своей участью. Впрочем, Платов не вполне чётко пред-

ставлял, на кой чёрт ему сдался этот нечёсанный британец. Однако нельзя же оставлять его здесь.

Джексон покинул кабинет – видимо, будет зализывать раны в обществе Галины. А Платову предстояло прощание с Булгаковым. Что можно ему сказать – поблагодарить за всё? Но прежде всего, за то, что заставил задуматься. Задуматься о том, чему прежде не уделял должного внимания. Понятно, что в трудном деле не обойтись только составлением плана мероприятий, на что только и способен нынешний министр культуры – видимо, придётся подыскать ему замену. Но где найти достойного человека? Этот вопрос Платов задал Булгакову после того, как подошла к концу их прощальная беседа. И вот какой получил ответ:

– Я думаю, что этой работой не должен заниматься чиновник, для которого самое главное в жизни – это удержаться не своём посту, сделать успешную карьеру. Не годится и тот, кто видит смысл своей деятельности в примитивной пропаганде, в навязывании неразумным гражданам простейших истин вроде «люби своё Отечество», «не убий», «не укради». Это должен быть человек, который станет связующим звеном между властью и теми людьми искусства, целью которых является нравственное совершенствование всех и каждого, а не забота о собственном благополучии или потворство вкусам немногочисленной элиты. Если такого человека не найти, ничего хорошего уже не будет, перспективы у страны весьма прискорбные. Боюсь, тогда ничто вам не поможет.

Нельзя сказать, что Платов был во всём с Булгаковым согласен. Конечно, экономика на первом месте – надо же людей кормить, надо создать им комфортные условия для жизни. Но значимость культуры, искусства невозможно отрицать. Поэтому и сказал:

– Ах, Михаил, как же мне нужен такой человек, как вы! Журналист, романист, драматург, театральный режиссёр, ценитель оперного искусства... Помнится, вы даже вокалом занимались. Ну разве что живопись и кино пока вне сферы ваших увлечений...

В этих словах Булгаков уловил, помимо восхищения его талантами, некий намёк. По крайней мере, так ему казалось, потому что схожие мысли возникали и в его голове. Сказать или не стоит унижаться? Но вот набрался смелости:

– Господин Платов! А вы не могли бы взять меня с собой? Я понимаю, у вас есть более важные дела, чем помогать писателям, но я не могу здесь жить. Мои книги не печатают, не ставят мои пьесы, ну если не считать «Турбиных». Здесь меня никто не любит, кроме Люси и нескольких друзей. Просил, чтобы отпустили за границу, но нет, говорят, нельзя! Дошло до того, что я вынужден писать дурацкие либретто для Большого театра, иначе никак не прокормить семью. Я умоляю, войдите в положение!

Платов задумался.

– А как же ваш «закатный» роман?

– Рукопись возьму с собой и непременно допишу...

Платов опять немного помолчал.

– Видите ли, Михаил, основное достоинство вашего романа не в оригинальном сюжете, не в характерах героев. Прежде всего, читателей привлекает то, что роман написан вопреки всему. То есть для них вы мученик, а ваш роман это скрытый протест против тогдашней власти, – Платов посмотрел на Булгакова и, видя, что тот согласен с этой мыслью, продолжал: – Теперь представьте, что вы будете дописывать роман на даче где-нибудь в Барвихе или в Переделкино. Вам нечего будет бояться, мы вас всем обеспечим... И что? Ещё одной историей об Иисусе Христе вы теперь никого не удивите, ну а появление сатаны в Москве... Боюсь, что это могут неправильно понять, – он улыбнулся и добавил: – Вот и трамвай по Малой Бронной уже давно не ходят...

Платов всё говорил и говорил, а Булгаков старался уловить, к чему он клонит. «Если хочет отказать, пусть так и скажет. А то ведь ни "да" не говорит, ни "нет"... Вот и теперь на что-то снова намекает».

– Однако в этом деле есть ещё один непростой нюанс. Что будет с прежними вашими произведениями, с «Собачьим сердцем», с «Днями Турбиных»? Ведь будут превозносить уже не вас, а какого-то другого писателя, вашего тёзку и однофамильца.

Теперь пришла пора задуматься Булгакову. «В самом деле, мастер будет гулять со своею подругой под вишнями, вечером слушать музыку Шуберта, а мне что делать в этом Пе-

ределкино? Наслаждаться тишиной? Да кому я там нужен без Борменталья, без Турбина, без Мастера? Я же умру от зависти к тому Булгакову, который остаётся здесь!»

И тут в мозгу возникла неясно выраженная мысль, до которой он сам никогда бы не додумался, а тут словно бы кто-то стал долдонить ему в ухо. Кто знает, возможно, это отголоски увлечения Уэллсом.

– А знаете, меня вот что беспокоит... Не повлияет ли ваше пребывание здесь на будущее? Вернётесь в своё время, а там всё уже не так, как было несколько дней назад, когда вы только ещё собирались в это путешествие.

Платов кивнул, словно бы подтверждая, что это предположение весьма разумно.

– Тут вот в чём дело. Я не хотел об этом говорить, Михаил, но теперь придётся... В физике этих процессов я не разбираюсь, однако учёные заверили, что, находясь здесь, мы не вторгаемся в вашу реальность. Нет, мы сейчас находимся в некоем параллельном мире, который после нашего появления здесь возник как копия вашей реальности.

– Да-да, о параллельных мирах я читал в рассказе «Дверь в стене» Герберта Уэллса. Неужели он был прав?

– В какой-то степени, но только всё оказалось значительно сложнее, чем в его рассказе. Дело в том, что параллельный мир не вполне реален, так же, как ваше изображение на этом стекле, – и Платов указал на дверцу книжного шкафа. – Стоит вам покинуть комнату, как изображение исчез-

нет. Так вот, когда мы вернёмся в своё время, вы, Михаил Афанасьевич Булгаков, останетесь в той своей реальности, а этот параллельный мир исчезнет вместе с нами. Поэтому ничего страшного не произойдёт.

– И я забуду всё, что узнал за эти дни... – на лице Булгакова появилось выражение той обречённости, той неопишуемой грусти и душевного страдания, которые только и могут сопровождать подобное признание.

– Да, как это ни печально! А причина в том, что люди будущего не должны иметь возможности повлиять на прошлое. В противном случае всё, что мы делаем в своей жизни, теряет всякий смысл.

– Я понимаю.

– Так что ничего тут не поделаешь... Но я благодарен вам за всё. И могу заверить, что не забуду ничего из того, что здесь случилось.

Над Москвой сгустилась тьма. Особенно это было заметно в переулках на Пречистенке, которые освещались так, чтобы только не наткнуться на встречного прохожего. Зато Театральная площадь вся была в огнях. В Большом театре показывали оперу «Тихий Дон», а в Малом – «Маленькие трагедии» Пушкина. Булгаков мог вполне успеть на последний акт...

А чуть позже, но ещё до того, как актёры вышли на поклон, ЗИС-101 остановился недалеко от ворот Краснопресненского депо. Когда такси, высадив пассажиров, укатило,

Митя достал из чемодана нечто похожее на ручной гранатомёт, направил раструб на ворота, нажал на какую-то кнопку и, выждав несколько секунд, сказал:

– Чисто! Теперь все там спят...

– И видят вещие сны, – с ухмылкой добавил Филимон.

– Надеюсь, не похабные, – предположила Галина.

Ну а министр культуры глубокомысленно заметил:

– Сон это неотъемлемая часть нашего существования. Чему тут удивляться?

И только Платов никак не прокомментировал то, что происходило на территории депо:

– Ладно! Время поджимает. Митя, открывай ворота! Галина, выводи трамвай!

Глава 16. «Приземление»

За полчаса до полуночи на Смоленской набережной, как раз напротив британского посольства, словно бы из ничего возникло нечто. Сначала над мостовой сгустился воздух, затем послышался звук, обычно свидетельствующий о приближении трамвая, а затем появился и сам трамвай, жёлто-красный, как и положено этому транспортному средству. Поставив немного, чтобы зеваки успели заснять происходящее на свои мобильники, трамвай не спеша направился к мосту через Москва-реку, но не стал въезжать на мост, а вывернул на Новый Арбат и с невероятной скоростью двинулся в сторону Арбатской площади, опережая все попутные автомашины. Редкие прохожие, разинув рты, тщетно пытались разглядеть провода контактной сети, которых почему-то не было. Тем временем трамвай уже промчался мимо ресторана «Прага», скрежеща колёсами, свернул направо, метнулся вдоль по Арбатской площади и чуть притормозил у памятника Гоголю, словно кого-то ожидая. И тут же из внутреннего двора министерства обороны выехало несколько автомашин, все с проблесковыми маячками – две расположились по бокам трамвая, а остальные спереди и сзади, после чего вся процессия направилась в сторону Кремля.

Уже буквально через минуту трамвай в сопровождении охраны въехал под арку Боровицкой башни. Митя, Галина,

Филимон и Славик пересели в автомобиль, который должен был развести их по домам, а трамвай продолжил движение к Сенатской площади. Вроде бы на этом всё закончилось. Но вот прошло ещё несколько минут, и в одной из комнат на втором этаже здания Сената зажёгся свет. Министр обороны и глава СВР уже дожидались в приёмной, поэтому совещание можно было начинать.

– Так что происходит в Ново-Огарёво? – этот вопрос президента был адресован министру обороны.

– Там всё спокойно. Охрану и персонал задержали без каких-либо эксцессов, теперь идут допросы.

– Вы с ними повежливее, а то ведь те, что не причастны к заговору, могут, не дай бог, обидеться на нас.

– Мы сразу всем сказали, что ситуация чрезвычайная, поэтому думаю, что с этим всё в порядке.

– Первые фигуранты есть?

– Только успели отобрать у всех мобильники и другие средства связи. Сейчас специалисты их проверят, тогда и будем делать выводы.

– А что с этими деятелями из НИИ?

– Заместитель директора утверждает, что выполнял заказ СВР. Якобы документально всё не оформляли, чтобы избежать утечки информации.

– Похоже, что предатель из СВР, которого вы взяли на Воронцовских прудах, и тут подсуетился. Что у вас, Сергей Евгеньевич?

– «Брюнет» пока молчит. Так мы условились его называть, если вы не против.

– Согласен. И что он из себя представляет? Какие задания вы ему поручали?

– Как правило, выполнял роль связного между Центром и лондонской резидентурой. Так, мелкая сошка. Странно, что ему доверили переговоры с руководством МИ-6. Возможно, просто другого не нашлось.

– Как думаете поступить с ним?

– Пока не решил. Похоже, он надеется на чью-то поддержку.

– Молчит, потому что не знает, что их план провалился. На этом можем и сыграть. Тут важен эффект неожиданности... Вот что! Наденьте ему на голову мешок и везите сюда. И чтоб охрана не проговорилась.

Тем временем, пока в Кремле продолжали обсуждать сложившуюся ситуацию, «брюнета» усадили в бронированный минивэн с тонированными стёклами и машина понеслась по Ленинскому проспекту в сторону центра города, благо дорожные пробки по ночам пока ещё не стали обыденным явлением в Москве...

И вот ввели в кабинет. Сняли мешок с головы. Увидев Платова, он несколько секунд, как замороженный, смотрел на живого президента, потом зажмурился, словно надеялся таким образом избавиться от наваждения. Открыл глаза, когда понял, что молчать уже нет смысла:

– А почему меня допрашивает не ФСБ?

– Здесь я решаю, кто, что и почему. И вопросы здесь задаю только я. Это вам понятно?

– Да.

«На редкость спокоен. Только в самом начале дал слаби-ну. Похоже, голыми руками его не взять», – подумал Платов. – Так я вас слушаю.

– Судя по всему, вы и так всё знаете.

– Не всё. И это даёт вам шанс! Шанс на смягчение наказания.

– Верится с трудом.

– Всё зависит от ценности информации, которой вы обла-даете.

– Я должен подумать.

– У вас одна минута. Или мы обойдёмся без вашей помо-щи.

Что же рассказал «брюнет»? Во-первых, подробности встречи с главой МИ-6 в присутствии Бориса Джексона. В основном, их показания совпали. А вот что касается тех, с кем он взаимодействовал в Москве, тут оказалось всё куда сложнее, чем представлялось поначалу. Дело в том, что «брюнет» общался, в основном, с посредником, в роли кото-рого выступил некий бизнесмен, по совместительству брат жены «брюнета».

– Да я бы их всех, проклятых, с потрохами сдал, не сомне-вайтесь! Какое мне дело до них? Рвутся к власти, а на людей

им наплевать.

– Отчего ж тогда молчали?

– Если и меня, и Сёму посадят, кто будет кормить его семью? У него ведь пятеро детей!

– О своих не думали?

– Есть счёт в лондонском банке, так что не пропадут. А там и меня обменяют на кого-нибудь...

– А что же Сёма?

– Он на грани банкротства, весь в долгах. Ему пообещали это дело разрулить, только потому и согласился быть посредником.

«Версия так себе. Похоже, тянет время, чего-то ждёт», – Платов посмотрел на главу СВР. Тот прищурил глаз, выражая таким образом сомнение.

– Трудно поверить, что они доверились человеку с улицы.

– Нет. Он известная личность. Раньше работал в правительстве, в Центральном банке...

– Как думаете, ваш шурин согласится сотрудничать?

– А что ему остаётся?

– Он сейчас в Москве?

– Да где ж ему быть? За границу не выпускают из-за долгов.

– Поэтому он и обратился к вам за помощью? И вы согласились...

– Ну а вы что бы сделали, когда человек на грани... – «брюнет», видимо, хотел что-то изобразить руками, но на-

ручники так и не позволили. – Он говорил, что готов застрелиться.

– Вообще-то рассчитано на слабонервных, ну да ладно. А как объясните, что вас взяли в компании с Павликом?

– Это кто?

«Даже глазом не моргнул. Наверняка подготовил свой ответ. Ну ладно, пусть немного покуражится».

– Тот, с кем вы собирались ехать в лифте.

– Ах, этот! Он попросил подвезти, а по дороге рассказал про неприятности с женой... Ну вы же знаете! Вот я и согласился помочь – куда ему справиться с двумя-то мужиками!

«Сначала на жалость давил. Теперь врёт, как сивый мерин, и совершенно не краснеет. Тёртый калач, сразу просчитал – если я здесь, значит Джексона взяли. Поэтому про него всё выложил. А про Ново-Огарёво почему молчит? Надеется поторговаться?»

Тут вошёл секретарь, который был постоянно на связи с ГРУ, и передал Платову записку. В ней было сказано, что Семёв, то есть Семён Остапенко, ещё днём был в Москве, но сейчас его мобильник недоступен. По адресу его подмосковного особняка направлена опергруппа. Ещё доложили, что старший сын Остапенко закончил Уорвикский университет в Англии по специальности бизнес-менеджмент и курсы по подготовке кинооператоров в Лос-Анджелесе, а ныне работает в Голливуде. О банкротстве Остапенко-старшего пока никаких сведений не поступало.

– Как думаете, Сёма знает, что вас арестовали?

– Вряд ли. Всего-то прошло несколько часов...

«Опять врёт. Наверняка была договорённость – в таких случаях периодически созваниваются, чтобы успеть принять меры в случае чего. Можно было бы сказать ему, что в Ново-Огарёво всех взяли, однако это бесполезно, пока среди них не выявили заговорщиков. Да мало ли кого там арестовали! Так и скажет, поэтому пустая трата времени».

– Так, Сергей Евгеньевич, забирайте его к себе и работайте. Аудиозапись этого допроса секретарь вам передаст.

На этом закончилось первое совещание у президента после его возвращения из прошлого. «Теперь надо бы немного поспать, а наутро со свежей головой приниматься за Джексона – он и сам понял, в какую ж... попал, небось, не спит, думает, что делать. Ну а мы ему подскажем».

Платов лёг спать, а вот на Уайтхолле этой ночью было не до сна, там царила паника. Наверно, то же самое наблюдалось в Древнем Риме накануне вторжения варварских племён. Даже заверения послов стран ЕС в том, что будут поддерживать до самого конца, никого не успокоили. Некогда огромная империя, теперь сократившаяся до крохотного островка, рисковала превратиться во всеобщее посмешище. И всё из-за того, что министр иностранных дел вместо того, чтобы обречь в Форин-офисе, куда-то пропал, причём не согласовал своё отсутствие ни с королевой, ни с премьером. Всё бы ничего, такое с ним случилось ещё в то время, когда

был мэром Лондона, но здесь он уже перешёл все допустимые границы.

К поискам подключили МИ-5, МИ-6 и даже британского посла в России. Только после доклада главы МИ-6 премьер-министр узнала, в какую авантюру влез Джексон вместе с Вингером. Это ж надо! Впрочем, если уж взялись, надо доводить начатое дело до конца. Ну а когда сэр Лори Дримстоун сообщил, что неопознанный трамвай был замечен им на Смоленской набережной, у британского посольства, вот тогда, после подробных разъяснений Вингера, ситуация подошла к той черте, за которой маячила скорая отставка.

Что оставалось делать в такой ситуации? Пришлось звонить в госдеп.

– Майкл! Ты в курсе этой авантюры Джексона с дрезиной?

– В общих чертах...

– Но почему скрыли от меня?

– Видишь ли, Тереза, пришлось бы тебе слишком долго объяснять. Там очень сложная наука, с этим перемещением во времени. Я сам толком ещё не разобрался.

– Ты мне зубы не заговаривай! Пытались повернуть всё за моей спиной, а отвечать за неудачу мне придётся!

– Да что случилось-то?

– Хреново работает ЦРУ! В двух шагах от вашего посольства движется в сторону Кремля трамвай, причём без рельсов и без проводов, затем в сопровождении охраны въезжает в Боровицкие ворота, а ты у меня спрашиваешь: что случи-

лось?

– Не может этого быть!

– Видеозапись высылаю...

– Ах ты, господи!

– Самое скверное даже не в том, что Платов опять сидит в Кремле. Вингер предполагает, что они разоблачили Джексона и он теперь у них в руках. Ты представляешь, если Джексон попался, он же на меня повесит всех собак. Ну кто поверит, что такое могло произойти без участия премьер-министра?

– Не паникуй, Тереза! У нас заготовлен план на этот случай. Вы объявите, что есть неопровержимые доказательства, будто он российский шпион и скрывается теперь в Москве. Скажете, что отравление Стригалья было совершено им по заданию Кремля, чтобы спровоцировать неадекватную реакцию Запада.

– Майк, но зачем им это было нужно?

– Чтобы оправдать создание нового оружия. Всё вполне логично: сначала Платов сообщил об этом оружии, а затем подвёл под него идеологическую базу. Что тут непонятного?

– Может быть, в качестве доказательства сослаться на то, что Джексона зовут Борис?

– Тут надо подумать... Нет, лучше обойтись без предъявления доказательств. Скажете, что они у вас есть, но засекречены по соображениям национальной безопасности.

– Пожалуй, ты прав. Это может произвести должное впе-

чатление.

Глава 17. Дело Джексона

Итак, первую ночь после возвращения Платов провёл в Кремле. А на следующее утро, сразу после завтрака ему пришлось выслушивать причитания британского министра иностранных дел, который тоже ночевал в здании Сената – так всем было спокойнее.

– Даже и не знаю, что мне делать, – сокрушался Джек-сон. – Ночью не спал, всё думал, думал... Ведь они же могут прийти к выводу, что это я всё провалил!

– А разве не так? – усмехнулся Платов.

– Но позвольте! Одно дело, если бы я сам пришёл в ФСБ и во всём признался. И совсем другое, когда меня... как это у вас говорят... Ах да, когда взяли за жабры! Мало того, загнали в угол и даже собрались пытать раскалённым утюгом.

– Ну, про утюг-то вы придумали.

– Да уж не помню, что и как... Помню только, что кошмар! Зрелище было жалкое. Мало того, что не причёсан, так ещё и небрит. Одежда помята, словно ночью его валяли по полу. Ну как такому не прийти на помощь?

– Что я могу для вас сделать?

– Да вы поймите! Мне же предстоит держать речь на пасхальном банкете у лорда-мэра Лондона. Если я не приду, это будет неприлично!

«Вот странный человек! – подумал Платов. – Ему на роди-

не грозит тюремный срок за предательство, а он... Понятно, что хочется домой, но как ему помочь?»

– Послушайте, Борис! А что если сделать так? Ведь вы сели на ту самую дрезину в одной из прибалтийских стран?

– Ну да! Я же вам говорил, это было в Эстонии.

– Допустим, что на той же дрезине прошлой ночью вы вернулись из прошлого назад, но... Но по ошибке угодили в болото, в Эстонии их много. Так могло быть?

– Безусловно! – Джексон с надеждой посмотрел на Платова, ожидая чуда.

– Дрезина утонула, вы спаслись, потом заблудились и забрели на нашу территорию, где вас задержали пограничники...

– Владим Владимыч! Отец родной! Я всегда говорил, что вы светоч мысли. Все эти Буши и Обамы вам и в подмётки не годятся! Дайте, я вас... – и Борис полез лобызаться.

Понятно, что это зафиксировали на видеокамеру, так, на всякий случай. А Платов уже вызвал секретаря:

– Немедленно опубликуйте заявление МИД. А содержание такое. Сегодня ночью на российской территории в районе границы с Эстонией пограничниками был задержан гражданин. При нём не оказалось ни вещей, ни документов, однако после того, как неизвестного отмыли от болотной тины, он был опознан как Борис Джексон, министр иностранных дел Великобритании. В ближайшее время он будет передан представителям британского посольства для выдворения из

страны и отправки в Лондон.

Секретарь вышел, чтобы исполнить поручение президента, а Джексон, сидя на стуле, размазывал слёзы по лицу и твердил, не переставая:

– Вы меня спасли! Вы меня спасли! Владим Владимыч, вы меня спасли!

– Борис, выпейте водички! Или что-нибудь покрепче?

– Вот вернусь домой и напьюсь, как зюзя! А всё потому, что вы меня спасли... Владим Владимыч, по-моему, вы не понимаете, что сделали. Я вам по гроб жизни буду благодарен!

– Ладно, успокойтесь! Вы мне помогли, а я вам. Так что мы в расчёте. И каждый должен возвратиться на своё место, как будто ничего и не было.

– А я согласен! – радостно воскликнул Джексон.

– Кстати, об этом «зюзе». Борис, откуда вы так хорошо знаете русский язык? Кое-кто из моих министров мог бы позавидовать.

– Откуда? Да оттуда же, откуда и «Борис». Однако, уж извините, не уполномочен разглашать семейные тайны. Пусть это будет неопознанный скелет в шкафу... – Джексон виновато улыбнулся, а затем спросил: – Так что, вы меня опять туда, в болото?

– Это ещё зачем?

– Ну-у-у, для достоверности, чтоб не возникло ненужных подозрений, – в глазах Джексона всё ещё читался страх пе-

ред возможностью разоблачения.

– Думаю, мы обойдёмся без этого, – чуть подумав, ответил Платов. – Но вот о чём хочу предупредить. Есть сведения, что вас объявят шпионом, работающим на Россию уже много лет.

От неожиданности Джексон на несколько мгновений решился дара речи, а когда вновь обрёл способность соображать, еле выговорил:

– Это ещё зачем?

– Чтобы списать на вас авантюру с отравлением Стригалья.

– Но это же всё она, Тереза! И Вингер! И госдеп!

– Не беспокойтесь! Мы уже продумали, как вы должны себя вести по возвращении в Лондон. На пасхальном банкете у лорда-мэра произнесёте обличительную речь, смешаете нас, прошу прощения, с дерьмом. Тогда уже ни у кого не возникнет ни малейших сомнений в вашей преданности королеве и интересам Великобритании.

– Ну да, так оно и есть!

– Ну что ж, пожелаю вам удачи! И дальнейшего карьерного роста – кто знает, может, станете премьером...

– Владим Владимыч! Вы великий человек!

На этом аудиенция закончилась.

Аналогичный разговор в это же время происходил в Москве, в одном из кабинетов Белого дома на Краснопресненской набережной. Конфиденциальность беседы обеспечила электронная «глушилка», хотя на всякий случай ника-

ких имён договорились не называть. А речь шла о сотруднике СВР, обвинённом в работе на британскую разведку.

– Надо его срочно выручать.

– Вы уже достали своими авантюрами! Предлагаете брать Ясенево штурмом?

– Я совсем не то имел в виду. Можно подключить нашу прессу, направить обращение в ЕСПЧ...

– И что вы там напишите? Требуем освободить британского шпиона? Да это курам на смех!

– Но что-то надо делать! Он же не будет долго молчать.

– Самый надёжный способ это взаимовыгодный обмен. Ну вот например, можно арестовать за шпионаж артистов балетной труппы нашего Большого театра, когда они приедут на гастроли в Сеул.

– И когда же это будет?

– Кажется, в мае.

– Ну и за кем они шпионили?

– За персоналом американской военной базы.

– Думаете, кто-нибудь поверит?

– А это неважно! Госдеп добьётся их депортации в США, а там уж верь или не верь, но дело будет сделано.

– Толковая мысль! Я кое с кем переговорю.

Так кто же собирался выручать того самого «брюнета», имя которого по понятным причинам никто не называл? Эту загадку пока что не разгадали ни в одной из спецслужб, задействованных в раскрытии заговора. Не выяснили и того,

с кем из заговорщиков связывались сотрудники ФСО. Ни в одном из реквизированных мобильных не нашли никакого криминала – только ничего не значащие разговоры с родственниками и друзьями. Штатные средства спецсвязи для подозрительных сообщений также не использовались, а доступ сотрудников к интернету на охраняемой территории был заблокирован. Высказывалась версия, что для связи могли использовать почтовых голубей, однако следов их пребывания в Ново-Огарёво не нашли – ни клеток, ни птичьего помёта. Загадочная ситуация! Ну не могли же заговорщики воспользоваться методами телепатии!

Дальше больше – когда Павлику, тому, что дипломат, показали фотографии тех, кого задержали в Ново-Огарёво, он никого не узнал. Такое впечатление, что он общался с призраками. По сути, следствие зашло в тупик: Гришу, контрразведчика из ФСБ, использовали втёмную, «брюнет» из СВР молчит, Павлик-дипломат толком ничего не знает и даже замдиректора из НИИ настаивает на своём – будто выполнял секретное задание СВР.

Платов сидел за столом в рабочем кабинете. Перед ним лежала куча бумаг, которые требовалось просмотреть и подписать. Это работа на весь день, и времени почти не оставалось, чтобы отвлечься от ежедневной суеты и не спеша подумать. А ведь ситуация критическая! Ну можно ли заниматься реформой Академии наук и проблемой повышения зарплаты бюджетников, если где-то рядом затаился враг?

Судя по всему, требовалась какая-то сумасшедшая идея, чтобы выйти на главных заговорщиков. Жаль, что тот способ, который Платов использовал для общения с Тухачевским, здесь применить уже нельзя – наука утверждает, что это было возможно тогда и там, то есть в пераллельном пространстве, ну а в реальных условиях нереализуемо. Да и непонятно, кого именно следует так разыграть, чтобы добиться нужного признания – не станешь же подвергать проверке всех подряд, то есть всех чиновников высшего звена. Все эти министры, их замы, начальники департаментов вместе с заместителями – это же тьма тьмущая народу! Замучаешься проверять. Нет, для начала имеет смысл ограничиться министрами.

И тут в голову пришла мысль... «Ведь можно сделать проще, без всех этих заморочек с перемещением в пространстве и во времени. Представьте, что в интернете появляется запись допроса этого «брюнета» в СВР. Запись сделана нелегально, поэтому какие могут быть претензии к качеству изображения? Примерно то же было, когда фиксировали переговоры Удальцова с Таргамадзе. Ещё раньше генпрокурора застукали с девицей – тогда эффект был потрясающий! Ну а в нынешние времена даже не потребовалось бы укладывать его в постель – с девицей будет развлекаться совсем другой человек, а на дисплее компьютера появится тот, против кого и замышлялась провокация... Пожалуй, зря я бочку катил на российскую науку – кое-что могут, если очень захотят! А

впрочем, нет – вроде бы эту технологию мы, мягко говоря, позаимствовали в Голливуде.

Итак, запись допроса... Там должны быть некие намёки на заговорщиков, но без указания фамилий. Якобы автор записи это вырезал, чтобы не оказаться пособником врагов. Далее нужно выбрать сайт в интернете, куда непременно заходят члены правительства. Но вот беда – один предпочитает смотреть порнуху, другой любит сайты про животных, а третьему подавай футбол или бои без правил. Надо заранее выяснить их предпочтения, составить список сайтов, купить там место для рекламы и разместить ссылку на нужный сайт, где «брюнет» и признается в своих грехах... И вот когда узнаем, что все подозреваемые заходили на этот сайт, на следующий день нужно вызвать каждого из подозреваемых на доклад. И посмотреть ему в глаза! Уж это я умею делать, то есть посмотреть так, что заговорщик наверняка запаникует... Что ж, мысль неплохая, а дальше... дальше, как получится, тем более что других вариантов нет».

Глава 18. Правила поведения

Уже к полудню Джексона привели в надлежащий вид, оставив нетронутой только оригинальную причёску. Для достоверности опрыскали пальто водой с запахом болотной тины, а в карманы положили несколько еловых иголок и пожухлых листьев. Обувь тоже обработали, но затем решили, что лаковые штиблеты следует заменить на кирзовые сапоги – блуждания по лесу британская обувь наверняка не выдержит, а сапоги ему якобы выделил завхоз на погранзаставе. Затем посол Великобритании был вызван в МИД, где ему и передали с рук на руки Бориса Джексона вместе с сапогами.

Прямо со Смоленского бульвара посольская машина направилась в аэропорт, где уже был подготовлен самолёт. И через несколько часов Джексон оказался на Даунинг-стрит 10, в резиденции премьер-министра.

Хозяйка дома обошлась без излишних церемоний и с ходу, не дав министру оправдаться, высказала всё, что наболело за последние три-четыре дня:

– Мистер Джексон! Вы поставили нас в глупейшее положение.

– Но Тереза, дорогая...

– Не смейте называть меня так!

– Как скажете, – Джексон почувствовал, что его авторитет тает на глазах, как снег под лучами солнца на московских

улицах.

– Так вот, у меня вопрос: зачем вы сдались российским пограничникам?

– Я понимаю, для вас было бы лучше, если бы я утонул в болоте.

– Не передёргивайте! Надеюсь, вам понятно, что в нынешних обстоятельствах я не могу вам доверять.

– Это в каком же смысле? – возмутился Джексон. – Я рисковал своей жизнью ради вас, ради правительства, ради величия моей страны!

– Откуда мне знать, может быть, все эти дни вы развлекались в таллинском борделе с местными девицами... Кстати, для вас это не самый худший вариант.

– В следующий раз я так и сделаю.

– Следующего раза не будет! Я повторяю, кредит доверия исчерпан. Вы завалили дело с Платовым, тем самым огорчив весьма влиятельных персон по обе стороны океана. Затем вы утопили в болоте весьма ценный аппарат, а в довершении всего на наших глазах рассыпается состряпанное вами дело Стригалья.

– Но как же так? – от возмущения Джексон даже подскокил на месте. – Мы же с тобой всё это обсуждали – что, где, когда... И про гречку, и про дверную ручку, и даже про ко-та, который подох под воздействием боевого отравляющего вещества... Ты же знаешь, что это был экспромт. Вспомни, сначала Стригали съели тухлой рыбы, затем, уже сидя на ска-

мейке в саду, потеряли сознание, и только после этого стажёр из МИ-5, осуществлявший слежку, дал сигнал химической тревоги. От этого излишне впечатлительный полицейский упал в обморок. Началась паника... Ну как было этим не воспользоваться?

– С вашей стороны в высшей степени непорядочно упрекать меня в том, что я сознательно участвовала в этой авантюре, – премьер-министр всё ещё сохраняла самообладание, но видно было, что она уже на грани...

– Хочешь сказать, что ты поверила мне на слово? Я тебе с три короба наврал, навешивал... как это говорят, спагетти на уши, а ты, как невинная овечка, только хлопала глазами? Но тогда ты просто дура!

– Сэр! Выбирайте выражения!

– И не подумаю! Всё! Нашей дружбе конец! – Джексон повернулся и пошёл к двери, что-то бормоча себе под нос. Видимо, врождённое благоразумие не позволило ему произвести во всеуслышание то, что он думает и о премьер-министре, и о влиятельных персонах, и вообще о тех британцах, американцах и членах Европейского союза, которые не способны оценить по достоинству его усилия, его самоотверженный труд на благо всего мира.

«Да, видимо, прав был Платов. Всё идёт к тому, что меня назначат козлом отпущения, а то и вовсе – *whipping-boy*, мальчишкой для битья. Скорее всего, не доживу даже до пасхального банкета. И куда бежать-то, в Израиль или прямо-

ком в Россию?» Но прежде чем пуститься в бега, он решил устроить им весёлую жизнь. Сначала на пасхальном банкете у лорда-мэра Лондона произнёс зажигательную речь, обвинив Россию во всех несчастьях, которые свалились на страну, вплоть до последствий Брексита, а уже на следующий день стал готовить сюрприз для «дорогой Терезы». После такой речи никто и не подумает, что он собирается подложить кое-кому свинью.

У Джексона были свои люди и в спецслужбах, и в полиции – иначе он не смог бы стать мэром Лондона и уж конечно смешно было бы рассчитывать на пост министра. И вот одному из особо доверенных лиц он предложил осуществить такую акцию: в отсутствие свидетелей передать Юлии Стригаль мобильный телефон для того, чтобы она позвонила кому-то из своей родни в Россию. Что и было сделано, а в результате заинтересованные лица узнали, что всё не так, как было ранее заявлено: Юлия практически здорова, разговаривает бодро, её отец отдыхает, спит, что не похоже на человека, находящегося в коме.

А на другой день разразился скандал. Премьер-министр рвала и метала:

– Кто устроил мне такую пакость? Кто допустил в больницу российского агента, да ещё с мобильным телефоном? Немедля подготовить законопроект о реформировании Скотланд-Ярда и МИ-6!

Но было уже поздно. Новость подхватили зарубежные

СМИ, оппозиция в парламенте выступила с очередным запросом, а на российских ток-шоу политологи и журналисты соревновались в том, как бы похлеще высмеять британское правительство. Кстати, в основном, доставалось не премьер-министру, а всё тому же Джексону. Вроде бы обидно, однако он сам спровоцировал эту ситуацию, так что нечему тут удивляться.

Enfant terrible – этот образ Джексон создал не только для того, чтобы привлечь к себе внимание. Такому «мальчику» позволено высказывать мысли, за которые любой другой мог бы лишиться своего поста в правительстве или депутатского мандата. И это в лучшем случае, поскольку лондонский джентльмен обязан был придерживаться определённых правил, следование которым позволяло отличить его прочих людей, не достойных внимания солидной публики. Если же он позволял себе высказывания а ля Владимир Жириновский, то рисковал оказаться один на один со своими личными проблемами, в которых не сможет разобраться даже психиатр. И тем не менее, Джексон намерен был бороться до конца, причём не только прибегая к заявлениям в свойственном ему оригинальном стиле. Когда оказываешься припёртым к стенке, появляются какие-то внутренние, ранее неведомые силы, мозг работает буквально на износ, и вот, наконец, находишь то, чего искал.

Джексон вспомнил о том, как прошлым летом один из помощников премьер-министра проинформировал его об оче-

редном переводе денег в фонд консервативной партии. Тогда Джексон не обратил особого внимания на этот перевод – так, обычная рутина, кто-то спонсирует консерваторов, кто-то лейбористов. Но вот теперь припомнил, что кое-что в этом переводе его заинтересовало, однако события, связанные с назначением на пост министра иностранных дел отвлекли, и позже он об этом уже не вспоминал. Теперь вдруг вспомнил и дал поручение изучить все материалы, связанные с поступлением денег в фонд партии – если понадобится, использовать неформальные связи, но выяснить имена всех спонсоров.

Когда на стол ему положили документы, Джексон поначалу не поверил – это была редкая удача! Как оказалось, среди тех, кто поддержал деньгами партию, значилось несколько российских олигархов – так в Лондоне называли всех миллиардеров, которые вроде бы пользовались поддержкой Платова. Теперь у него был козырь против Мэйн, однако Джексон понимал, что этими деньгами он и сам измазан. Так что, обнародуй он эти материалы, в выигрыше будут лейбористы. Но был другой вариант – сообщить всё Платову. О последствиях Джексону не хотелось думать, поскольку в нём вдруг проснулся дух турецкого янычара, одного из предков, которому было наплевать с высокой башни на правила поведения британского джентльмена.

Но как передать материалы? Джексон вспомнил, что ещё тогда, в кладовке, в той квартире где-то близ Пречистенки,

Галина сунула ему записку с указанием, как можно связаться с ней через Telegram. К счастью, в России этот мессенджер пока ещё не заблокирован, но следует поторопиться. Кто знает, может быть, именно враги Платова добиваются его закрытия. Для чего? А для того, чтобы лишить Джексона единственного доступного канала связи и с Галиной, и с Россией.

На следующее утро на столе перед Платовым лежал документ, из которого следовало, что трое российских миллиардеров перечислили немалые средства в фонд консервативной партии Великобритании.

«С Рабиновичем и Душмановым всё понятно. Уже давно освоились на Британских островах – один владеет «Челси», другой вложился в «Арсенал». А этот как здесь оказался? Он же вроде бы нацеливался на Швейцарию».

Дело в том, что третьим в списке оказался Гектор Аксельборг. В последнее время о нём стали забывать, а ведь ещё несколько лет назад многие возмущались тем, что творится в фонде «Сколково». Писали и в правительство, и в Счётную палату – в письмах упоминались неоправданно высокие выплаты приглашённым «из-за бугра», при том, что им, по сути, нечем было заниматься – чётких задач пред ними никогда не ставили. Критики писали об отсутствии должного контроля за их работой, о разбазаривании бюджетных средств. Ну а тот случай, когда оппозиционный депутат Госдумы получил кругленькую сумму за свои «липовые» лекции – это

и вовсе неприлично! И тем не менее, Аксельборгу хоть бы хны, да и премьер по этому поводу помалкивает, хотя именно он был инициатором назначения Аксельборга на должность президента фонда «Сколково».

«Что же мне делать с Аксельборгом? Сколько ни ломаю голову, никак не пойму этих жирных котов – ворочают миллиардами, так чего же им неймётся? Мало того, что уже награбили?! Слава богу, хоть Прохоренко не разочаровал. Подёргался, подёргался, пару раз вляпался по самое оно и в итоге всё-таки решил не лезть в политику. Вот так и надо. Каждому своё!»

Глава 19. Пасхальные откровения

В ночь на восьмое апреля в Храме Христа Спасителя проходило пасхальное богослужение. Как всегда, Платов стоял в первом ряду, чуть с краю, чтобы охране было сподручнее выполнять свои обязанности. Поодаль расположились Митя и Галина, да и Филимон был при деле – всё это надёжные, проверенные в жестоких схватках люди, чего не скажешь о других. Понятно, что прихожане, увлечённые тем, что происходило на амвоне, лишь изредка поглядывали на Платова, так что никто и не заметил, что губы у него шевелятся. Если бы кто-то обратил внимание, то мог бы догадаться, что президент разговаривает с Богом. Так оно и было, и вот с какими словами Платов обратился к Господу:

– Господи, подскажи, что делать! Ну не могу же я подозревать всех подряд! Ведь невозможно ожидать от каждого предательства и гнусности. Вот только вчера уволил с десятков генералов, а теперь думаю, что был не прав. Господи! Если я совершил ошибку, прости и помилуй своего раба. Зачем ты так жесток? Зачем ты позволяешь мне страдать? Знай, господи, я верю в тебя! Верю, потому что кроме тебя нет никого, кто бы смог помочь. Не дай мне сгинуть, дай надежду, что всё ещё можно изменить. Избавь меня, Господи, от врагов! Или хотя бы подскажи, где их искать.

И ответил Платову Господь:

– Владим Владимыч, дорогой! В душу человека не заглянешь. Даже при моих возможностях это удаётся не всегда. Так что смирись, на всё моя, то есть Божья воля.

– Но, Господи! Я же, а не ты в ответе за Россию.

– Не кощунствуй!

– Но согласись, если что не так, с меня же спросят. Вот потеряю власть, а на кого тогда страну оставлю?

– Импичмента боишься?

– Да нет, в этом смысле у меня всё вроде бы в порядке, под контролем.

– Тогда чего же суетишься, меня отрываешь от важных дел? – вопрошал Господь.

– Боюсь, что злые, жадные, завистливые люди уничтожат страну. Богатства разграбят, народ превратят в бездумное стадо, в животных, которым нужны только еда, вода и развлечения.

– А разве не так?

– По-твоему, человек должен слепо следовать своим инстинктам? Только и всего?

– Ты пойми, не каждому я дал то, что дано тебе, – поучал Господь. – У большинства людей самые простые, банальные желания: интересная работа, приносящая достаточно большой доход, дети, дом, жена, интернет и телевизор... Что ещё нужно человеку? Ну разве что здоровье, но тут уж многое зависит от него самого.

– Ну а совесть? А нравственность, мораль?

– Увы, это такие категории, которые не поддаются строгому анализу. Можно представить себе обстоятельства, когда человек, чтобы спасти кого-то, должен пожертвовать другими. Вспомни генералов, которые посылали в бой своих солдат. Допустимо ли в этом случае рассуждать о нравственности? Бог простит, если человек того заслуживает. А всё потому, что безгрешных людей нет. Да ты и сам всё понимаешь.

Платов задумался, не зная, что сказать. Хотелось возразить, но не нашёл весомых аргументов. Вот потому и молчал.

– Так чем же я могу помочь? – не выдержал Господь, которому в эту ночь предстояло ещё много подобных разговоров.

– Господи! Хотя бы намекни, – взмолился Платов. – Был ли заговор? А то ведь я ночами плохо сплю, всё думаю, всё жду, что встану утром, а власть уже переменялась. Так было или не было?

– Всё зависит от того, как на это дело посмотреть. Мир ваш так устроен, что нужен и Иуда, и Иисус Христос. На то и щука в море, чтобы карась не дремал – это же закон единства и борьбы противоположностей. Да ты эту диалектику на юрфаке проходил.

Платов понял, что Господь и в этот раз постарался уйти от ответа. Он конечно прав – каждый сам должен выпутываться из трудных ситуаций. Ну а если выпутается, непременно скажет: «Спасибо тебе, Господи!»

Пасхальная служба шла своим чередом, но Платов не прислушивался к тем словам, что неслись с амвона. Это был ред-

кий случай, когда он был избавлен от необходимости отдавать приказы, когда избавлен от той суеты, которая не оставляет возможности не спеша подумать.

«А вообще-то прав Булгаков. Не о том мои заботы. Всё оборона, экономика, финансы... А сто́ит приглядеться к людям, возникает впечатление, что многие из них накормлены отравой – только деньги, деньги, деньги, и больше ничего не желают знать. Вот и Митя говорит, что даже на телевидении и в поликлиниках сплошь одни рвачи! И что мне с ними делать – уволить? А где других найдёшь?»...

Схожие мысли одолевали и одного из вице-премьеров. В церковь он не ходил, да и к религии был внешне равнодушен, но только потому что не желал вносить разлад в семейный быт – страшно представить, что вот жена с дочерью отправились в мечеть, а он с сыном по другому адресу... Да нет, это ни к чему! Лучше уж числиться правоверным атеистом, хотя на самом деле всё не так. В церковь, в мечеть, в буддийский храм или в синагогу пусть другие ходят. Пусть там помолются о спасении души. Его же занимали более важные проблемы.

С недавних пор его перестало устраивать то, что он делал на своём посту. Премьер был доволен, президент вроде бы не возражал, но стоило предложить радикальное решение в русле либеральной экономики, как президент давал отбой – рано, страна к этому не готова! Да сколько можно ждать? Конечно, удалось скопить кое-какой капитал, жена вот по уши

залезла в бизнес. Но это же совсем не то, к чему стремился!

Всё чаще он задавал себе вопрос: «Можно ли реализовать мои мечты при нынешнем режиме?» Ответ напрашивался сам собой, а всё потому, что для интенсивного развития экономики нужна полная свобода. Пусть бизнесмены рвут в клочья конкурентов, не взирая на окрики святош. Только так можно рассчитывать на успех! В схватке побеждает сильный, хитрый, а доброта и нравственность тут совершенно ни при чём. Примером для него были Штаты – вот там бы он развернулся, однако проблема в том, что американцам он не нужен, там хватает энергичных, оборотистых людей.

Пробовали поддержать либеральную оппозицию – «Сколково» и кое-кто из денежных мешков выделяли деньги на проведение протестных акций, но... Но, как ни грустно это признавать, Платов их переиграл! И вот когда все средства перепробовали, а результата нет как нет, тогда у кого-то и возникло предложение: пора избавляться от такого президента. Но как? Эти люди в бизнесе собаку съели, в интригах и в налаживании связей равных им нет, иначе не наварили бы себе миллиарды. Здесь же требовалось кое-что другое.

Всё это обсуждали не раз на встречах с Аксельборгом. Высказывалось предложение устроить майдан на Красной площади, но это же вам не Украина – враз разгонят, и по закону будут правы. Вспомнили опыт государственных переворотов ещё в прежние, советские времена – тогда всё решало Политбюро. Ну а сейчас рассчитывать на поддержку ближай-

шего окружения президента, по большому счёту, не приходится. При Ельцине не смогли использовать свой шанс, вот и приходится сейчас терпеть. Но сколько можно?! Да, Березовский в итоге оказался бездарем – это ж надо так просчитаться с кандидатом в президенты! Впрочем, говорят, что он тут ни при чём – в этом деле видна была куда более опытная рука. Один сочинитель даже высказал версию, согласно которой руку к назначению Платова преемником приложил сам Киссинджер! Кто знает, может быть, недалеко от истины. Да, все мы сильны только задним умом, а чтобы предвидеть, как всё обернётся, тут наших способностей явно не хватает.

Помимо желания скорректировать курс, чтобы следовать законам либеральной экономики, причём без всяких исключений, была ещё одна немаловажная причина для того, чтобы поторопиться со сменой президента. Эта его забота о престиже государства, это ничем не оправданное противостояние с Западом могли привести к фатальному исходу. Санкции следовали одна за другой, миллиардеры матерились, но ничего поделать не могли.

Надежда замаячила, когда возникла мысль пригласить эксперта по таким делам. Понятно, что госпереворотов он не совершал, но по долгу службы обладал кое-какой информацией, так что мог предложить интересный вариант. Человек вполне надёжный, он периодически оказывал ценные услуги одному из заговорщиков, поэтому сомнений в нём не возникало. К тому же у него были неформальные связи и в ФСО,

и в ФСБ.

О чём же он рассказал? Сначала всем показалось, что в обществе солидных, уважаемых людей затесался прохвост или в лучшем случае – пациент из Кащенко. Настолько невероятным было то, что сообщил. Лишь после того, как он предъявил краткое резюме, написанное заместителем директора некоего секретного НИИ, в мозгах участников наступило просветление. А вслед за этим все заплодировали... И завертелось!

И вот теперь приходится подсчитывать убытки, причём уже в который раз. Оказывается, кругом одни рвачи! Денег извели немеряно, а результатов с гулькин нос. Куда же ты катишься, Россия? Только бы тот, из СВР, держался и молчал. А если заговорит, тогда что делать?

А между тем, «брюнет» поплыл, во всяком случае, наметился кое-какой прогресс. Судя по всему, эта бодяга ему изрядно надоела, но что-то удерживало от признания. Причина, что называется, лежала на поверхности, ну разве что пришлось чуть-чуть копнуть.

– Если я назову вам имена, вы постараетесь замять скандал. А меня ликвидируете как опасного свидетеля.

– Ладно, тогда скажите, почему? Что вас заставило пойти на эту авантюру?

– Не такая уж это авантюра, если посмотреть, кто в ней участвовал. А почему? – он задумался. – Да потому что не согласен с вашим политическим курсом.

– Это что-то новое! Прежде шли на такое ради денег...

– Не скрою, и деньги, и продвижение по службе тоже для меня важны.

– Неужто обещали место директора СВР?

– Так ведь без поддержки влиятельных персон карьеры здесь не сделаешь. Но не это главное.

– То есть вы идейный?

– Называйте, как хотите. Жаль, конечно, что не получилось. А ведь красивая была задумка.

– Сами разработали план?

– Нет! Только консультировал.

– И что же стало причиной неудачи?

– Сами знаете.

Больше от «брюнета» добиться ничего не удалось. Но стало ясно, что в заговоре участвовали весьма влиятельные люди.

Глава 20. Явление Егора

С утра, зайдя в свой рабочий кабинет, Платов вызвал секретаря:

– Как там дела в министерстве культуры?

– Биографию Луначарского министр уже проштудировал. Сегодня намерен вызвать на допрос... пардон, на собеседование одного писателя. Тот вроде бы предложил новую версию начала Руси.

– Интересно! И где же он отыскал это начало?

– По моим данным, в Паннонском море.

– Это ещё что такое?

– Говорят, на территории Венгрии...

– Что за чушь! Насколько я знаю, там бывают наводнения, но только после весеннего разлива рек.

– Прикажете дать ему отлуп?

– Да нет, пусть попытается доказать, а там видно будет.

– Я передам.

Тем временем, министр культуры, обложившись книгами, сидел в кабинете, располагавшемся в бывшем особняке Лианозова – это шикарное здание стало украшением Малого Гнездииковского переулка. Даже столь относительная, почти мистическая близость к богатому нефтепромышленнику поддерживала в министре ощущение собственной значительности, хотя предпочтительнее был бы кабинет Сечина на

Софийской набережной.

Книги понадобились для того, чтобы наглядно опровергнуть новую версию происхождения Руси – если бы не указание Платова, который настоял на регулярных встречах с малоизвестными писателями, а также с теми, кого решительно отвергли все издательства, он не стал бы тратить драгоценное время, чтобы доказывать то, в чём убеждён. А верил министр в то, что Русь была всегда, и никакие скандинавы, прусы, аланы или руги не могли поколебать его твёрдую уверенность, основанную на том, что русских от всех прочих отличает крайне важная черта – наличие в их организме лишней хромосомы. Саму хромосому он пока не видел, однако считал, что она обязана существовать, иначе невозможно объяснить ни стойкость русских солдат ещё со времён перехода армии Суворова через Альпы, ни победное шествие Великого Октября, ни создание уникальных боевых ракет, несмотря на вражеские санкции.

И вот этот писака перед ним. Судя по внешности, и не скажешь, что он своей теорией решил перевернуть историю огромной страны.

– А вам не кажется, что вы слишком много на себя берёте? Сотни профессионалов на протяжении трёхсот лет пытались решить эту загадку, но всё без толку. И тут вдруг появляется некий дилетант, историк-любитель и заявляет, что все прежние теории следует отправить в топку, и только его теория верна. Да кто вы такой, господин Сурков?

Примерно то же пришлось выслушать Егору, когда пригласили выступить в Институте российской истории, входящем в состав Академии наук – он так и не понял, то ли это был Учёный совет, то ли семинар по узкой теме. Важно то, что любой его аргумент встречали в штыки, причём в качестве опровержения ссылались на монографии и статьи, написанные докторами наук и академиками. Видимо, их труды и лежали сейчас перед министром. В общем-то, возмущение историков было понятно, поскольку результатом принятия его версии начала Руси стало бы сомнение в необходимости существования этого академического заведения. Могли Егор надеяться на понимание со стороны министра? Ничего другого ему оставалось, ведь под лежач камень вода, как известно, не течёт.

Тем временем министр продолжал:

– Вот вы поспешили опубликовать книгу, причём не в России, а за рубежом. Мало того, что ни с кем не посоветовались, но обратились за помощью к американцам! Вы что, не читаете газет, не знаете про санкции против нас? В другие времена вас бы привлекли к ответственности за измену Родине!

– Ну вы и скажете, Ростислав Владимирович!

– А вы как думали? За опрометчивые действия в столь непростой международной обстановке нужно отвечать.

– Санкции я не одобряю, но вот ведь получается, что американцы готовы публиковать труды своих врагов, а у нас дру-

зей выставляют за порог издательства.

– Весьма некорректное сравнение! Там речь идёт об экономике, а у вас о книге.

– Так вы считаете, что литература не нужна?

– Да нет! Как можно? – министр вспомнил о разносе, который ему устроил президент, и слегка смягчился. – Но вы и нас, пожалуйста, поймите! Писателей много, за всеми не уследишь... Вот и вас обидели.

– Не в обиде дело. Жаль, что публикуют завиральные статьи, а мою, достаточно аргументированную, отвергли.

– Так давайте, назначим экспертизу! Есть у нас подходящий институт... Вот, нашёл... Институт российской истории. Как раз то, что вам нужно.

– Был я там.

– И что?

– Отклонили статью.

– Ну вот видите! – обрадовался министр, и зачем-то покопавшись в шевелюре, спросил: – Послушайте, а нет ли у вас кого-нибудь в президиуме Академии наук? Кстати, вы нашему Владу Суркову не родня?

– Бог миловал.

– Ну зачем же так? Он человек влиятельный, у него большие связи, мог бы поспособствовать. А в данном случае... даже и не знаю.

– Но вы-то сами...

– Поймите, дорогой товарищ, я ведь должностное лицо,

я не имею права самолично решать подобные вопросы. Для принятия решения нужен кворум. Да можно ли переступить через Академию наук! Она и без того на ладан дышит, – министр сделал скорбное лицо. – В принципе, конечно, я мог бы кое-что, но ведь слухи нехорошие пойдут. С чего это я поворюствую неизвестному писателю? Впрочем, не стану продолжать, вы и сами понимаете. Не так ли?

– Что же мне остаётся? Президенту написать?

– Ой, это ни к чему! Его секретариат письмо переправит мне, и всё опять пойдёт по замкнутому кругу. Вам это надо?

– Нет.

– Вот и прекрасно! – Ростислав Владимирович и не пытался скрыть своего удовлетворения. – Хорошо, что мы друг друга поняли. А посему не смею вас более задерживать.

Итак, Егор покинул «храм культуры» не солоно хлебавши и, пока шёл в сторону Тверской, размышлял о превратностях судьбы, о том, почему в этом мире истина мало кого интересует.

Ну ладно, пусть американцы читают о начале Руси, им это будет полезно для общего развития. Его же в последнее время беспокоило совсем другое. Во-первых, это отсутствие Платова в Москве с 21 по 23 марта. Запись выступления президента, показанная по телевидению в эти дни, ни о чём не говорит. Но вот на что стоит обратить внимание – ни заседания Совбеза, ни встречи с губернатором или министром, ни полёта на реактивном самолёте. Это было необычно, пуб-

лика привыкла видеть Платова каждый день в самых разных ракурсах. Несомненно, тут таилась какая-то загадка.

Во-вторых, неожиданный поворот в деле отравления Стригалея. Сначала твердили о неизбежности летального исхода, но вдруг оказалось всё не так. Особенно удивляло поведение Бориса Джексона – то истерика во время выступления с речью на пасхальном банкете, а следом за этим тишина, словно бы в рот воды набрал. Только поблагодарил врачей за героические усилия по спасению бывшего русско-го разведчика.

В третьих, Егор стал свидетелем суеты спецслужб у дома № 3 на Воронцовских прудах – он жил по другую сторону парка и каждый день совершал прогулку по окрестностям. Ценность такого променада заключалась в том, что во время быстрой ходьбы появлялись неожиданные мысли, которые в иных обстоятельствах так бы и остались невостребованными где-то в подсознании. Такая мысль и возникла в этот раз: «А почему они засуетились именно в те дни, когда президента не было в Москве?»

И наконец, этот трамвай, который вопреки всем законам физики и правилам дорожного движения возник на Смоленской площади и покатил в сторону Кремля. Эту информацию ему сообщил приятель, который той ночью выгуливал свою собаку у британского посольства – дог был родом из Англии, и его непостижимым образом тянуло к англичанам. Ох уж эта собачья ностальгия!

Понятно, что трамвай у британского посольства и загадочное отравление в Солсбери – это могло быть всего лишь совпадением. Но когда знакомая консьержка из дома № 3 сообщила о жутких криках в квартире дипломата и вторжении переодетого спецназа, дело приняло серьёзный оборот. А всё потому, что этот тип, как выяснила любопытная дама, несколько лет работал в Лондоне. Опять этот Туманный Альбион!

Но как всё это связано с отсутствием президента на рабочем месте? Есть ли тут хоть какая-то связь? Пришлось проанализировать выступления Платова до и после этих событий, и оказалось... Страшно представить себе такое, однако поначалу напрашивался вывод: президента подменили! Вроде бы он, во внешности нет никаких отклонений от привычного облика, но вот говорит, по большей части, не так и не о том. Если раньше делал упор на финансы, оборону, экономику, то теперь всё было по-другому. В своих выступлениях он раз за разом упрекал губернаторов, министров, генералов в невнимательном отношении к согражданам, в том, что формально подходят к решению проблем, которые волнуют население. А в довершение всего уволил с десятков генералов из силовых структур. Это уже никак не укладывалось в привычные представления о том, как должен поступать президент. Вот и министр культуры переменялся – ему бы самому никогда не пришло в голову устраивать встречи с непризнанными литераторами. Но чем же могли быть вызва-

ны такие действия? Несомненно, Платов хотел что-то изменить, что-то не давало ему покоя. Вряд ли пытался воззвать к совести чиновников. Нет, здесь дело, видимо, в другом. Такие внезапные перестановки среди руководства силовых ведомств происходят, если там, наверху возникли кое-какие подозрения... Но в чём можно подозревать стольких генералов? Егору припомнился 1937 год, когда сняли со своих постов Тухачевского, Якира, Уборевича... Ну а потом начались аресты. Неужели снова?

На следующий день Егор смотрел трансляцию Пасхального богослужения из Елоховского собора. Премьер-министр с женой, московский градоначальник, Платов... Это было странно, поскольку в последние годы Платов предпочитал отмечать такие праздники в провинциальных храмах, причём там не было премьера. А тут... Зачем-то ему понадобилась эта демонстрация их нерушимого единства. Что если всё не так? Известно, что истинно верующий человек побойтсся солгать, если находится в божьем храме. Тогда какой же вопрос мог задать Платов своему премьеру во время пасхальной церемонии?

И только тут всё неожиданно сошлось, и стала вырисовываться более или менее ясная картина.

Глава 21. Каждому своё

Вскоре после того, как видеозапись с виртуальными признаниями «брюнета» из СВР была запущена в интернет, Платову доложили, что несколько членов правительства уже успели её посмотреть. Ждать, когда увидят остальные? Нет, можно упустить момент истины, поэтому Платов велел пригласить для доклада всех пятерых, но так, чтобы не пересеклись даже в приёмной. Ничто не должно насторожить злодея!

И вот теперь перед ним сидел уже пятый по счёту министр, а результата нет! «Сверлю, сверлю его глазами, и абсолютно никакого толку! Может быть, навык свой утратил? Ну как понять, напуган он этой записью с "брюнетом" или ничего подобного? Похоже, у каждого из них есть что-то, в чём не хочет, не может признаваться. То ли инсайдерской информацией приторговывает, то ли делает преференции бизнесу кого-то из своей родни, то ли пять квартир записал на тещу, трёхэтажный особняк на бывшую жену, а дочке-первокласснице передал в управление акции сталелитейной и нефтяной компаний. Да кто его разберёт? В глазах же не написан адрес того офшора, где хранится семейный капитал».

Увы, ловушка не сработала. Платов прикидывал и так и сяк, но ничего не смог придумать. А между тем, видеозапись с тем «брюнетом» посмотрел и Егор. В поисках информации

о событиях в Солсбери он зашёл на сайт для любителей футбола, и тут, рядом с рекламой средства для укрепления волос обнаружил ссылку: «Скандалные признания шпиона». Ссылка вывела его на видеозапись допроса, однако понять, о чём рассказывает шпион, мог только тот, кто «в теме». А всё потому, что, как только дело доходило до указания на чью-то должность или фамилию, экран темнел, но через несколько секунд изображение и звук снова появлялись. Ясно было лишь то, что сделан некий информационный вброс, причём с определённой целью. В иных обстоятельствах можно было бы предположить, что копают под конкретного человека, но здесь всё было слишком неопределённо для такого случая. У Егора появилось ощущение, что этой записью хотят кого-то напугать, причём целью был человек из высших сфер – на это указывал ряд деталей в откровениях «шпиона». Но, судя по всему, создатели этого видео ничего о нём не знали, иначе все эти заморочки с опубликованием записи допроса были ни к чему. Снова загадка, в дополнение к тем, которыми он в последнее время увлекался. И тут подумалось: «А нет ли какой-то связи между этим допросом и той сценой в Елоховском соборе, когда президент вроде бы намеревался "расколоть" премьеру?»

Итак, вырисовывается следующая картина. В России готовился госпереворот, в подготовке которого были замешаны люди из окружения премьера, но сами они с таким сложным делом не смогли бы справиться – к примеру, в смеще-

нии Хрущёва участвовал глава КГБ, поэтому всё прошло без сучка и без задоринки. Так что и здесь наверняка им помогал кто-то из спецслужб. Но и этого явно недостаточно – нужна поддержка извне. Видимо, этот «шпион» выполнял роль связного заговорщиков с зарубежными партнёрами. Если учесть, что как раз в это время была реализована провокационная комбинация в Солсбери, то в деле наверняка участвовала МИ-6, что вполне логично – если Стригалея отравили русские, тогда вся вина лежит на Платове, и его отстранение от власти было бы принято «всей прогрессивной общественностью» буквально на ура.

«Но вот какие у меня основания подозревать в чём-нибудь премьера? Не выдающийся ум, но тут можно только посочувствовать. Другое дело, что им могли воспользоваться исключительно как ширмой... Тогда инициатором всей этой затеи стал очень близкий к нему человек, и на эту роль подходит один из заместителей и давний соратник по скрытой от посторонних глаз борьбе за либерализацию все страны. Что же мне известно про Костю Докутовича?»

Егор припомнил одно из заявлений премьера, наверняка написанное под диктовку Костика: «Эффективное государство должно эффективно распоряжаться своей собственностью. Если мы видим, что компания в частных руках будет зарабатывать больше денег, больше налогов платить, то в интересах государства эту компанию приватизировать».

Тут возникает вполне естественный вопрос: кто, что и где

увидел? Дайте нам адреса и явки! Как эту прорву денег разглядеть, если они ещё не заработаны? Кто премьеру напроочил, что частная компания будет работать лучше, чем государственная? Тем более что в нынешние времена невозможно понять, чем госкомпания «Газпром» отличается от частной компании «Лукойл». Зарплаты у топ-менеджеров одного порядка, налоги платят исправно, а часть прибыли обязательно уходит на футбол – нельзя же явиться на игру своей команды без обещания выплатить солидную премию в случае победы.

После бесславного окончания президентского срока в ближайшем окружении нынешнего премьера остались лишь пресс-секретарь, глава Института современного развития, ну и конечно Костик, с начала нынешнего века прошедший тяжкий путь познания бюрократических процедур в структурах высшей исполнительной власти. Позиция этой троицы нашла отражение в обращении, которое было опубликовано в конце июля 2011 года и содержало призыв к тогдашнему президенту: «Надо решиться и перейти свой личный Рубикон, обратившись напрямую к обществу с призывом совместно взяться за нелёгкое дело вытаскивания страны из того болота, в которое мы все вместе попали». Как известно, призыв не помог, поэтому не стоит удивляться тому, что позднее были найдены более радикальные способы достижения желаемого результата.

Но вот что привлекло внимание Егора, когда копался в

интернете. В бытность помощником президента Костик сделал немало для поддержки бизнеса Гектора Аксельборга, причём на средства федерального бюджета. В 2011 году он заявлял: «Я вновь подтверждаю свою позицию: мы обязуемся определить объём и механизмы предоставления необходимой финансовой поддержки компании Аксельборга для устранения дефицита ликвидности в ближайшие месяцы». С одной стороны, конечно, нельзя допустить разорения компании, предоставляющей тысячи рабочих мест. Но почему ошибки бизнесменов надо исправлять за счёт простых российских граждан? Ведь сколько раз уже твердили об эффективности частного предпринимательства, а тут поди ж ты... И куда эта эффективность подевалась?

А несколько лет назад возникли подозрения в использовании Костином своего служебного положения в интересах семьи – причина в том, что его жена стала активно заниматься бизнесом. Однако супруга все обвинения отвергла: «Мой муж назначен вице-премьером, и я не вижу ничего, что в моей жизни должно поменяться. Я не вижу проблем ни для одной из компаний, где я занимаю достаточно высокие посты. Нет никакого конфликта интересов». Ну что ж, приятно слышать, что хотя бы в этой семье обходится без ссор.

Итак, в число подозреваемых следует включить и Аксельборга. Но это птица высокого полёта, к ней так просто не подступишься. Впрочем, стоит припомнить скандалы, связанные с фондом «Сколково», как многое становится понят-

но. А между тем, это любимое детище и Аксельборга, и Костика, и премьера. Кто из них имеет более весомые отцовские права, в нынешних обстоятельствах это не существенно. Куда важнее, что деньги фонда пытались использовать для финансирования оппозиции. Мог Аксельборг оказаться под следствием и за спекуляцию бывшей советской собственностью за границей, но откупился яйцами Фаберже. Уж не за это ли получил из рук тогдашнего президента орден «За заслуги»? И что теперь – подарит государству бюст царицы Савской?

Собранных фактов было вроде бы достаточно для того, чтобы построить довольно убедительную версию. Вряд ли что-то новое удастся раскопать... И тут он вспомнил про Вадима Рогинского. Тот уже лет двадцать живёт в Лондоне, а там и до Солсбери рукой подать. Кто знает, может, подкинет информацию...

С Вадимом созванивались регулярно, и к счастью в этот воскресный день он оказался дома.

– Привет, Вадим! Как твоя жизнь протекает?

– Узнаю писателя! Непременно нужно исказить великий русский язык, что-нибудь нестандартное придумать, как будто не хватает того, что уже есть.

– Но всё же это лучше, чем засорять язык англицизмами.

– Тут я с тобой согласен. Что нового? Пишешь что-нибудь?

– Как не писать? Но тут такие события на Британских ост-

ровах...

– Извини, Егор, но я не хочу эту тему обсуждать...

– Ты вроде бы не на госслужбе. Чего тебе бояться?

– Без комментариев.

– А всё-таки, не было у тебя желания съездить туда, из чистого любопытства?

– Боже упаси! Правда, Сонечка, моя младшенькая, с приятелем прокатилась на мотоцикле...

– И что?

– Сфотографировала памятные места. Ну ты понимаешь... А что касается поведения людей, то всё нормально, словно бы ничего и не было. Какой-то байкер, с которым они познакомились, сказал, что там снимают очередную серию о Джеймсе Бонде. Тот вроде бы спасает мир от российской химической угрозы.

– Интересная версия!

– По старой дружбе бесплатно отдаю.

– Спасибо! Возможно, использую в очередном романе.

Дальше потрепались о том, о сём, и на этом разговор закончился.

«Судя по всему, ничего нового уже не будет, но для того, чтобы обвинять Костика и Аксельборга, этих сведений явно недостаточно. Что ж, если так, воспользуемся логикой и добавим самую малость психологии».

В итоге долгих размышлений версия заговора против президента приобрела довольно убедительный вид. Свои сооб-

ражения Егор записал на флешку, ну а теперь предстояло найти способ, как всё это передать наверх. Увы, в Кремле и на Старой площади у него не было никаких зацепок – ни родственников, ни приятелей, ни соседей по подъезду. Что уж говорить, если никто из школьных приятелей или однокурсников не сподобился сделать столь удачную карьеру, в итоге оказавшись в святой святых российской власти. Чтобы развеяться, отвлечься от тяжёлых мыслей, включил телевизор. Показывали какой-то детектив – интрига состояла в том, чтобы найти предателя, который пробрался в ФСБ. И тут он вспомнил про Руслана.

Они познакомились на отдыхе в Крыму, встречались и в Москве. Изрядно выпив, Руслан откровенничал, будто закончил военно-дипломатическую академию и теперь мотался из Москвы на Запад и обратно, выполняя функции спецкурьера. Как-то встречали Новый год в одной компании, но к трём часам ночи сидеть на месте надоело, и Руслан предложил поехать к друзьям. С неба сыпалось что-то белое и мокрое, на улице жуткая слякоть, а Руслан гнал на своём «мерседесе» так, что его жена зажмурилась от страха и только охала, когда машину заносило на повороте. Так Егор оказался среди чекистов. Те уже были в лёгкой прострации, сидели смурные, почти ничего не говорили, но Егор понял, что Руслан не соврал, когда рассказывал о своей профессии.

Конечно, за прошедшие годы он мог сменить квартиру и номер телефона, но... Но должно же когда-то повезти хотя

бы в чём-нибудь.

– Добрый день, это Руслан?

– С кем я говорю?

– Бутылка «Пшеничной», Витяня, Егор и сахарный арбуз вечером на пляже в Новом Свете... Припоминаешь?

– Егор? Неужели ты?

– Да вот решил потревожить старого приятеля.

– Вот молодец! – и потом уже серьёзно: – Я так понимаю, есть о чём поговорить?

– Догадливый, сразу всё просёк... Помнишь тот кабак, где кутили после возвращения в Москву?

– Буду через час.

– Замётано.

Это был небольшой ресторанчик у Никитских ворот. С тех пор, как они здесь побывали, всё переменялось, но выпивка и закуска всегда к услугам посетителей.

После второй рюмки коньяка, после того, как вспомнили Новый Свет и Руслан рассказал и о своей Людмиле, и о сыновьях, Егор решил, что пора бы перейти к делу, а то будет поздно:

– Прежде всего, Руслан, ты за кого, за Платова или, может быть, за либералов?

– Да что ты, я этих Гозманов на дух не выношу!

– Но ведь у вас в конторе наверняка есть и сочувствующие им...

– Встречаются такие.

– Вот потому и хочу тебя предупредить... Пусть всё останется только между нами, и ни слова своему начальству!

– Ну если ты просишь... А в чём дело?

– Что-нибудь знаешь про операцию спецназа на Воронцовских прудах...

– Да как тебе сказать...

– Понятно.

– А у тебя откуда эти сведения?

– Ты помнишь «Три дня Кондора»?

– Ну конечно! Классный фильм!

– Ну вот и я, от нечего делать скребу по сусекам, собираю информацию. Может, наберу достаточно, чтобы написать роман.

– Не тяни кота за хвост, писатель, выкладывай, что накопал!

Егор подробно рассказал о своих подозрениях, изложив все известные ему факты. Руслан поначалу отнёсся недоверчиво, а затем внезапно посерьёзnel:

– Ты знаешь, недавно произошло одно событие... Не могу раскрыть служебную тайну, но вроде бы всё сходится.

– Хоть намекни.

– Ну ладно. Внезапно возникли слухи о смене руководства... Впрочем, сейчас всё успокоилось. Но ты, похоже, прав.

– Так сможешь донести мои соображения туда, на самый верх?

Руслан задумался.

– Понимаешь, выйти на самого... это просто нереально. Но можно попробовать через секретаря Совбеза. Я когда-то служил под его началом, даже семьями дружили. Помню, он мою Людмилу пытался закадрить, но ничего не вышло. Слабоват он против Руслана, – и довольный, рассмеялся.

– А карьера твоя не пострадает? Могут ведь наказать за то, что без ведома начальства...

– Если всё сделаю, как надо, есть надежда на генеральскую звезду.

Руслан и в прежние времена был оптимистом, но жизнь заставила Егора понять, что далеко не все мечты сбываются. Флешку он Руслану передал, а там кто знает, может, что получится...

Глава 22. Скандал в Вашингтоне

В эти дни беспокойно было и за океаном, но там назревал скандал совсем иного рода и по другому поводу. Резидентуре СВР стало известно содержание разговора двух персон, весьма популярных среди американцев:

– Марк! Ты что о себе вообразил? Думаешь, если нахапал миллиарды, тебе в этом мире всё позволено?

– Хиллари! Опомнись! Что это на тебя нашло?

– Будто не знаешь? Сначала переманил у меня Джоэла Бененсона, а теперь вдруг выясняется, что во время предвыборной кампании ты работал на команду Тренда!

– Послушай, всё совсем не так! Джоэл работает не на меня, а ради спасения страждущих от всех болезней. Ты же знаешь, что мы с женой основали благотворительный фонд Chan Zuckerberg Initiative для спонсирования медицинских исследований.

– Могли бы подождать пару месяцев, пока закончится президентская кампания. А я без Джоэла оказалась, как без рук, он же разрабатывал стратегию...

– Тогда уж не без рук, а без мозгов...

– Не хами! Я тоже это умею... Но ты, похоже, уходишь от ответа. Работал на Тренда или нет?

– Да ты мне слова не даёшь сказать! Да, работал... Но только не я, а мой Фейсбук.

– Ага! Признался!

– А что я мог поделать? У Фейсбука миллионы пользователей, и за каждым невозможно уследить. Мало ли на кого они работают – на Тренда, на тебя или на русских...

– Не заговаривай мне зубы! Речь о распространении лживых, фейковых новостей про меня, про наш с Биллом фонд и про мою избирательную кампанию.

– Но откуда же мне знать, фейк это или не фейк? На нём же не написано!

– Да, видимо, правду говорят, что ты всех кандидатов с помощью своего Фейсбука гнобил, поскольку сам мечтаешь стать президентом США.

– Клевета! Хилл, угомонись! Не испытывай моего терпения. Если продолжишь в том же духе, я подам на тебя в суд!

– Неужели обвинишь в сексуальных домогательствах?

– И не надейся! Ты не в моём вкусе.

На этом разговор закончился, надо полагать, по инициативе Хиллари.

Но эта беседа имела продолжение. На следующий день глава Фэйсбука был приглашён в сенат для дачи показаний о разглашении данных пользователей Фейсбука. В первый день допрос прошёл достаточно спокойно, а на второй обстановка постепенно накалилась.

Вот отрывок из стенограммы, не попавший в СМИ по соображениям национальной безопасности, причём из текста удалены фамилии тех сенаторов, которые задавали вопросы.

Речь снова зашла о разглашении Фейсбуком личных данных пользователей.

– Марк! Зачем вы это сделали?

– Странный вопрос! Чтобы заработать денег.

– Но вы хотя бы раз задумались о том, что наносите ущерб ни в чём не повинным людям?

– Мы думаем об этом.

– И что?

– Пока не пришли к единому мнению.

– Но почему? У вас же там на редкость головастые парни.

– Не всё так просто, сенатор. К примеру, мы спрашиваем у россиян, где они работают, в какой должности, чем конкретно занимаются. Особенно интересно, если это инженеры-физики, работающие в так называемых НИИ. Но можно ли утверждать, что мы при этом наносим ущерб американским гражданам?

– Конечно, нет! Вы выполняете свой долг перед отечеством. Вы просто обязаны передавать эти данные для последующей обработки в ЦРУ. Надеюсь, так и делаете?

– Я не имею права отвечать.

– Но компании Cambridge Analytica вы тоже сведения передавали? Я имею в виду личные данные граждан США.

– Да, вынужден это признать.

– А вам не приходило в голову, что они могут быть использованы одним из кандидатов в президенты для получения преимущества в предвыборной борьбе?

– Я сожалею, но мы об этом не подумали.

– Как же так? Вы интеллеktуал, создавший такую мощную компанию, и вдруг... И вдруг оказываете поддержку Тренду.

– Это не так! Мы на Тренда не работали.

– Тогда что же, работали на русских?

– Как вам могло прийти такое в голову, сенатор?

– Не забывайте! Отвечайте на вопрос: вы работали по заданию Кремля?

– Ну что за чушь!

– Марк! Если вы не умерите свой пыл, я вынужден буду привлечь вас к ответственности за оскорбление члена сенатской подкомиссии Конгресса США!

– Руки у вас короткие!

– Господа! Что он себе позволяет? Это какой-то позор! Знаете, Марк, если бы вы не были мировым светилом в своей области и за вас не заступились самым возмутительным образом пользователи Фейсбука, вас следовало бы...

– Да кто вы такой? За вами всего два миллиона избирателей, а за мной восемьдесят семь миллионов тех американцев, что днюют и ночуют на Фейсбуке!

– Ага! Значит, правду говорят, что метите в президенты? Да таких, как вы, на пушечный выстрел...

– Сенатор, успокойтесь! А вы, Марк, отвечайте на вопрос: какие у вас связи с Платовым?

– Господи! Да никаких!

– А с зятем президента Тренда?

– Да нет же!

– Возможно, в синагоге с ним встречались?

– Не припомню... Послушайте, ну сколько можно измываться надо мной?

– Как гражданин Соединённых Штатов вы обязаны пройти через такую процедуру. Кстати, где вы остановились в Вашингтоне?

– Мне не хотелось бы об этом говорить.

– А такое название вам знакомо – отель Trend International Washington D.C.?

– Извините, сенатор, но всё это напоминает охоту на ведьм, как в 50-е годы.

– Марк! Вы случаем не коммунист? Ваш прадед никогда не сотрудничал с Карлом Марксом?

– Ну вот! Я так и думал, что теперь перевероршите кости моих предков. Боже, пропал Сенат! – воскликнул Марк.

– Вы издеваетесь над нами?

– Да что вы? Я в отчаянии!

Итогом этих слушаний в Сенате стало решение о принятии новых санкций против России. Если уж Фейсбук вольно или невольно оказался под влиянием враждебных сил, пора раз и навсегда это дело прекратить, надо крайне жёстко действовать. Самым радикальным стало предложение построить стену между США и Российской федерацией, однако этот проект решили отложить, поскольку не смогли на карте обнаружить общую границу, ну а строить в Беринго-

вом море всё-таки накладно для бюджета. Было предложение запретить присваивать детям русские имена, но оказалось, что эти русские схитрили – такие же имена используют все славяне от Болгарии до Польши, а уж поляков явно не стоит обижать. Следующий вариант предложил сенатор от Аризоны – изъять изображение России из географически карт, как гражданских, так и военных. Но дырка в глобусе не набрала достаточного числа голосов в свою поддержку, поэтому решили выслать очередную партию российских дипломатов, главе Фейсбука поставили на вид, а постоянного представителя США в ООН предупредили о неполном служебном соответствии.

Но вместе с желанием любым доступным способом отомстить России у некоторых сенаторов обострилось и чувство собственной вины – стоило ли изобретать компьютеры и интернет, создавать Фейсбук и Гугл, чтобы в итоге убедиться: эти проклятые русские и здесь нас переиграли!

Последняя надежда была связана с гендерными переменами в ЦРУ. Если мужикам не по силам справиться с Россией, пусть в этом деле покажут себя женщины. Штат действующих сотрудников обновили за счёт надзирательниц женских тюрем, а также женщин из числа полицейских и судебных исполнителей. К разведывательным операциям за пределами США решили привлечь стюардесс, поскольку они имеют возможность перемещаться из страны в страну без каких-либо ограничений и не подлежат высылке под надуман-

ным предлогом, как те же дипломаты.

Мало кто знал о том, что перемены в ЦРУ были спровоцированы неудачами британских коллег. Операция в Солсбери зашла в тупик – теперь придётся прятать Стригалея от публики, перевозя с одной военной базы на другую. Как бы чего не разболтали! Ну а то, что случилось с Джексоном, «это несмываемый позор» – так выразилась Джина Хансел на закрытом совещании, имея в виду и потерю секретного русского аппарата, и то, что из болота Джексона тащили российские солдаты. «Это невиданное унижение для представителя демократической страны!» – добавила директор ЦРУ. На этом основании она рекомендовала президенту предъявить Великобритании ультиматум: «Либо – Джексон, либо – я!» Над Джексоном сгустились тучи...

Глава 23. Соратники

Все эти странные, вроде бы невероятные события должны были стать предметом обсуждений в Кремле, однако главы российских спецслужб собрались в кабинете Платова по другому поводу. Пора было завершать расследование попытки госпереворота и, что называется, раздать всем сёстрам по серьгам. Теперь, после того, как в руки президента попала аналитическая записка, составленная Егором, самое время подводить итоги.

Сначала разговор зашёл о том, что надо бы иметь информацию из первых рук. Однако завербовать кого-то из окружения Аксельборга не удалось, да и подслушивающие устройства ставить бесполезно. Всем известно, что в его службе безопасности работают весьма квалифицированные люди. Так что же делать? Нельзя же выносить приговор на основе домыслов и слухов, даже если всё это складывается в некую логическую цепь!

– Что у вас, Сергей Евгеньевич? – президент обратился к главе СВР.

– Владим Владимыч, пока мы в этом деле на нуле. Я имею в виду поиск улик против главных злодеев. А всё потому, что «брюнет» по-прежнему не хочет выдавать организаторов заговора. Намекнули на Аксельборга и Докутовича, так он и глазом не моргнул. Попробовали применить спецсредства,

но опять же без толку.

– Видимо, он уверен, что мы не будем выносить сор из избы, – предположил министр обороны.

– Надо его переубедить! Доказать, что в наших интересах вывести всех на чистую воду, чтобы очистить свои ряды, – настаивал секретарь Совбеза.

– Вот этого он и боится.

– Что вы имеете в виду?

– Да он уже говорил. Большой чистки боится – тогда ему наверняка не выжить.

– Сергей Кузьмич прав. Ситуация крайне сложная, – попытался подвести промежуточный итог директор ФСБ. – Павлик-дипломат толком ничего не знает. «Брюнет» будет молчать до тех пор, пока мы не арестуем Аксельборга с Докутовичем. Ну арестуем! А что мы им сможем предъявить? Далее, мы до сих пор не знаем, был ли кто-то из сотрудников ФСО задействован в этом заговоре...

– Ладно, Александр Васильевич, – перебил директора президент. – Всё это известно. Что вы предлагаете?

– На мой взгляд, нужно сосредоточить все наши ресурсы на Докутовиче. Круглосуточная слежка, внедрение ещё одного агента в его окружение, попробовать завербовать его жену...

– И что это нам даст? – засомневался директор СВР.

– Даже если мы не получим компромата, он занервничает и чем-то выдаст себя. Наверняка выдаст!

– Не думаю. Они теперь оба затаились, будут вести себя, как пайньки, тише воды, ниже травы.

– А что если натравить налоговиков на компанию Аксельборга, подключить финансовый контроль и аудит? – предложил секретарь Совбеза.

– Да ничего это не даст! Даже если Аксельборгу будет грозить разорение или тюремный срок, он никогда не признается в том, что готовил госпереворот. Измена родине – это совсем не то, что банальное воровство. Несоизмеримые понятия!

– Пожалуй, Александр Васильевич прав, – согласился президент. – Ну что ж, если нет других предложений, придётся взять тайм-аут.

В итоге так и сделали...

Тем временем, Докутович, словно предчувствуя прискорбное развитие событий, приехал на дачу к Аксельборгу.

– Вы слышали, что творится? Вы читали, что происходит в Лондоне и Вашингтоне?!

– Во-первых, Костик, с твоей стороны это неоправданный риск – отбросить элементарные требования конспирации и появиться здесь без повода. В Кремле нас могут не понять.

– Что уж теперь? – махнул рукой вконец расстроенный Костик. – Ведь быют же нас по всем фронтам!

– Конечно, это явно неспроста. Наверняка была команда прокремлёвским хакерам – они же всё это наворотили. Говорят, что в интернете подобными делами специальные бри-

гады занимаются.

– Мы тоже их услугами пользуемся, но почему-то здесь всё пошло наперекосяк.

– Видишь ли, мой друг, это как в шахматном этюде, – глупокомысленно заметил Аксельборг. – Белые начинают и выигрывают. А белые фигуры в каждой партии, к сожалению, у него, а не у нас.

– Нет, я не в состоянии этого представить! Как мог какой-то там то ли рязанский, то ли владимирский мужик нас переиграть? Да не бывает этого! Это просто уму непостижимо! Не было ещё такого случая!

Докутович чуть ли не бегом мотался туда-сюда по кабинету, от стены и до стены, изредка поглядывая на расположившегося в кресле Аксельборга.

– Боюсь, что ты не прав, Костик. Вспомни хотя бы архангельского мужика Михайло Ломоносова...

– Это исключение из правила!

– Ой ли?

– И всё равно не могу в это поверить.

– А если всё же допустить, что эту комбинацию разработали где-то там? – и Аксельборг мотнул головой в ту сторону, где по его предположениям находились и Старая площадь, и Лубянка.

Докутович остановился, растерянно посмотрел на Аксельборга и рухнул в кресло, закрыв лицо руками. Затем, словно бы догадавшись о том, чего прежде старался не заме-

чать, заговорил быстро-быстро, в спешке проглатывая некоторые слова:

– Тогда, как ни странно, всё встаёт на свои места. И провал Бориса Джексона, и арест нашего человека в СВР, я уж не говорю про дипломата... Неужели с самого начала мы у них под колпаком? Нет, этого не может быть!

– Ну почему же? Есть проверенный способ для того, чтобы выявить неблагонадёжных – надо устроить провокацию. А с учётом того, что он пошёл на свой последний срок, чистку в верхах необходимо было сделать, тем самым подготовив сцену для преемника. Вот и придумали этот трюк с машиной времени. Ну а мы купились!

– То есть ты считаешь, что никакой машины не было?

– Да конечно! Платов охотился на горного козла где-то на Алтае, а вся эта суета вокруг якобы секретного трамвая была ему только на руку.

– А Джексон?

– Что Джексон? Через свою агентуру подсунули ему эту дрезину, выманили на границу с Эстонией и привезли в Москву.

– Но почему же он молчал?

– Да кто ж признается, что вляпался в дерьмо?

– Сам виноват! Туда этому лоху и дорога.

– Кстати, это была не моя идея, чтобы подключить к делу Джексона, – заметил Аксельборг. – Как можно полагаться на таких неуравновешенных людей?

– Ты-то куда смотрел? – всплеснул руками Докутович. – Господи, какие же мы идиоты! Да что говорить, жена сегодня утром обнаружила, что у меня прибавилось седых волос!

– Тоже мне, экологическая катастрофа!

Докутович тоскливым взглядом посмотрел на Аксельборга. «Знаю я, почему ты так спокоен. Четверть миллиона баксов через компанию двоюродного брата перечислил в фонд избирательной кампании нынешнего президента США – теперь в случае чего о тебе там позаботятся. Неспроста же пригласили на церемонию инаугурации». А вслух сказал:

– Гектор! Скажите честно, вам-то зачем всё это нужно? Ведь у вас всё есть, в любой момент можете перебраться в Лондон или в Нью-Йорк и забыть о том, что есть на свете такая страна под названием Россия.

– Костик, да что с тобой? – изумился Аксельборг. – Ведь уже сколько лет, можно сказать, рука об руку идём к желанной цели!

– А толку-то? Ну хоть на миллиметр мы продвинулись? – Докутович скривился, как от невыносимой зубной боли. – Честно вам скажу, у меня предчувствие, что здесь ничего уже не будет.

– То есть?

– В общем, обойдутся и без нас, – и вдруг, как бы просветлённый, постигший доселе ускользавшую от него радостную мысль, Докутович улыбнулся: – Ну и... с ними!

Аксельборг на это ничего не сказал. Только развёл рука-

ми, то ли не видя другой альтернативы, то ли так и не подобрал нужные слова.

Как ни странно, мысль, высказанная Докутовичем, практически одновременно с ним пришла в голову и Платову: «Ну и... с ними!» Ещё одно совпадение состояло в том, что оба в своём решении исходили из анализа возможных последствий. Но если Костик боялся за себя, то Платов был озабочен тем, что может ожидать страну, если он публично признает, что готовился госпереворот. Мало того, ему придётся признать, что спецслужбы оказались не на высоте, разговор попросту прохлопали! Но и это ещё не всё, поскольку у людей возникнет вполне резонный, естественный вопрос: как же Платов допустил, чтобы злодеи пробрались и в политическую, и в финансово-промышленную элиту? Вроде бы избавились от всех – кто-то уехал за границу, а остальные маются где-то на задворках, не имея никакого влияния на власть. Ан нет! Оказывается, всё не так. Оказалось, что враг проник даже в Белый дом, и что самое скверное – под подозрением может оказаться тот, кому он доверил в течение четырёх лет управлять Россией. Тогда могут спросить: и куда же ты глядел, товарищ Платов? Его, чекиста, хотя бы и бывшего, могут обвинить в непрофессионализме. Тем более что бывших чекистов не бывает.

Конечно, при необходимости он найдёт, как оправдаться. При столь высокой популярности среди народа можно не бояться падения рейтинга на каких-то пять-семь пунктов. Но

каково ему самому жить с сознанием того, что так непростительно, так глупо фразернулся? Вот потому и решил, что придётся всё спустить на тормозах. Сделать вид, что ничего и не было. Ну а малозначительных участников этой драмы – с глаз долой! Кто-то проведёт оставшиеся дни в тюремной одиночке, а кому-то можно подобрать работу где-нибудь в тундре или в глухой тайге – главное, чтобы подальше от Москвы.

Глава 24. В поисках истины

Накануне инаугурации Платов пригласил к себе премьер-министра. Судя по всему, предстоял неприятный разговор – то ли президент раздумал вновь назначать его премьером, то ли что похуже. Кто ж знает, что ему в голову взбредёт?

– Тут такое дело. Даже и не знаю, Даня, как тебе сказать.

– Говори уж, я ко всему готов, – еле ворочая языком, вымолвил Даниил Антонович.

– Да речь не о тебе, – поспешил успокоить президент. – Я о твоём ближайшем окружении, верных соратниках, так сказать...

От сердца отлегло, но в то же время возникло опасения, что собираются выбить ту опору, без которой дальнейшее пребывание в должности премьера теряло всякий смысл. Чего доброго подсунут нескольких силовиков, а какую кашу с ними сварить? Сварить-то можно, но получится явно что-то несъедобное.

Так и оказалось.

– Видишь ли, позиция твоего Костика, его слишком уж либеральный подход к решению экономических проблем страны вызывает нарекания. Я не дам своего согласия, если ты предложишь его кандидатуру даже на пост заместителя министра.

– Это Сечин, что ли, недоволен?

– Дело не в нём, а в недостаточных темпах роста нашей экономики.

– Но ты же знаешь, что санкции нас придавили, а тут ещё жуткая коррупция, многие бизнесмены ушли в тень...

– Это всё мелочи, а главное в другом. Потенциал нашей экономики таков, что мы давно могли обеспечить нашим гражданам и комфортную жизнь, и приличную зарплату, и здоровое питание. А что получается? Богатые богатеют, а народ еле сводит концы с концами.

– Ты несколько утрируешь...

– Да нет, всё так и есть. В сущности, это мировая тенденция, но мы не можем этого допустить в России. Народ меня не для того избрал.

– Хочешь всё национализировать, пересмотреть итоги приватизации?

– Думаю, что до этого не дойдёт, но кое-кто должен будет умерить аппетит.

– Ввести прогрессивный подоходный налог? Но это же самоубийство!

– Даня! Не ставь телегу впереди лошади. Вот заработает твоя новая команда, тогда и будем решать, что и как. А пока готовь предложения по составу правительства, вплоть до заместителей министров и начальников департаментов. И чтобы никаких недоразумений не возникало, вот тебе список тех, кого в правительстве не будет, а вот другой список – это

те, кого ты обязан в правительство ввести.

Дома Даниил Антонович рассказал об этой новости жене.

Та даже охнула:

– Ох, как некстати эти перемены! Я же тебе говорила, надо было четыре года назад соглашаться на выдвижение своей кандидатуры.

– Да я и предположить не мог...

– А что ты вообще можешь? Меня надо слушать, а то вообразил себя чуть ли не пупом всей Земли.

– Ну, ты это... Ты не увлекайся.

– Да как же мне молчать, если всё дело ставишь под удар?

– Какое ещё дело? – после рабочего дня Даниил Антонович о том только и мечтал, что добраться до компьютера и запустить в Интернет какую-нибудь новую свою идею. Можно в Твиттере, а можно в Фейсбуке. А тут, видишь ли, прилипла, как тот банный лист.

– Ты что, уже забыл? – не унималась жена. – Ведь столько уже тебе твердила и про модернизацию страны, и про либерализацию правоохранительной системы, и о переводе экономики на европейские стандарты.

– Софочка, родная! – умоляющим тоном даже не проговорил, а прошептал Даниил Антонович. – Только не сейчас! Пойми, целый день только это и обсуждаем, делом заниматься некогда, а придёшь домой – и ты туда же.

– Да не могу я молчать, когда вся страна катится в тартарары! Куда подевалось твоё мужество? Где гражданская ини-

циатива? Где ответственность перед обществом?

А где её взять, эту ответственность, если от услышанной за день информации раскалывается голова? Это вам не лекции читать в университете! Одна единственная мысль болтается туда-сюда в мозгу, не даёт покоя днём и ночью. Сводилась эта мысль к одному вопросу: как Платову удавалось со всем этим справляться? То есть и с работой, и с женой... Возможно, этому учили в Высшей школе КГБ. Так неужели только бывшие разведчики способны управлять таким огромным государством?

Существенная разница между ним и Платовым состояла в том, что Даниил Антонович вовсе не стремился к власти. Ну просто так сложились обстоятельства, что оказался у руля – видимо, никому больше Платов тогда не доверял. Так уж всё сошлось.

Все последние годы Даниил Антонович терзал себя одними и теми же вопросами. Что делать? То есть что предпринять, чтобы не выглядеть тупым исполнителем чужой, навязанной ему воли? Как подтвердить собственную состоятельность? Ну как?! Уйти в жёсткую оппозицию? Допустим. И что потом? Пожизненный пост лидера карликовой партии, могилка за низенькой оградой в предместье Парижа или Лондона? Нет, такая перспектива его не могла устроить.

Итак, что делать? С этой мыслью он просыпался по утрам, эта мысль преследовала его, когда он ехал на работу. И даже возвратившись вечером домой и сидя у компьютера, он

мысленно повторял одно и то же: «Господи! Так что же делать-то?»

Недавно ему приснился странный сон. Довольно редкий случай, поскольку после трудового дня не хватало только этих сновидений. Так вот, будто бы идёт он по аллее в каком-то парке. Кругом никого, не слышно шелеста листвы, даже птицы не чирикают. В общем, обстановка далёкая от привычной нам реальности. И тут...

Представьте свои ощущения, когда рядом, буквально бок о бок с вами появляется некий господин, причём явно узнаваемый как «лондонский сиделец». И всё это несмотря на рыжеватый парик и перевязанную белой тряпкой щёку, как бы истерзанную зубной болью. Надо сказать, что признание столь очевидного факта, будто рядом с вами находится беглый олигарх, было бы наверняка чревато для Даниила Антоновича малоприятными последствиями. Это и доказывать не нужно.

А между тем неожиданно явившийся перед его глазами Березовский посетовал на прохладную погоду, посчитав это достаточным предлогом для того, чтобы фамиллярно похлопать Даниила Антоновича по плечу и тут же радостно заявить:

– Привет, Даня! Весьма рад повстречать коллегу-либерала.

«Тоже мне, либерал, – усомнился Даня. – Знаем мы таких! Как братъ, так близкая родня, а как делиться, так мы

с вами вроде бы и не знакомы». В самом деле, после таких слов у него пропало всякое желание продолжать беседу. Всё это слишком смахивало на провокацию. И необычный наряд, вызывавший из памяти кадры из фильма «Ленин в Октябре». И эта манера приставать к малознакомому человеку буквально среди ночи. Но что-то удержало от решительного шага. Видимо, причина была в тех мыслях, в тех вопросах, которые преследовали его весь день с самого утра. Борис Абрамович хоть и оказался невезучим, но всё же успел набраться кое-какого опыта по части политических интриг и пополнения собственного кошелька.

Уже через несколько минут вдоль аллеи парка двигалась такая парочка. Один, весь в чёрном, с достоинством оглядывался по сторонам, изображая полное невнимание к словам назойливого собеседника. А тот, второй, тоже весь в чёрном, вытянув лысую голову вперёд, словно хищник, высматривающий добычу, и сгорбившись, будто от неподъёмной ноши общегосударственных забот – возбуждённо размахивал руками, то убегая вперёд, то снова возвращаясь, и кружил, кружил вокруг Дани, будоража нестойкое сознание либерала пленительными образами многообещающих видений.

– Так вот, родимый мой, мечтать о должности президента никому не запрещено. Только к этому делу нужен более тонкий, квалифицированный подход. Вот ты сначала втёрся в доверие, потом занял его пост, начал проводить либеральные реформы, затем твои соратники попытались скинуть Плато-

ва, организуя массовые протесты... Ну а потом увидел, что толку никакого и тут же на попятный пошёл, испугался, что не сдюжишь. Так или не так?

– Ну было...

– Теперь, говорят, ты снова за своё! Да кто ж тебя на такое надоумил?!

– Это не я! Это всё Докутович с Аксельборгом! А я тут совершенно ни при чём. Они со мной даже не советовались.

– Не ври!

Эти слова пробудили в голове Дани страшную догадку. Будто разговаривает с Березовским не он, а совсем постороннее лицо, которым он не может быть по определению. Ведь мысль оставить Платова не у дел принадлежала вовсе не ему. Он просто очутился в то время, в том месте и в таких условиях, когда даже при большом желании не смог бы ничего поделывать. Скорее всего, Березовский что-то здесь напутал, и всё же более надёжной показалась другая мысль. А потому что возникло ощущение, будто некий посторонний дух вселился в его сон и вот теперь беседует с Березовским как бы от его, Даниила, имени.

Борис Абрамович тем временем продолжал:

– Что я хочу тебе сказать? Конечно, идея отобрать президентский пост у Платова сама по себе заслуживает одобрения. Но вот скажи ты мне, зачем тебе всё это нужно?

– Как это зачем? Чтобы сделать Россию цивилизованной европейской страной, чтобы с нами все дружили. Чтобы

можно было ездить в Европу и США, не боясь, что тебя арестуют по надуманному обвинению.

– Нет, ты меня не понял. Лично тебе зачем всё это нужно?

Даня задумался: «Действительно, зачем?» Но так и не придумав ничего, сказал:

– Я что-то не пойму этих ваших слов. А как же революционеры прошлого, декабристы, народовольцы, эсеры и большевики? Они ведь шли на баррикады, не жалея живота своего ради светлых идеалов.

– Да ладно тебе! Не надоело ещё нести пургу? Ты ж не на трибуне. Да, встречаются и теперь такие ненормальные, которые бьются непонятно за что. Но у большинства есть ясная и простая цель – срубить бабла! Ну вот и ты, как я подозреваю...

– Но это же совсем не так!

Даня был возмущён: «Какое он имеет право?!» Даже попробовал проснуться, но, увы, ничего не получалось. И этот Березовский, и отвратительный сон – словно бы присосались намертво, никак не оторвёшь. Что ж, видимо, придётся защищаться:

– Это не так! У меня и в мыслях ничего такого не было!

– Возможно, в глубине души... – ухмыльнулся Березовский.

– Да нет! Мне вообще ничего не нужно. Это всё она! Всё-то ей мало, всё-то ей подай, да принеси...

Как ни странно, этот аргумент подействовал. Борис Абра-

мович даже прослезился:

– Ах, как я тебя понимаю! – бормотал он, утираясь носовым платком. – От этих баб одни сплошные неприятности. У меня, знаешь ли, что ни развод, то принудительный делёж всего имущества. Ведь скоро, если так пойдёт, разденут до трусов! Да что говорить, они бы догола меня раздели, если бы не британские законы.

– Сочувствую, – вежливо ответил Даня, хотя по большому счёту ему было наплевать и на Березовского, и на всё его имущество.

– Кстати! А сам-то ты ещё не надумал развестись?

– Куда мне? Да кому я нужен?

– Даня, милый мой, родной! Были бы деньги, а чувихи сами прибегут!

Березовский заржал, теперь уже напоминая не ворона и не охотничьего пса, а больше всего похотливого старика, для которого политика – это всего лишь средство удовлетворения потребностей своей физиологии. Он продолжал всё так же семенить рядом с Даней, но вдруг опять остановился:

– Ты знаешь, я бы тебя не потревожил, если бы не крайняя нужда.

«Так и думал! Поиздержался бывший олигарх. Теперь будет выпрашивать кредит или концессию на Сахалинском шельфе. Да шиш ему, уж этого точно не дождётся!»

– Боюсь, ты меня не так поймёшь, – Березовский словно бы читал чужие мысли. – Но, видишь ли, единственное моё

желание – осуществить то, что ещё не удалось. Ну вот не получилось у меня, так у тебя наверняка получится.

– Это вы о чём?

– Да всё о том же! Хочу, Даня, поделиться своими мыслями, как, то есть за какое место следует брать власть в России, – и опять захохотал.

Дане стало неприятно. Дело это важное, а Березовскому всё хихоньки, да хаханьки.

– Я не совсем вас понимаю.

– Сейчас поймёшь, – Борис Абрамович сразу посерьёзшел. – Так вот, всемирная история нам подсказывает, что любой переворот, кровавый или осуществлённый на уровне Политбюро, невозможен без силовой поддержки. Сколько бы ты ни выводил на улицы людей, если армия и спецслужбы против, ничего из твоей затеи не получится.

– А как же Германия и Польша в конце 80-х? Армия ведь ничего не сумела сделать.

– Родимый мой, ты про какую армию? Если про местных вояк, то плюнь и разотри. А если про Варшавский блок, так из Москвы отдан был приказ – ни при каких условиях не вмешиваться! Да попросту сдали и немцев, и поляков.

– И всё равно не так! Вот в августе девяносто первого...

– Ой, ты и насмешил! Тогда эта комедия была разыграна, как по нотам. Ну можно ли было шоковую терапию реализовать иным путём? Да страна бы взбунтовалась! А тут вся ненависть большинства, исключая левых маргиналов, была

направлена против этого шутовского заговора, против партии, которая всё это якобы организовала, против прогнившего режима... Ну ты и сам всё знаешь.

Даня опять задумался. Кое-что он и тогда подозревал, всё это уж слишком театрально выглядело. Но что бы так! Это какая же должна быть голова, чтобы подобную комбинацию придумать? Вот бы ему в советники такого!

– К сожалению, одних уж нет, а те далече, – усмехнулся Березовский, имея в виду самого себя. – Так вот, ты просто обязан использовать мой опыт, чтобы постараться избежать ошибок, без которых никакое серьёзное дело не обходится. Должен тебе сказать, что я сделал ставку, как выяснилось, не на того... Да что уж теперь? Однако ещё есть шанс, и ты можешь довести до конца начатое дело.

– Я всё же не пойму, чего вы от меня хотите.

– Брось! Всё ты понимаешь, и наверняка уже готовишься, – скорчил рожу Березовский. – Однако в твоём плане есть один изъян. Я ведь уже сказал – нужна поддержка в силовых структурах.

Только Березовский это произнёс, как вокруг всё изменилось. Ни парка, ни аллеи... Только откуда-то возник колокольный звон, словно бы возвещавший о грядущих переменах. Не сразу, но Даниил Антонович понял, что звонит будильник.

Наутро Даниил Антонович попытался заново переосмыслить обстоятельства разговора с Березовским. Всё самое

ценное, что он услышал, сводилось к одному – надо искать союзников в силовых структурах. Этот совет дорогого стоит! Жаль, что Борис Абрамович не подсказал, как среди силовиков выявлять тех, кто в душе был либералом, но не решился в этом признаться во избежание проблем. Вот ведь у этих генералов до сих пор в ходу обращение «товарищ». А можно ли представить такое словосочетание – «товарищ либерал»? Бр-р-р!

Даниил Антонович и ещё кое-что для себя уразумел. Ведь Березовский скончался лет пять назад, но даже теперь, как бы из могилы, сеет разумное и доброе. «Если приду к власти, так я ему памятник поставлю!»

Глава 25. Три товарища

А вечером того же дня, когда Даниил Антонович получил наставления от Платова, в гостиной шикарного особняка на окраине Москвы собрались несколько человек. Поначалу их было только двое, они сидели молча, даже не глядели друг на друга. Чувствовалось, что им не о чем говорить – всё уже сказано и пересказано, и не хотелось снова начинать теперь бессмысленные разговоры. Тихо было и за окном – ни пения птичек, ни цикад. Природа словно бы затаилась в ожидании некоего грандиозного события. Однако и ей самой вроде бы ещё не ясно, то ли это будет катастрофа, то ли напротив – избавление...

Наконец, по лестнице, ведущей на второй этаж, спустился сам хозяин дома.

– Господа! Я собрал вас, чтобы вы первыми узнали о моём решении, – Даниил Антонович немного помолчал, видимо, собираясь с духом. – Так вот, в нынешней ситуации я не вижу иного выхода, кроме как исключить Костика из состава будущего правительства.

Аксельборг и Докутович смотрели на премьер-министра. Вряд ли кто-нибудь взял бы на себя смелость описать теперь их чувства. Потому что заглянуть на дно того колодца, где сейчас обитало их сознание, не каждому дано. Впрочем, гораздо в меньшей степени это относилось к Аксельборгу – он

на этом деле не так уж много потерял. Конечно, в перспективе было не совсем то, на что рассчитывал, но и тут успел подсуетиться, так что, даже если попытаются ударить по его законным интересам в бизнесе, вряд ли что-нибудь у них получится. Куда хуже могло всё обернуться для Кости Докутовича. Ему уже представлялось дальнейшее развитие событий – вслед за потерей нынешней должности станет неминуемым попадание в «чёрный список», что-то вроде запрета на профессию. В лучшем случае – должность директора в мытищинском НИИ. Ни один из этих вариантов его не привлекал, так что придётся сосредоточиться на бизнесе. Однако удар по самолюбию «государственного человека», каким считал себя в последние годы Докутович, был нанесён сокрушительный, это он готов признать. Одно успокаивало – Неля клятвенно пообещала, что на развод в ближайшие год-два не будет подавать. Видимо, таким путём хотела подогреть его энтузиазм в борьбе за сохранение места на Олимпе. Да только грей, не грей – от этого шансов на победу не прибавится.

Даниил Антонович тоже переживал не лучшие минуты. Сердце буквально кровью обливалось, когда он представлял, чем все эти перестановки могут закончиться для его друзей, для тех, кто поддерживал его в последние годы. Ну что тут поделаешь, если не хватило сил, не сдюжил! Да мог ли он отказаться выполнять приказ? Конечно, очень приятное это занятие – представлять себя спасителем нации, покровителем униженных, эдаким новым Моисеем, ведущим государ-

ство к процветанию. Однако наберись он мужества, чтобы президенту возразить, пришлось бы либо уйти в оппозицию и там продолжать свою борьбу, либо отправиться послом куда-нибудь в Зимбабве. Все это прекрасно понимали.

Первым нарушил молчание Аксельборг:

– Даня! Может, всё не так безнадежно, как нам кажется? Может быть, стоит побороться?

– Брось ты, Гектор! Дума за меня не проголосует, если попробую послушаться его, – Даниил Антонович указал пальцем в потолок.

– Да уж, они на всё способны. У них же в Думе большинство, – присоединился к разговору Докутович.

– Попробую предложить твою кандидатуру на пост главы «Сколково».

– Мне уже всё равно! Хоть «Сколково», хоть РОСНА-НО... – проямлил Докутович.

– Даня, погоди! А как же я? – воскликнул Аксельборг. – Ведь «Сколково» это моя вотчина.

– Ну тогда, Костик, попробую пристроить тебя в ВТБ. Вице-президентом пойдёшь?

– Соглашайся, Костик! В банке места всем хватит... И зарплаты тоже, – усмехнулся Аксельборг.

– Да ладно! В банк, так в банк... Только чего мне там делать, Даниил Антонович?

– Глава банка хочет, чтобы ты стал куратором Главкино.

– О господи! – только и смог промолвить Докутович.

Снова помолчали. Даниил Антонович всё думал, как бы осторожно затронуть тему с неудавшимся отстранением Платова от власти – слухи из силовых структур и до него дошли, но хотелось получить информацию из первых рук, чтобы на этом основании сделать кое-какие выводы на будущее. Прежде всего, хотелось бы понять, можно ли в дальнейшем рассчитывать на них, или придётся заново собирать команду.

В свою очередь, Аксельборг с Докутовичем, предчувствуя такой вопрос, так и не решились заранее, о чём можно рассказать. Тут ведь следует иметь в виду, что сам премьер делами почти никогда не занимался, оставаясь в этой должности чем-то вроде младшего брата короля, который имеет право только позировать перед телекамерами во время заседаний правительства и демонстрировать свою заботу о народе. Поэтому его вопрос должен был свестись примерно к следующему: «Где же это вы, голуби мои, так напортачили?»

Наконец, Даниил Антонович решился:

– У меня такое предложение. Давайте отмотаем всё назад, посмотрим, что сделано не так. Тогда будущие поколения, даст бог, смогут избежать наших ошибок.

– Ты уж очень трагично излагаешь, Даня, – не согласился Аксельборг. – Неужели столько ждать?

– Мы с тобой уж точно не дождёмся. Вот Костик – он дождётся, если очень повезёт.

– Да мне без вас и жизнь не в радость, дорогой Даниил

Антонович! – зашмыгал носом Докутович.

– Спасибо, Костик!

Премьер расчувствовался, стали вспоминать о первых встречах, когда только появилась идея модернизации страны, когда начали сколачивать своё ядро во власти – либералов «наверху» всегда хватало, но раньше каждый думал только о себе. А тут объединили всех одной идеей. Как же они радовались, когда что-то получалось! Накануне выборов 2008 года самое трудное заключалось в том, чтобы дискредитировать других кандидатов на должность президента. Для этого дела любые методы годились – даже подставы на дороге.

– А помните, как ловко получилось с тем сынком? Попал вроде бы случайно в ДТП, там женщина какая-то пострадала, а у папаши сразу рейтинг рухнул – куда ему в преемники с таким пятном? – ухмыльнулся Докутович.

– С Дубковым тоже удачно всё сложилось, – добавил Аксельборг.

– Я что-то не припомню, – Даниила Антоновича и прежде подводила память.

– Это была личная инициатива Костика. Нашептал своему шефу, что избиратель не поймёт, если Дубков станет президентом, а зять при нём останется министром обороны. Но что ещё опаснее – захочет ли Дубков отдать власть через четыре года, если вся армия будет за него?

– Уверен, это опасение и сыграло основную роль.

– А что было со Стешиным? – поинтересовался Аксель-

борг.

– Там всё гораздо проще, – со знанием дела взялся разъяснить ситуацию премьер-министр. – Он из системы МВД, а у гэбистов до сих пор есть опасение, как бы прежняя неприязнь не возникла с новой силой. В общем, они и отговорили, естественно, не без моего участия.

– Да, слишком борзый. Это ведь он настаивал на пересмотре итогов ельцинской приватизации.

– Ну, у самого Стешина тоже не всё чисто. Помните, три месяца он был во главе правительства? – напомнил Докутович.

– Разве? А я уже забыл – очень уж короткий срок.

– Но даже этого крохотного срока вполне хватило, чтобы тот банк, где работала его жена, сделал несколько весьма выгодных приобретений в самом центре Москвы. Ну а жена нашего героя увеличила свой пакет акций банка сразу в несколько раз и стала мультимиллионером. Такая вот занимательная арифметика.

– Да ладно тебе, Костик! Чего привязался к людям? Никто ведь не упрекает твою Нелю в том, что она богаче тебя. Так что давай родню не будем трогать.

– Ты прав, Гектор! – поддержал соратника Даниил Антонович. – Женщины – это святое! Что касается Стешина, как я припоминаю, он здорово репутацию себе испортил, когда своих аудиторов натравил на госкомпании.

– Да, этого ему не простили до сих пор. Пожертвовал ре-

путацией, а толку – кот наплакал. Разве что на деле Сердюкина отыгрался.

– Ты о махинациях в военном ведомстве? Так ведь на Сердюкина всем скопом генералы навалились, очень уж он всех достал. А в результате только его дамы пострадали.

– Да уж, известно – женский батальон. У Сердюкина губа была не дура, умел себе кадры подбирать.

Помолчали. Конечно, разговор о женщинах мог бы продолжиться по известной всем колее, но только не в этих обстоятельствах.

– А вот странно! – обратился к собравшимся Даниил Антонович. – Ведь никого из своего ближнего круга он так и не счёл нужным наказать, хотя все не без греха.

– Не решился, так оно точнее, – усмехнулся Аксельборг. – Да потому что не хотел плодить себе врагов. Думаю, только благодаря этому и держится у власти.

– Мне кажется, враги тут ни при чём. Он больше опасается обиженных.

– Так ведь от обиды до вражды... Тебе, Даня, это лучше нас известно.

– Пожалуй...

Даниил Антонович не стал дальше развивать эту тему. Хотя здесь были все свои, снова беречь раны, вспоминать об унижении – нет, сейчас это вовсе ни к чему. Шесть лет назад у него так и не возникло желания покаяться, признаться в том, что не оправдал возлагавшихся на него надежд, не

сделал то, что обещал уходящему президенту накануне выборов. Тут ничего не поделаешь, поскольку есть вещи более важные, чем честь или мужская дружба. Это не он сказал, но кто же станет отрицать, что истина всего дороже?

Снова немного помолчали. Каждый думал о своём. Докутович о том, допустит ли жена к управлению активами, которые он вынужден был записать когда-то на неё. Аксельборг прикидывал, кого бы ему теперь прикормить в правительстве, если Костика уволят. Ну а Даниил Антонович своих мыслей не скрывал:

– Честно говоря, до сих пор удивляюсь, как же он тогда решился сделать ставку на меня?

– Ты о чём? – не сразу понял Аксельборг.

– Я о позапрошлых выборах.

– Так больше никого и не было, кроме тебя и этих трёх.

– Нет, я слышал, что рассматривалась ещё одна кандидатура. Это нынешний московский мэр.

– Не может быть? Он же не из Питера, и с ГБ никогда связей не имел. Они бы его никогда не пропустили.

– Да, так и случилось.

В сущности, Аксельборгу с Докутовичем только этого и надо было – увести разговор от скользкой темы. Если уж отматывать назад, так постараться обойти всё, что связано с неудавшейся попыткой отстранения Платова от власти. Премьеру ни к чему об этом знать – может проболтаться.

Когда уже вспомнили все приятные моменты из героиче-

ского прошлого, Аксельборг предложил вернуться к трагическому настоящему. Ведь, по сути, Даниилу Антоновичу предстояло снова войти в клетку льва, но уже без Докутовича в роли ассистента. Удастся ли выйти невредимым при таких обстоятельствах – этого никто из них не знал.

Глава 26. Мытков – вы кто?

– И что мне с тобой делать?

Этими словами Платов встретил вошедшего в кабинет Виктора Мыткова. Тот, остановившись на полпути, с тоской оглянулся на дверь, видимо заподозрив, что ничего хорошего ему уже не светит. Но только начал пятиться, как Платов указал на стул:

– Ладно уж, садись, Витёк. Давай подумаем, куда тебя пристроить. Сам-то чего хочешь?

– Владим Владимыч, готов служить своему Отечеству, – с готовностью ответил Мытков, сделав нечто похожее на реверанс, и уже сев, продолжил: – в нашем спорте, да и в молодёжной политике, как говорится, непочатый край работы для опытного управленца.

– Ты что же, хочешь до пенсии дожить в должности вице-премьера? – усмехнулся Платов.

– Я оправдаю! – Мытков приложил руку к сердцу, как бы заверяя в вечной преданности.

– А может, и на мой пост нацелился?

– Да как можно, Владим Владимыч! Я же вам не враг! – Мытков аж подскочил на месте.

– Это уж само собой. Ну а когда уйду на пенсию?

– Если доверите руководить страной, не подведу!

Платов тяжело вздохнул и взял в руки папку с президент-

ским вензелем:

– Вот тут мне подготовили материалы о твоей работе ещё в должности министра спорта. Итак, на пресс-конференции в июле 2012 года главный тренер нашей сборной по футболу Фабио Капелло сообщил следующее: «В сборную России меня пригласил министр спорта Виктор Мытков, когда был в Риме на одном конгрессе». Этот самый Капелло в течение трёх лет получал по семь миллионов евро зарплаты, не считая бонусов, но сборная так и не достигла значительных успехов. Скажи-ка мне, Витёк, кого Капелло должен поблагодарить за невиданную щедрость?

– Владим Владимыч! Контракт я не подписывал. Это руководство РФС виновато в разбазаривании бюджетных средств. А то и что похуже...

– Ладно, читаем дальше. В одном из интервью бывший футболист «Спартака» Евгений Ловчев сказал следующее: «Знаю, что когда Никите Симоняну на стол положили контракт Капелло, он недоумевал: откуда мы возьмём такие средства? Но Мытков, который сидел рядом, сказал: "Подписывайте, Никита Павлович, я вам всё это гарантирую". Таким был первый контракт, и он перерос во второй, предполагавший продление до 2018 года, который Николай Толстых, тогдашний президент РФС, тоже не хотел подписывать... Не стану осуждать Симоняна. Всем понятно, что не он приглашал Капелло в Россию, что это "заслуга" куда более высокого руководства». Так что, Витёк? На кого тут намекают?

Может, на меня?

По лицу Мытков было видно, что он в явном замешательстве, да проще говоря – в жуткой панике. Сказать, мол, я тут ни при чём? Но это означало бы, что вся вина ложится на премьер-министра. Ну а с учётом незавидной роли премьер-министра в принятии ответственных решений, такой ответ равнозначен обвинению в адрес президента. Найдётся ли в правительстве человек, который, сидя вот на этом стуле, осмелился бы ткнуть пальцем в грудь Платова и заявить: «Ты же сам на этом настоял»? Вот потому и молчал, чувствуя, как рубашка понемногу прилипает к телу. А Платов, не дождавшись ответа, продолжал:

– Ладно, перейдём к теме допинга. Мне в этом обзоре твоих выдающихся достижений понравилась одна фраза из интервью: «Хочу твёрдо вам сказать, что в организм спортсмена допинг попадает только с его личного согласия, а не с согласия министра. Поэтому нам ещё здесь очень много предстоит работать». Так говорил такое?

– Вроде бы... – пробормотал Мытков.

– И это всё, что ты смог придумать, чтобы предотвратить грандиознейший скандал? Несколько месяцев нас поливают грязью, а ты только и смог сказать, что не давал согласия. Что ж это получается? Мы все в дерьме, и только ты белый и пушистый?

Похоже, экс-министр проглотил язык, а президент всё наседавал, не замечая, что противник уже готов капитулировать:

– Припомни, что я тебе поручил? Обеспечить победу наших ребят на Олимпиаде в Сочи.

– Так я и обеспечил...

– Ты обеспечил нам головную боль!

– Владим Владимыч! В последние годы никто из зарубежных спортсменов не побеждал без допинга.

– А наши должны побеждать только за счёт силы воли и веры в величие своей страны. Ты понял?

– Как не понять? Однако сначала надо бы обеспечить это самое величие.

Эти слова сами собой слетели с языка, но было уже поздно.

– Ты у меня не договоришься! – Платов стукнул кулаком, да так, что зазвенела крышка от чернильницы.

Мытков поглядел на письменный прибор, который он подарил Платову на пятидесятилетие, и ощутил себя воробьём, случайно проникшим в кабинет и теперь барахтающимся под этой крышкой.

А Платов всё никак не мог успокоиться:

– Если не возьмёшься за ум, я тебя завхозом в речной техникум отправлю! – грохотал президент. – Будешь там наволочки, да тельняшки пересчитывать!

Он произнёс ещё несколько своих коронных фраз, которые так нравились Мытков, когда предназначались для других. Но тут ведь доставалось одному ему!

– Ладно, – похоже, Платов исчерпал запас слов, подходя-

щих для такого случая. – Вице-премьером по строительству пойдёшь?

И тут опять... Видимо, головомойка так подействовала на сознание Мыткова, что он, словно бы помимо своей воли вдруг спросил:

– Владим Владимыч! А если Керченский мост обрушится, кто будет отвечать? Я или мой предшественник?

На какое-то время в кабинете стало тихо, даже часы вроде бы не тикали. Затем Платов густо покраснел, даже глаза налились кровью. Только и смог, что прокричать:

– Изыди! И чтоб больше я тебя не видел! – и пальцем указал на дверь.

Мытков не помнил, как добрался до дому. Выпил какой-то микстуры, которую ему дала жена, и завалился спать. А ночью Виктору Леонтьевичу приснился страшный сон. Будто на него упал пролёт огромного моста. Чем-то придавило, но не больно. Стал кричать, но никто не отозвался. Наконец, где-то рядом услышал голоса. Заорал, преодолевая хрипоту: «Помогите! Я член российского правительства!» А ему в ответ на незнакомом языке что-то вроде «фак ю». Может быть, у спасателей такой жаргон? Наконец, затихло наверху. Снова стал кричать. И вот чувствует, что тащат за ноги. «Есть бог! Если вызволят, пожертвую церкви от щедрот своих». Вытащили. Смотрит – двое натуральных негров в драных джинсах. Стали раздевать его, а он от страха и слова вымолвить не может. Раздели догола и показывают куда-то в

темноту: «Go! There is your Russia!» А куда пойдёшь в столь непотребном виде? И всё-таки пошёл, то есть пополз, потому что надо же как-то выбираться из развалин. Вот куда-то выполз. Видит вдали огни, но горят они явно не по-нашему – ни на Москву, ни на Питер не похоже. Вроде бы и в его родной станице ничего такого не было. Может быть Пекин? Только откуда же там негры?

Зажглись прожектора – видимо, настоящие спасатели приехали. В ярком свете открылось то, что раньше не заметил. Оказывается, мост стоит на двух опорах, а остальные куда-то подевались. Неужели киевские нацики взорвали? И вдруг – о счастье! – увидел надпись на обломке моста: *Brooklyn bridge*. Сразу полегчало. «Ну слава богу! Хоть мост наш устоял, а на этот мне плевать – этим америкосам так и надо».

Тут рядом остановилась карета скорой помощи, а на борту написано – *ambulance*. Снова схватили за ноги... «Эй! С меня же нечего уже снимать!» Но почему-то никто его не слушает. Отбивался, как мог, пока карета мчалась по ночному городу. Но вот сделал последнее усилие, ногой выбил заднюю дверь и вывалился на мостовую. И вдруг:

– Витенька, милый! Что с тобой? Где твоя пижама? Почему ты ползаешь по полу голышом?

Только тут Мытков сообразил, что мост совершенно ни при чём – ни Керченский, ни Бруклинский. А потому что это рухнула его карьера.

Глава 27. Знакомые всё лица

После инаугурации правительство ушло в отставку – всё, как положено по Конституции. А вскоре Платов уже напутствовал вновь назначенных министров на ратный труд:

– Как вы знаете, у нас на носу чемпионат мира по футболу, событие огромного международного значения! Это не только праздник, это и политика! Наши гости должны убедиться в том, что жители России не хотят войны, хотят со всеми дружить, ну и так далее. Министр информации, какие меры принимаете?

– Владим Владимыч! К тому десятку политических ток-шоу, что показываем по ТВ с часу дня до часу ночи, мы к началу чемпионата намерены добавить ещё столько же. Причём все – с субтитрами на иностранных языках. По одному ток-шоу на язык.

– Что ж, дело полезное! Я только вот чего не пойму – говорят, во всех этих ток-шоу участвуют одни и те же люди. Видимо, перебегают с одного телеканала на другой. Когда же они работают?

– Так это и есть основная их работа.

– А на что живут – на подаяние? Кто же им зарплату платит?

– Владим Владимыч! С зарплатой разберёмся, – пообещала вице-премьер по труду и социальным вопросам. – Пере-

ведём их в разряд индивидуальных предпринимателей.

– Ладно, пусть будут индивидуалами. Но вот ещё что хотелось бы понять. Где телевизионщики находят такое количество шутов гороховых? Ведь к Петросяну и к Жванецкому не ходи! Разве шутовство можно совмещать с политикой?

– Владим Владимыч! Там есть и вполне приличные люди. Никита Исаев, например, – пояснил премьер-министр. – А шуты исключительно для рейтинга. Заманивают публику, которой по барабану вся эта политика.

– Но зачем же так орут?

– Смикшируем, – пообещал министр информационного развития.

– Главное, чтоб не скандалили! А то ещё друг дружку бить начнут... Что тогда о нас подумают?

– Примем меры, – пообещал министр внутренних дел.

– Так принимайте! А то ведь на нашем телевидении что-то неладное творится. Халтурные сериалы, семейные разборки на виду у всей страны – это мы как-нибудь переживём, хотя иногда плевать хочется. Но вот скажите мне, каким образом там появилась реклама лекарств, причём рекламные клипы идут гуськом, а сделаны так искусно, что даже мне иногда хочется, как есть, в домашних шлёпанцах бежать в соседнюю аптеку за лекарствами? В чём дело, объясните!

– Владим Владимыч! Наше телевидение на самоокупаемости, – пояснил министр информационного развития.

– Что же это получается? Рекламу пива мы запретили, бе-

режём здоровье молодёжи. А принимать лекарства без особой надобности... Это же во сто крат вреднее подкрашенной водички, которую у нас называют пивом!

– Владим Владимыч! – премьер попытался защитить министра. – В Госдуме сейчас обсуждается законопроект о запрете рекламы лекарств на телевидении. Однако консенсуса пока не удалось достичь.

– Даниил Антонович! Существование фармацевтического лобби ни для кого не секрет. Там миллиарды долларов крутятся, так что мало кто устоит перед соблазном. Но если в ближайшие месяцы депутаты не примут такой закон, придётся мне подключить Следственный комитет, а если понадобится, ФСБ и СВР. Пусть разберутся и доложат, почему Госдума саботирует принятие важного решения.

– Владим Владимыч! С депутатами я переговорю, – пообещал премьер.

– Хорошо. Теперь перейдём к проблеме допинга. Вот я смотрю, нас по-прежнему поливают грязью, обвиняют бог знает в чём. Будто наши спортсмены шагу не могут ступить без допинга... Когда же это кончится?

– Владим Владимыч! Это очень сложная проблема, но мы работаем, – доложил министр спорта.

– Я понимаю, что работаете. Но мне нужен результат!

– Дело в том, что в спорте есть своя специфика. К примеру, выпил таблетку – установил рекорд Европы. Выпил две – сильнее тебя никого в мире нет. Ну как мы можем ограни-

читать стремление спортсменов к высоким достижениям?

– Мешать не надо! Надо помогать! Но думать следует о прославлении страны и авторитете российского правительства, а не о личной выгоде, – Платов внимательно посмотрел на каждого из присутствующих, а затем продолжил: – Кстати, тут недавно Папа Римский заявил, мол, миром правит эгоизм. Пусть правит, но их миром! А у себя мы не должны допустить такого безобразия.

– Владим Владимыч! – засуетился премьер-министр. – В штатном расписании такая должность у нас не предусмотрена.

– Вы о чём, Даниил Антонович? – не понял президент.

– Я об ответственном за морально-нравственные качества наших граждан. Может, ещё одного министра назначить, причём с самыми широкими полномочиями.

– Вам бы всё штаты раздувать! – огорчился Платов. – Достаточно министерства культуры и МВД.

Далее начался скучный разговор про экономику и финансы, про жильё и про дороги, но всё это время в головах вице-премьеров и министров вертелась одна и та же мысль: стоит ли забираться так высоко по карьерной лестнице, чтобы потом жить под угрозой отставки или обвинения в краже чужих чемоданов с немереным количеством валюты? Однако, кто не рискует, тому не лежать под южным солнышком на палубе роскошной яхты.

Через час дело дошло до обсуждения самого большого во-

проса, причём в прямом и переносном смысле.

– Что ж это получается, граждане? Куда подевались опытные терапевты? Вот тут мне сообщили, что к районному врачу ходят, как на приём к чиновнику. У него перед глазами методичка из Минздрава, результаты анализов, а самого пациента он в упор не видит. Выписал рецепт или направил, не дай бог, на операцию – вот и всё! А ведь мог бы посоветовать правильный режим питания, лечение травами вместо приёма дорогих лекарств или ежедневный променад на пять-семь километров. Так нет же! У него в методичке ничего такого нет, а отступить от неё он не имеет права. Что скажет нам глава Минздрава?

– Владим Владимыч! Обеспеченность медучреждений оборудованием растёт из года в год, смертность сокращается...

– Эх, опять вы не о том! – снова огорчился президент. – Поймите, что человек это вам не автомобиль на заводском конвейере. К каждому пациенту нужен индивидуальный подход, внимательное отношение. Я вот припоминаю, какие были врачи при советской власти. Конечно, квалификация у них разная, но хотя бы не поглядывали всё время на часы – как бы не получить нагоняй за то, что превысил лимит... Сколько там у вас положено – двенадцать минут на человека?

– Лимиты пересмотрим, Владим Владимыч! Методические указания дополним...

– Нет, так у нас дело не пойдёт! – президент махнул рукой, прерывая выступление главы Минздрава. – И куда больному человеку податься? В платных поликлиниках тоже беда – там врач обязан пациента как липку ободрать, назначая ему различные процедуры, а не справляется – уволят! Ну куда это годится? Честное слово, я по советским временам иногда тоскую. Много тогда было такого, о чём вспоминать не хочется, но отношения между людьми были совсем иными. Ну а сейчас всё настолько забюрокрачено, что сил никаких нет смотреть на это.

Министры с недоумением поглядывали на президента и не узнавали своего начальника. Не он ли каждый год выдавал перечень указов, обязательных для исполнения? Не он ли требовал строгой отчётности за каждый истраченный рубль, за каждый километр построенной дороги? А теперь что же получается – вместо составления документов будем смотреть в глаза друг другу и на этом основании делать выводы?

А Платов продолжал:

– Вам, конечно, кажутся странными мои слова. Все эти регламенты и методические указания мы принимали, чтобы улучшить жизнь россиян, причём не только сделать её более комфортной, но и сократить злоупотребления со стороны чиновников. А на поверку что? Коррупция вредит нам гораздо больше, чем западные санкции. Но ещё больший ущерб нанесёт неверие людей во власть, разочарование в наших действиях, сомнения в том, что мы поступаем правильно.

Подумайте об этом, когда будете принимать решения, когда будете подписывать регламенты и методички... Всё! Идите и работайте!

Глава 28. Аудиенция в Кремле

Зазвонил телефон.

– Егор Васильевич?

– Да.

Подумалось, что звонят из редакции журнала. Возможно, изменили своё мнение и решили напечатать статью? Но нет...

– С вами говорят из администрации Президента Российской Федерации. Песков... Эта фамилия вам знакома?

– Да вроде бы... Простите, а чем докажете, что вы это вы, а не какой-нибудь оборзевший пранкер?

– Вам направлено сообщение по e-mail с официального адреса Кремля. Писали ведь президенту, так что этот адрес знаете.

– Сейчас посмотрю... Да, получил. Так чем обязан?

– С вами хотят переговорить. Если вы не против...

– Я готов.

– Тогда я высылаю машину. Водитель вам перезвонит.

«Вот так всё просто. Позвонили, приезжайте, а что и зачем – сиди, гадай, какого лешего я им понадобился. Надеюсь, повезут в Кремль, а не в Лефортово».

Через полчаса к дому подъехал чёрный внедорожник с мигалкой, и очень скоро Егор уже входил в старинное здание на Сенатской площади в Кремле.

В приёмной президента его встретил секретарь:

– Егор Васильевич, приношу вам наши извинения, но Владим Владимычу только что позвонил Дэнс...

– Это что ещё такое? – при слове «дэнс» у Егора всегда возникала ассоциация с танго или же с фокстротом.

– Да там у них в Вашингтоне случилась заварушка! Газеты пишут, будто мы предприняли химатаку на здоровье президента, и в результате он сошёл с ума. Так вот вице-президент позвонил, чтобы заверить – Белый дом не имеет к нам никаких претензий. Как говорится, и на том спасибо.

– Похоже, я не вовремя...

– Нет-нет, Владим Владимыч будет недоволен, если я вас отпущу. Вы подождите здесь, вот свежие газеты почитайте.

– А можно я пройдусь по дворцу, ноги разомну?

– Вам можно, я распоряжусь. Только далеко не уходите, а если что, я на мобильник позвоню...

Егор вышел в коридор и посмотрел по сторонам. Он заранее изучил внутреннюю планировку здания Сената и примерно представлял себе все эти огромные залы, шикарно обставленные кабинеты и гостиные для официальных встреч. Да уж, Матвей Казаков тут постарался! Постарались и нынешние реставраторы, но сейчас Егора занимал другой вопрос – есть ли здесь что-то вроде курительной? Или придётся засмолить сигарету в туалете?

Он так и стоял в коридоре, держа в руке сигарету, как вдруг позади него послушался нежный голос:

– Тут есть закуток, где можно покурить. Это если уж очень невтерпёж. Я вас провожу. Но если застукают, возможны неприятности.

Егор обернулся. Перед ним стояла молоденькая девушка в узких чёрных брючках с бретельками поверх белой кофточки. С интерьером не очень сочеталось, но... Но прежде всего следовало сказать что-нибудь в ответ, иначе было бы невежливо:

– Мне это не грозит.

– Ну да, я знаю. Вас Платов пригласил, – и, видя удивление Егора, незнакомка пояснила: – Я здесь что-то вроде помощника секретаря по всем вопросам, связанным с культурой.

– Ах так? Я-то думал, что здесь занимаются исключительно политикой.

– Вы правы! И по большому счёту мне здесь делать нечего, но всё ещё надеюсь, вдруг повезёт и что-нибудь изменится... – незнакомка улыбнулась, и было в её улыбке и лукавство, и та самая надежда, и немного грусти.

Егор никогда бы не подумал, что губы могут выражать столько разных чувств. Впрочем, тут самую важную роль исполняли глаза – серо-зелёные, нельзя сказать, чтобы очень большие, но какие-то лучистые, словно бы в глубине их время от времени зажигалось маленькое солнце. «Солнышко – так будет точнее», – подумал Егор и направился вслед за незнакомкой.

Тем временем она представилась:

– Кстати, меня зовут Катерина, можно просто – Катя.

Это было служебное помещение рядом с библиотекой, что-то вроде подсобки. То ли вентиляция хорошая, то ли кто-то из здешней obsługi тоже курил, но эта обитель для курящих сохранилась. Отчасти потому, что дверь была всё время заперта, но у Кати был свой заветный ключик.

– А я читала ваши книги. Особенно «Лулу» понравилась. Финал замечательный! Как вам это удаётся?

– Вы знаете, это был мой первый роман. Я тогда ещё рабoтал...

– Да-да, в каком-то НИИ.

– От вас ничего не утаишь! – улыбнулся Егор. – Так вот, писал урывками, в метро, в электричке, иногда даже на ходу.

– Как это?

– Ну вот возникла интересная мысль, даже не мысль, а целая фраза. Остановился, записал и пошёл дальше.

– Прежде писали стоя у конторки, а теперь на ходу? Ритм жизни изменился? А как все, дома, сидя за письменным столом, не пробовали?

– Да я и дома пишу, а вы что подумали? Пишу, сидя на диване... Но стоит сесть за стол, и всё, затык! Ничего толкового в голову не приходит. Возможно, потому что так все делают, а я, как все, не могу и не хочу.

– Для вас нет авторитетов?

– Ну почему же нет? Достоевский, Чехов, Олеша, Плато-

нов, Трифонов, Астафьев. Ну и Булгаков, хотя мне у него далеко не всё нравится.

– И больше никого?

– Увы, на Трифонове русская литература закончилась.

– Ну нет, Егор Васильевич, тут я с вами не согласна! Что вы такое говорите? Как так можно?! – в гневе Катя была очаровательна вдвойне, но это не значит, что следовало ей уступить в столь важном споре.

– Ну так назовите хотя бы одного. Найдётся ли писатель, которого можно поставить в один ряд с теми, кого я перечислил?

Катя прикусила губу и задумалась. Но тут у Егора зазвонил мобильник – секретарь пригласил в кабинет для аудиенций. Тут уж было не до обсуждения успехов всех этих лауреатов больших и малых премий.

Платов встретил Егора, встав из-за стола, и тут же предложил сесть. И то верно: в ногах правды нет, тем более, если предстоит откровенный разговор. Тут всё было, как обычно – вот президент, а напротив тот, кого президент допрашивает.

– Ещё раз прошу нас извинить за то, что заставили долго ждать. Но дело неотложное, в Вашингтоне намечаются перемены. Вот через час созываем Совбез по этому вопросу.

– Тогда, может быть, в другой раз?

– В другой раз мы поговорим подробнее. Ну а сейчас хочу поблагодарить. Честно скажу, без вас мы бы не справились.

– Вы преувеличиваете мой скромный вклад...

– Во всяком случае, нам бы потребовалось гораздо больше времени, чтобы всё это распутать. Хочу как-то выразить свою признательность. Может быть, орден «За заслуги»?

Егор вспомнил, за что наградили Аксельборга:

– Спасибо, но мне это ни к чему. Писателю нужно одно – чтобы читали его книги.

– Тогда давайте назначим вас директором издательства.

– Ой, что вы! Такая работа не по мне.

– Ну вот опять... А кто же будет поднимать русскую литературу? Кстати, в декабре мы собирали совет по культуре и искусству. Решили увеличить финансирование Литинститута. Ваше мнение?

– На мой взгляд, писатель это не профессия. Это состояние души. Невозможно научить писать так, как Юрий Олеша или Фёдор Достоевский. Человек должен сам испытать многое из того, о чём он пишет. Писатель должен быть любителем, если иметь в виду любовь к литературе.

– Так что, Литинститут не нужен, можно закрывать?

– Да нет, пусть будет, если кому-то это нужно. Но будущий писатель должен учиться сам. Учиться, читая хороших писателей. Начать нужно с русских классиков, нужно очень много читать, пытаясь найти что-то близкое по духу, по литературному языку, по стилю изложения. Но результата можно добиться только упорной работой, доводя до совершенства то, что выходит из-под пера.

Платов задумался и вот вроде бы нашёл нужное решение:

– Послушайте, Егор, а как вам пост министра?

– Владим Владимыч, вы издеваетесь, что ли? Какой из меня начальник? Да я на второй день загнусь от этих бесконечных резолюций, совещаний, заседаний...

– Вы правы, такая работа не всякому по силам. Но вы согласны, что Ростислав с ней не справляется?

– Он делает то, что ему поручено.

– Значит, опять я виноват... – криво усмехнулся президент. – А может, всё-таки попробуете?

– Спасибо, нет.

– Господи, так что же с вами делать?

– Да отпустите, Христа ради! – улыбнулся Егор.

– Вы верующий?

– Если вы о том, что проповедует церковь, то конечно нет. Я верую, но по-своему. Например, верю в силу разума русского человека. Надо только помочь ему реализовать свои возможности.

«Странно! – подумал Платов. – Почти всё то же самое я уже слышал от кого-то. Ах да!».

– Вы знаете, Егор, я имел удовольствие встречаться с одним писателем, теперь его с нами уже нет. Так вот он упрекал меня в том, что слишком мало внимания уделяю культуре, что нужно всерьёз заняться поиском талантливых писателей и драматургов.

– Я с ним полностью согласен.

– Ну, если так, вам и карты в руки!

– Хотелось бы помочь, но...

– А давайте я назначу вас советником по литературе.

Правда, у меня уже есть советник по культуре...

– Это тот, что стережёт усадьбу Льва Толстого?

– Он самый! Жаль, что в литературе не силён, это довольно странно при его корнях. Как-никак праправнук классика!

– Да, плодовитый был писатель. Зачем только в проповедники подался?

– Ну, ладно! Речь тут не о Толстом, – отмахнулся Платов. – Так вот, в качестве моего советника вы будете время от времени встречаться с начинающими или малоизвестными писателями, отбирать их лучшие произведения и рекомендовать издательствам и театрам. Пусть только попробуют отказаться!

– Пожалуй, с этим справлюсь.

– Отлично! В ближайшее время найдём вам помещение, подберём персонал, и приступайте!

На этом аудиенция закончилась.

Всю дорогу домой Егор обкатывал эту идею Платова и так, и сяк. Сомнений было много, однако и то верно, что дело чрезвычайно нужное. Вдруг что получится?

Глава 29. Попрошайка

За окном шумела Москва, а в кабинете «новообращённого» советника было неправдоподобно тихо. Даже компьютер Егор не включил – да просто потому, что толком не представлял себе, с чего начать. Если бы не Катя, которую назначили его секретарём, впору было признаться, что переоценил свои возможности. А тут ещё слухи поползли и обвинения посыпались...

На следующий день после опубликования указа о его назначении газета «Собеседник» разродилась статьёй, где чёрным по белому было написано, что Егор «внебрачный внук» советского поэта, одного из руководителей небезызвестной РАПП, которая «прославилась» своими гонениями на талантливых писателей. Припомнили и то, что Алексей Сурков выступал против Пастернака, Солженицына и Сахарова. Напротив, «Новая газета» в рубрике «Расследования» утверждала, что Егор – это дядя Владислава, только поэтому и получил свой пост, и более того, газета предсказала, что вскоре следует ожидать появления новых Сурковых в учреждениях, подконтрольных администрации Кремля.

Но всех переплюнули «Ведомости», которые со ссылкой на некоего анонима категорично заявили, что возрождается Главлит. В прежние времена это учреждение стояло на страже государственных тайн и по мере сил защищало поднад-

зорное население от влияния идеологических противников советской власти. Иными словами, «Ведомости» предсказали возрождение цензуры.

Пока Егор пытался переварить весь этот бред, в приёмной возникла суета, и через несколько мгновений в кабинет ввалился взлохмаченный субъект, сопровождавший своё появление отборным матом. Вошедшая вслед за ним Катя только беспомощно развела руками. Это и понятно – охрана Егору не положена, ну а вахтёрша в подъезде этого старинного особняка на Пречистенке не может быть помехой для настойчивого посетителя. Что уж говорить про этого, который внешностью, да и манерами напоминает Джексона, того самого, которого турнули с поста министра иностранных дел. Где-то он теперь?

Тем временем, субъект с причёской а ля Джексон уже плюхнулся на стул и с ходу заявил:

– Я писатель!

– И что?

– Я Никонов! Разве вы не знаете?

– Не знаю!

– Ну вы и лопух! Зачем таких назначают на высокие посты? Это возможно только в нашем авторитарном государстве.

– Послушайте, милейший! До входной двери сами доберётесь или вам помочь?

– Ладно, не обижайтесь! Это я так, от излишнего волне-

ния...

– Успокоились? Так чем могу помочь?

– Вы опять не поняли! Помощь требуется не мне, а вам, – пояснил субъект.

– Если вы по поводу устройства на работу, то вынужден вас огорчить...

– Да не нужна мне ваша работа!

– Так в чём же дело?

– Знаете ли, такая штука удивительная для меня случилась... Сложился некий такой странный интеллектуальный круг, в котором знают фамилию Никонов и не нужно объяснять, что это такое. Если вы выйдете на улицу и спросите, кто такой Никонов, вам скажут: это какой-то политолог, внук Вячеслава Молотова. Вот он-то и сидит всю жизнь на моей шее, а я вынужден терпеть такое издевательство.

«Такая, такое, такой...» Егор уже понял, что за писатель перед ним сидит. Однако выгонишь его – потом хлопот не оберёшься. Вот потому и продолжил разговор:

– Я-то тут при чём?

– Ну как же? Вы теперь власть! Так сделайте из меня такого писателя, который бы по популярности переплюнул внука Молотова. Снимите его с моей шеи!

– И что я должен предпринять?

– Да это ежу ясно! Дайте указание издательствам, чтобы меня печатали приличными тиражами, а не по одной-две тысячи, как сейчас. А уж я не дам в обиду русскую литературу!

«Клиника!» – подумал Егор. Только теперь он узнал этого Александра Никонова. В ток-шоу «Места хватит всем» на НТВ ему была доверена роль «придворного шута». «Родственник он, что ли, Андрею Ноткину? Иначе зачем приглашать на телевидение этого болвана?»

Между тем, Никонов продолжал ныть:

– Ведь я же работал в «Московском комсомольце», три раза работал в «Огоньке».

– Это как? Под разными именами, что ли?

– Да нет! Три раза увольняли. Первый раз за то, что слишком много матерщины в текстах. Второй – за пьянку на рабочем месте...

– А в третий?

– В третий раз уволили вообще без повода. А ведь у меня есть премия Союза журналистов Москвы, Союза журналистов России и так далее. Поэтому, Егор Васильевич, дорогой, сделай милость, окажи содействие безвинно пострадавшему! Ну что тебе стоит с такими родственными связями? И Владислав, и Алексей Сурков... Да будь я родственником Молотова, меня бы давно на Нобелевку двинули!

– Неужели?

– А как же иначе? Я ведь пишу только для людей, более или менее разбирающихся хотя бы в чём-то и любящих думать хоть как-то, хоть чем-нибудь! То есть пишу вовсе не для тех, которые ни в чём не разбираются... Эту навозную кучу сколько ни разгребай, бриллиантов не найдёшь. Ну а

я пишу для бриллиантов. Я и сам такой! – и горделиво вскинул голову.

«Это уже слишком! – Егор с трудом сдерживал себя, слушая этого охламона. – Дать бы ему в лоб! Так ведь засудит!»

– А хотите, порекомендую вас Андрею Ноткину? – предложил Никонов.

– Вы и вправду родственник?

– Да так, седьмая вода на киселе... Но кое-какое влияние на него имею.

«Мысль интересная!» Егору давно хотелось попасть на это шоу – поспорить с умными людьми, отстаять свою точку зрения. Тем более интересно, если речь пойдёт о литературе.

– Ну что ж, попробую, но ничего не обещаю. Надо же ещё с издательствами наладить связи.

– Я подожду! – радостно воскликнул Никонов.

На том и порешили.

Глава 30. Теперь не отвертеться

В Вашингтоне было семь часов утра, когда в Твиттере появилось сообщение президента США:

«Россия пообещала сбивать ракеты, выпущенные по Сирии. Готовься, Россия!»

Вскоре последовал ответ:

«Спасибо, Дональд, за то, что предупредил. Можешь рассчитывать на присвоение внеочередного звания».

Вечером того же дня в Конгрессе США начались обсуждения ситуации, сложившейся в Твиттере – логичным итогом должен был стать запуск процедуры импичмента президенту. Та же самая логика подсказала, что президент работал на Россию, что по заданию русских чуть не развязал третью мировую войну, а стратегической целью этой акции было уничтожение крупнейшей мировой державы, то есть США...

Когда в Вашингтоне начали сгущаться сумерки, в Лондоне уже была глубокая ночь. Той ночью Борис Джексон не спал – пытался найти подходящие аргументы и слова, чтобы гарантированно получить политическое убежище в России. Увы, покинуть Британские острова он теперь не мог, поскольку премьер-министр наложила запрет на выезд за границу, поэтому реализовать своё намерение он мог только в Лондоне. Правда, смущала перспектива провести всю оставшуюся жизнь в здании российского посольства на Кенсинг-

тон-Пэлес Гарденс, причём взаперти, не имея возможности прогуляться по Гайд-парку и выпить пива где-нибудь в ближайшем пабе. Но когда на карту поставлена жизнь, здесь жалобы на бытовые неудобства выглядят абсурдно.

Теперь, оценивая события последних лет, он испытал сожаление. Да, был не прав! Явно не на ту кобылу сделал ставку – надо было примкнуть к Корбину, к лейбористам, тогда бы не навлёк позор на свою фамилию. Конечно, Джексон в Британии довольно много, но только один из них Борис и только он один так высоко взлетел по карьерной лестнице.

А накануне вечером члены парламента от консервативной партии рассматривали персональное дело Джексона. Пришлось ему выслушать много несправедливых обвинений и обидных слов:

«Джексон вносит раскол, так как своими высказываниями в прессе даёт России основания задавать вопросы о наличии доказательств в деле Стригалей».

«Думаю, это по-настоящему для нас опасно – иметь министра иностранных дел, который непродуманными заявлениями подрывает позицию собственного правительства».

Что мог он возразить? Как опровергнуть нелепые обвинения? Да и стоит ли опровергать? Если Россию назначили ответственной за отравление Стригалей, если Сирию без всяких оснований обвинили в химатаке, тогда на что мог рассчитывать Борис Джексон? Сегодня он министр, а завтра безработный, и это в лучшем случае. Если же раскопа-

ют правду об обстоятельствах возвращения из той командировки в прошлое, тогда всё может закончиться тюремным сроком. И никакие заслуги не спасут! Самое неприятное в этом деле – наличие в российском руководстве скрытой оппозиции. Узнают от самого Платова, от Мити или же от Филимона, как оно на самом деле было, и всё, хана! Направить сообщение в Лондон или в Вашингтон – для них это не проблема, пока существует Telegram. Поэтому главная задача на сегодняшний день – помочь Платову выявить таких людей. Тогда можно быть относительно спокойным – обвинение в измене родине ему не припаяют.

Но как же это сделать? Единственный вариант – пошевелить мозгами и попытаться извлечь из глубин памяти то, что позволит ответить на вопрос: кто мог участвовать в заговоре против Платова?

И тут Джексон вспомнил, как пару лет назад познакомился с русским миллиардером – это был Гектор Аксельборг, а встреча произошла в ресторане при пятизвёздочном отеле The Capital, расположенном на Бэзил-стрит, в двухстах метрах от Букингемского дворца и в трёх километрах от Вестминстера. Аксельборг, приезжая в Лондон, обычно останавливался здесь, а Джексон частенько заглядывал в тамошний ресторан, поскольку отдавал предпочтение французской кухне. Надо сказать, что Эрик Чавот, шеф-повар ресторана, был и остаётся непревзойдённым мастером приготовления блюд для истинных гурманов.

Судя по всему, Аксельборг счёл, что знакомство с мэром британской столицы может оказаться для него весьма полезным – мало ли что может случиться, а вдруг придётся стать ещё одним лондонским сидельцем? У Джексона был другой интерес – он всё ещё надеялся разобраться в особенностях русской души. Бабка ему так и не объяснила, почему рассталась с русским офицером – то ли он её бросил, то ли она разочаровалась в нём и поэтому из Литвы сбежала в Англию. А не мешало бы знать, поскольку понимание психологии своей родни может помочь разобраться в собственных поступках.

Увы, Рабинович крайне неприятен в общении, так что логично было предпринять ещё одну попытку. А тут как раз подвернулся Аксельборг, ну как было этим не воспользоваться! Вполне резонно, что представил их друг другу тот самый Эрик Чавот – Гектор оказался столь же тонким ценителем французской гастрономии, как и сам Борис.

Когда обед подходил к концу и прозвучали все хвалебные слова в адрес знаменитого шеф-повара, только тогда Джексон решил задать тот вопрос, который вертелся на языке всё то время, пока он поглощал луковый суп, кассуле и блинчики «Сюзетт»:

– Неужели российские олигархи довольны тем, что делает Платов?

– Как вам сказать... – промолвил Аксельборг после того, как дожевал салат. – Есть несколько групп, к которым

можно отнести тех, кого вы назвали олигархами. Во-первых, это питерские, члены одного дачного кооператива и партнёры Платова по занятиям спортом. Каждый получил довольно жирный кусок госсобственности или разбогател на выгодных контрактах. Было бы странно, если бы у кого-то из них возникла мысль протестовать против существующих порядков. Во-вторых, это люди, которые разбогатели ещё при Ельцине. Иных уж нет, другие перебрались к вам в Лондон или в Хайфу, так что эта группа не имеет ни малейшего влияния на то, что происходит в России.

– И это всё?

– Ну почему же? Есть ещё люди иной породы, они заработали капитал своим трудом, без какой-либо поддержки...

– Разве такое бывает? – удивился Джексон.

– А Билл Гейтс или Джефф Безос? Разве это не наглядный пример?

– Про американцев ничего не скажу, но в Британии это невозможно. У нас выскочек не любят.

– В этом смысле вы уникальная страна, – согласился Аксельборг.

– Ладно, допустим, что в России есть самодостаточные бизнесмены, практически независимые от власти. И как же они относятся в Платову?

– По-разному. Кое-кто вполне доволен, ну а другие проявляют раздражение, но ничего реального не могут сделать.

– И много их? Достаточно, чтобы сокрушить режим?

– Чтобы устроить революцию? – усмехнулся Аксельборг. – Да нет, никто из них не выйдет на улицу с требованием предоставления свобод. Но если что-то произойдёт, и Путин потеряет доверие населения... тогда всё возможно.

– А вы?

– Ой, нет! – Аксельборг мотнул головой. – Я на такие действия не способен. И возраст уже не тот, да и здоровье...

«Врёт на голубом глазу!» – подумал Джексон и принялся за десерт, на сей раз это было клафути.

И вот сейчас он вспомнил этот разговор, этот намёк – загадочное, зловещее «если что-то произойдёт». Пожалуй, это именно то, что ему нужно. Мог ли Гектор Аксельборг организовать заговор против Платова? Скорее всего, он был как бы за сценой, оттуда дёргая за ниточки. Хитрый, умный, жадный, скрытный... Да, безусловно, мог!

Ну что ж, теперь есть, с чем идти в российское посольство. Не хватало самой малости – прочувствованных строк, которые смягчили бы сердца депутатов Госдумы и простых российских граждан. Только тогда можно рассчитывать на понимание и прощение – за последнее время он столько всего наговорил, что по российским законам наверняка мог получить тюремный срок за клевету и разжигание межнациональной розни.

И вот какие строки родились из-под его пера:

«Я хочу, чтобы Россия была могущественной страной... Если мне предоставят российское гражданство, я буду с гор-

достью носить это почётное звание, я пронесу его через всю жизнь, куда бы меня ни закинула судьба...»

Джексон корпел над текстом до самого утра. Затем принял душ, съел ложечку овсянки и заказал такси – для этой поездки нельзя использовать ни свою, ни служебную машину. И вот он уже близок к желанной цели, но... На углу Бейсуотер-роуд и Кенсингтон-Пэлес Гарденс, буквально в двух шагах от российского посольства, такси было заблокировано с двух сторон, и через несколько мгновений Борис очутился в чёрном минивэне с тонированными стёклами. Один из мордovorотов, севших по бокам, раскрыл его портфель, вывалил на сиденье зубную щётку, полотенце, смену нижнего белья и только тогда добрался до красной папки, в которую Джексон положил самое ценное – своё заявление на имя российского посла. А дальше случилось непоправимое, то, чего Борис никак не ожидал – мордovorот раскрыл папку, скользнул взглядом по тексту и произнёс финальную фразу этой сцены: «Ну всё, теперь тебе не отвертеться!» На следующий день газета Sunday Times сообщила, что Борис Джексон подал прошение об отставке по состоянию здоровья...

Иначе развивались события за океаном, что вполне понятно – президента невозможно снять с должности ссылкой на его простуду, тут требуется более серьёзный аргумент. Юридический комитет Палаты представителей взял за основу статью 3 Конституции США, которая гласит: «государственной изменой Соединенным Штатам считается только

ведение войны против них (США) или присоединение к их врагам, оказание врагам помощи и поддержки». Эта статья в сочетании с тем, что было написано в Твиттере, могла стать поводом для принятия решения об импичменте, причём и демократы, и республиканцы были в этом случае едины. Раздавались отдельные голоса – якобы нельзя судить человека за сообщения в Твиттере, но мнение этих конгрессменов не приняли во внимание.

Понятно, что для спасения президента требовался убойный контраргумент, на уровне гениального открытия. Дюжина адвокатов и советников билась над решением этой нерешаемой проблемы, и вот... И вот они нашли! Суть опровержения свелась к тому, что президент ничего подобно в своём Твиттере не писал. На самом деле, это русские хакеры, недовольные жёсткой политикой президента по отношению к России, проникли в Твиттер и подменили некоторые его посты. Эта подмена была своевременно замечена президентом, но он не счёл возможным кого бы то ни было обвинять, не имея доказательств. Теперь же доказательство нашлось. В качестве такового в Юридический комитет было представлено письмо, полученное из России, в котором некий хакер подробно описал, как и почему он это сделал, а в заключение покаялся – якобы никак не ожидал, что дело может дойти даже до импичмента. Помимо письма, адвокаты передали в Конгресс сообщение от Сергея Касперского, в котором даны рекомендации лично президенту США, как избежать подоб-

ной ситуации:

«В "Твиттере", как и в любой другой соцсети, да и вообще везде, не стоит кликать по подозрительным ссылкам. Если вы не знаете, куда ведет ссылка, ни в коем случае не кликайте по ней. Подозреваете, что ваш аккаунт могли скомпрометировать? Тогда обязательно поменяйте пароль, и как можно скорее. Это лучший способ обезопасить свою учетную запись, пока её окончательно у вас не "увели"».

Теперь задумались инициаторы импичмента – начали с того, что поменяли свои пароли в Твиттере. Однако главная проблема состояла в другом. После многочасовой дискуссии конгрессмены пришли к выводу, что в словах этого хакера была некая сермяжная правда – если русские смогли вмешаться в президентские выборы, разработав способы воздействия даже на умы американцев, для них не составило бы особого труда проникнуть в программное обеспечение какого-то там Твиттера.

Процесс зашёл в тупик. Пришлось негласно подключать ЦРУ и АНБ, но там ответили, что хакера установить невозможно, ну а Касперский всем даёт рекомендации, на то он и Касперский. Жирный крест поставил на этом варианте импичмента сенатор от Алабамы, приглашённый на заседание Юридического комитета:

– Это что же получается, господа? Сначала русские навязали нам президента, а затем разочаровались в нём и отправили в отставку. Нет, так не пойдёт!

– Вы правы, сенатор! – согласился председатель. – В глазах мировой общественности мы будем выглядеть, как идиоты.

– Да плевать мне на общественность! Я уже полтора года мучаю себя вопросом – ну как им это удалось? И почему мы не смогли избрать на пост российского президента приличного человека, а не Платова?

– Это вопрос не ко мне.

– Так задайте его главам ЦРУ и АНБ!

– Спрашивали. По их мнению, причина в том, что большинство наших ведущих программистов это выходцы из России... Видимо, их устраивает Платов, хотя никто в этом не хочет признаваться.

– Так уволить их!

– А где взять других?

Сенатор не смог ничего ответить. Всё шло к тому, что эта затея окажется мыльным пузырём.

Глава 31. Ток-шоу

По правде говоря, Егор никак не ожидал, что болтовня Никонова воплотится в желанную реальность. Но через пару дней раздался телефонный звонок, и вот он в здании Останкинского телецентра...

Итак, 11 июля, в два часа пополудни все телевизионные приёмники страны были настроены на волну телеканала НТВ. А всё потому, что ожидалось нечто экстраординарное. Причина в том, что накануне в мировой политике случилось то, чего никто не смог предвидеть. И только здесь, на ток-шоу «Места хватит всем», можно было получить ответ на все недоумённые вопросы.

Как всегда, сначала прозвучал голос за кадром:

– Президенту США собираются вынести импичмент. Он будет отстранён от должности якобы по состоянию здоровья, вроде бы у него проблемы с головой. Отправлен в отставку британский министр иностранных дел, он якобы тоже не здоров. СМИ высказывают опасение, что в России пытаются возродить Главлит. Обо всём этом мы расскажем сегодня в нашей программе.

Аплодисменты в зале. На авансцену выходят ведущие этой программы.

– Здравствуйте! Я Ольга Беглова.

– А я Андрей Ноткин.

– Это программа «Места хватит всем»...

– ...где рады всем гостям, даже если не все этого заслуживают. Мы работаем в прямом эфире.

Ноткин раскрывает в свой блокнот, где Ольга Беглова заранее написала всё, о чём он должен говорить:

– Ну что ж, на прошлой неделе произошли события, которые наверняка порадовали многих жителей России. Речь о планируемой или уже свершившейся отставке некоторых одиозных политических фигур, немало потрудившихся для того, чтобы навредить России. Это, несомненно, радует. Единственная неприятность... сейчас вы проймёте, почему я так говорю... Единственная неприятность, которая омрачила эти праздничные дни, не имеет никакого отношения к событиям в Лондоне и Вашингтоне. Я имею в виду назначение Суркова на должность советника президента по литературе.

Шум в зале.

– Нет, не подумайте, что Владислава перебросили на новый фронт работы. Просто в администрации президента, или где-то поблизости от неё, появился ещё один Сурков, на этот раз Егор.

На большом экране возникла фотография, где Платов жимает руку Егору.

– Егор Васильевич! Как же так случилось?

Ольга Беглова задает уточняющий вопрос:

– Кстати, чей вы родственник? А то СМИ распространяют

самые разные предположения на этот счёт.

– Прежде всего, спасибо! Но не вам...

– Это почему же? – обиделась Беглова.

– Я благодарен президенту за это назначение! Иначе никогда не попал бы в эфир моей любимой передачи.

– Ах так... – Ольга одарила Егора обворожительной улыбкой.

– Вот только не пойму, с какой стати вы назвали это неприятностью, – продолжал Егор.

– Об этом поговорим в третьей части нашей программы. А сейчас всё же удовлетворите наше любопытство: чей вы родственник?

– Спешу вас успокоить, Ольга: ни к помощнику президента, ни к советскому поэту я не имею никакого отношения.

– Прекрасно! – воскликнул Ноткин, беря бразды правления в свои руки. – А теперь обратимся к событиям, которые почти одновременно произошли по обе стороны Атлантики. Александр Прокопъич, что вы об этом думаете?

– Не понимаю, чего тут обсуждать? Обычное дело для демократического государства – кто-то уходит из власти, кто-то приходит...

– То есть импичмент президенту США вы воспринимаете как рядовое событие?

– Нет! Но это одно из проявлений свободы граждан в выражении своих симпатий и антипатий, та лакмусовая бумажка, которая свидетельствует о здоровье общества.

– И к какому же месту её надо прикладывать?

– В России, куда ни прикладывай, это не поможет.

– Ваша позиция понятна. Вы в своём репертуаре... Ге-
ворг, что вы скажете?

– А что я могу сказать? Грустно, когда великая держава
намерена так поступить со своим президентом. Причём со-
бирается вынести приговор по надуманному обвинению.

– Вы считаете, что он вполне здоров?

– Да уж здоровее, чем Борис Джексон! Если бы того упек-
ли в психушку, я бы ничуть не удивился.

– Вот Сергей Александрович рвётся к микрофону. Про-
светите нас, а то не можем разобраться в этой запутанной
истории!

– И просвещу! Лично я уверен, что был заговор. Верхуш-
ка республиканской партии сторговалась с демократами в
Конгрессе!

– Что, продались? Надеюсь, им прилично заплатили?

Смех в зале.

– Нет! Республиканцы сдали своего президента в обмен
на согласие демократов поддержать Дэнса, не вставляя пал-
ки в его телегу, как это делали по отношению к его предше-
ственнику.

– Наверно, вы имели в виду колесо его автомобиля?

– Это не важно! Куда ни вставляй, результат один и тот
же...

Хохот в зале.

– На самом деле, всё не так!

– Вижу, и у вас есть версия, Николай Николаевич?

– А как же? Вот что я хочу сказать. Никто никого не сдавал, потому что была химическая атака...

– Что вы говорите?! Опять? И кто же кого атаковал?

– Бывшая любовница потребовала от президента компенсации за свои услуги, а когда тот отказал, прыснула в него всё тем же «Новичком».

Смех в зале.

– Нет, давайте обойдёмся без «Новичка», а то я уже начинаю ощущать какой-то посторонний запах.

Ноткин принохивается и с подозрением смотрит на Никонова. Тот оправдывается:

– Да нет, это не то, что вы подумали. Это всего лишь дезодорант.

– Надеюсь, не британский?

– Нет, родственники из Израиля прислали.

– Тогда совсем другое дело! Ладно, успокоили! Так есть другие версии? Прошу вас, Олег Николаевич.

– Я думаю, что никакого импичмента не будет...

– Как это не будет, когда о нём пишут все американские газеты и галдят на всех телеканалах?

– Всё очень просто! Кремлёвские хакеры распространили фейковое заявление от имени Конгресса США, а все газеты и телекомпании купились.

– А что же конгрессмены обсуждали последние три дня?

– Обсуждать-то обсуждали, но никакого решения не приняли.

– Нет, это слишком сложно для меня. Борис Борисович! Может быть, вы нам разъясните ситуацию?

– Я вам так скажу: президент отдыхает в своём поместье во Флориде и посмеивается, глядя на нас.

– То есть вы не верите в возможность импичмента...

– В такой могущественной стране, лидере мировой цивилизации, во власть не может пробраться человек с ненормальной психикой.

– А то, что его облыжно обвинили, не допускаете?

– Нет! В американском конгрессе работают только честные интеллектуалы, не способные на такую подлость.

– Честно говоря, я сомневаюсь. Однако попросим высказаться на этот счёт Николая Викторовича.

– Пожалуйста! Я думаю, что всё к этому идёт со дня инаугурации. Американская власть давно больна. Их всех, пока не поздно, надо направить на лечение. Если не справятся тамошние психиатры, можем предложить своих...

С места срывается некто низенький и толстенький. Чем-то он напоминал Хрущёва, когда тот стучал ботинком во время заседания Генеральной ассамблеи ООН. К счастью, в этом случае обошлось без использования обуви в качестве решающего аргумента в споре.

– Это стопроцентное враньё! Только духовно и физически здоровые люди могли создать такую великую страну, несо-

крушимую, самую мощную державу...

– Что ж вы не даёте мне сказать? В каком борделе вас воспитывали? – возмутился Николай Викторович.

– Не смейте оскорблять моих родителей!

– Грег! Угломнитесь! ... Продолжайте, Николай Викторович.

– Так вот, удивляет меня только то, что президента признали ненормальным, а членов палаты представителей и сенаторов так и не отправили в дурдом.

– Вы, как всегда, весьма категоричны. Ну что ж, время покажет, кто из наших экспертов прав...

Ольга Беглова приподнимает брови и смотрит на Андрея Ноткина.

– Андрей! Что с вами? Вы рекламируете наших конкурентов!

Ноткин растерянно смотрит на Беглову. Только теперь до него дошло, что как-то ненароком произнёс ужасные, недопустимые в эфире НТВ слова! «Время покажет» – это же название ток-шоу на другом телеканале.

– Пожалуй, самое время уйти на рекламную паузу, а потом обсудим то, что случилось с Джексоном. Лично я объяснения этому событию не нахожу.

Вслед за рекламой «Мезима», «Простамола» и женских прокладок на сцене вновь появляются Ольга Беглова и Андрей Ноткин. Ноткин извиняется – видимо, получил выговор от Ольги:

– Что-то я перед перерывом, действительно, зарাপортовался. Возможно, и впрямь сказалось действие «Новичка». Кстати, новичок-то у нас в ток-шоу есть. Егор Васильевич, что вы думаете об отставке Джексона?

– На мой взгляд, в этом деле есть одно загадочное обстоятельство. Британское правительство так и не смогло объяснить, как Джексон оказался в болоте на границе России и Эстонии.

– Но вот же в газетах появилось несколько версий. Одна из них гласит, что Джексон совершал облёт границы в поисках тайных троп доставки отравляющих веществ в Европу, но после резкого виража вывалился из вертолётa. К счастью, это было на низкой высоте.

Смех в зале.

– Я допускаю, что Джексон действительно выполнял некую секретную миссию, но она провалилась, и в результате он лишился своего поста.

– И что же это за миссия, Егор Васильевич?

– Она могла быть частью плана совместных действий западных политиков, МИ-6, ЦРУ и неких влиятельных персон внутри России, которые готовили отстранение Платова от власти.

С места вскакивает Грег.

– Это чудовищная ложь! Запад вполне устраивает Платов! Но он не должен вносить хаос в мировой порядок, установленный стараниями США.

– Грег! Тему американской гегемонии мы неоднократно обсуждали, как и ваши представления о том, что разрешено России, а что категорически нельзя... Теперь, что касается версии, озвученной Егором Васильевичем. Это слишком серьёзно, чтобы я мог принять её на веру. Откуда такая информация?

– Поверьте, ни с ФСБ, ни с СВР я никак не связан. А версия появилась в результате сопоставления ряда известных и малоизвестных фактов.

– Похоже, вы любите загадки.

– Да, началось это ещё с тех пор, как ликвидировал несколько белых пятен в биографии Булгакова и объяснил тайный смысл одной из глав его закатного романа.

– Ладно, об этом мы поговорим чуть позже. А теперь я бы хотел выслушать мнения наших экспертов по поводу того, что случилось с Джексоном.

В течение следующего часа всё те же действующие лица, за исключением Егора, продолжали упражняться в остроумии, изредка демонстрируя свою недюжинную эрудицию. Егор уже порывался встать и уйти, но Катя, которую по его просьбе тоже пригласили в шоу, убедила, что это было бы невежливо. К тому же уход Егора могли расценить как бегство и признание того, что Главлит и в самом деле возрождается.

Глава 32. Главлит или не Главлит?

Последнюю часть программы, начавшуюся после выпуска новостей, вела Ольга Беглова. Видимо, Ноткина вызвали на ковёр к начальству, но Беглова озвучила иную версию:

– Андрей слабо разбирается в русской литературе, поскольку предпочитает чтиво вроде книг про Гарри Поттера. Поэтому самоустранился от обсуждения... Так что, Егор Васильевич, правду говорят, что вы собираетесь возродить Главлит?

– Да нет, на пост главного цензора я не претендую.

– А в чём же тогда видите свою задачу?

– Ну что ж, я расскажу, но для начала хочу напомнить о безуспешных скитаниях Михаила Булгакова по издательствам.

– Это неудачный пример. Кое-что Булгакову удалось опубликовать в первой половине 20-х, ну а потом РАПП, Главлит, идеологический отдел ЦК... Тут уж не до свободы слова.

– Тогда немного о себе, если вы не против.

– Давайте! Это интересно!

– Восемь лет назад я написал роман, по объёму это скорее повесть, принёс его в литературный журнал. Тамошний рецензент сначала похвалил за стиль, но после того, как узнал, что у меня нет ни диплома выпускника Литинститута, ни

членского билета Союза писателей, хотя бы одного из четырёх, после этого он потерял ко мне всякий интерес.

– И чем дело кончилось?

– Предложил сделать из романа небольшой рассказ. На том мы и расстались. В других журналах примерно то же самое.

– Как же удалось пробиться?

– Вы не поверите, на помощь мне пришёл Булгаков.

– Неужели написал положительную рецензию?

Смех в зале.

– Да нет, я уже говорил, что нашёл объяснение нескольких загадочных мест в произведениях Михаила Афанасьевича. Литературоведы давно предполагали, что Булгаков многое зашифровал в своём романе, но разобраться сумели не со всем.

– Ну, например...

– В трёх произведениях упоминается число 302 – вспомните хотя бы дом номер 302-бис, где располагалась «нехорошая квартира». Трижды упоминается и дата 22 декабря. К примеру, в «Белой гвардии» есть такие строки: «Турбин стал умирать днём двадцать второго декабря».

– Интересно! И что же было дальше?

– Турбин вроде бы выздоровел...

– Спасибо! Я «Белую гвардию» читала. Речь не о том.

– Дальше напечатали статью в «Литературной газете», потом вышла книга в одном из московских издательств. Из-

дали ещё несколько книг, однако популярности это мне не принесло.

– Надо было пробежаться гольшом по Тверской, тогда бы ваши книги были нарасхват!

– Спасибо за подсказку, Александр Прокопъич! Помнится, вы стали известны благодаря обилию матерщины в ваших публикациях. Но я пошёл иным путём – решил привлечь к себе внимание книгой о популярном в то время журналисте, политике, поэте и писателе...

– Позвольте угадаю, – перебила Ольга Беглова. – Это Дмитрий Быков?

– В точку! Так вот, когда пишешь о Дмитрие Быкове, особенно о его потугах стать политиком, невозможно обойтись без иронии. В итоге получилось что-то среднее между серьёзной биографией и сатирой.

– Я что-то не припомню такой книги.

– Вы правы, в Москве никто не захотел её опубликовать. А в моём «родном» издательстве случился по этому поводу переполох. Директор настаивал на публикации, а владелец ни в какую! Главный редактор охала и ахала: «Если это опубликуем, как же я выйду на Болотную? Ведь от меня все отвернутся!»

– И правильно сделали, что не опубликовали! У нас оппозиция и так вынуждена прятаться в подполье...

– Вам-то как удалось спастись от наказания, Борис Борисыч?

– А я дюже хитрый и увёртливый...

– Ладно! С вами всё понятно. Так что, Егор Васильевич, книгу-то удалось опубликовать? Я бы почитала...

– Видите ли, Ольга, с тех пор я размещаю свои книги только в интернет-магазине «Амазон». Цена в среднем десять долларов плюс около тридцати долларов за доставку из США...

Шум в зале.

– ...Но для вас у меня найдётся экземпляр из собственных запасов.

– Егор Васильевич! Теперь вы всегда желанный гость на нашем шоу.

– И на том спасибо! Но я хочу вот на что обратить внимание. В московских издательствах фактически существует цензура, а за океаном готовы публиковать всё подряд. Как вам это нравится?

– Ага! Наконец-то прозрел! А то ведь высмеивал не только оппозицию, но даже поднял руку на святое – на внешнюю политику Соединённых Штатов!

– Грег! Так вы читали его книги?

– Имел неудовольствие. Приятель из Нью-Йорка прислал.

– И что?

– Да разве можно подвергать сомнению право великой страны на мировое лидерство?

– Грег, успокойтесь! Мы не будем подвергать, мы просто знаем, что такого права нет в природе. А если появится, так

это будет диктатура.

– Диктатура здесь, у вас!

– Вот вернётся завтра наш диктатор, уж он покажет вам!

А я прошу не отвлекаться от темы нашей увлекательной беседы.

– Ольга, позвольте мне!

– Пожалуйста, Сергей Александрович!

– Вы знаете, я ведь тоже книги и статьи пишу, и никогда никаких проблем с публикацией не возникало.

Хохот в зале.

– Сергей Александрович, дорогой, ну вы и насмешили! Это что же должно произойти, чтобы журналиста из кремлёвского пула отказывались публиковать?

– А кто сможет помешать теперь Суркову? – парировал Сергей Александрович.

– Речь не обо мне! – пояснил Егор. – Речь о тех неизвестных никому писателях, которые ходят по издательствам и всюду получают категорический отлуп.

– Но есть же интернет, в конце концов!

– Во-первых, Ольга, каждому автору хочется подержать в руках собственную книгу, изданную приличным тиражом, причём нужна ещё и реклама, иначе никто не станет читать неизвестного автора. Вы же понимаете, что вкусы нашей публики испорчены примитивным чтивом. Вот и Андрей Ноткин вроде бы предпочитает книги про Гарри Поттера.

– Не обижайте моего Андрея! Ему и так досталось.

– Больше не буду! А что касается интернета, там публикуется столько всякого, пардон, дерьма, что найти стоящую книгу просто нереально.

– Что вы предлагаете?

– Это не я, это президент предложил мне искать талантливых писателей и обеспечить им возможность публикации.

– Мне Егор Васильевич уже обещал!

– Не сомневаюсь! Вы же, Александр Прокопьевич, приставучи как репей, своего всегда добьётесь.

– Ольга, я никому гарантий не давал, – снова сделал уточнение Егор. – Сначала почитаю, что он пишет... А вдруг что-то похлеще матерщины!

– Сочувствую вам, Егор Васильевич. Но как же вы заставите издательства подчиниться вашей воле? Опять возникает призрак всё того же всемогущего, страшного Главлита.

– Никто давить на издателей не будет. Но если они последуют нашим рекомендациям, тогда мы окажем им содействие. Во-первых, государство возьмёт на себя расходы по рекламе этих книг. Во-вторых, возможны кое-какие налоговые послабления для издательств.

– Разумно! Максим Андреевич, что вы на это скажете? Возьмётся ли ваш издательский дом за это дело?

– Почему бы нет? Во всяком случае, можно попробовать, а там видно будет. Впрочем, это мнение рядового журналиста, а решение принимает собрание акционеров.

– Ну что ж, издатели проигнорировали наше ток-шоу, за-

то пришла главный редактор того самого издательства, где поначалу печатали книги Егора Васильевича Суркова. Дарья Олеговна! Так это вы ахали и охали?

– На счёт аханья вы правы. Когда прочитала рукопись первой книги Егора Васильевича, так и сказала себе: «Это мой автор!» Даже редактирование его текстов решила никому не доверять. Впрочем, у него весьма своеобразный стиль, так что редактировать не надо, только небольшая корректорская правка.

– Но ведь охали, когда прочитали рукопись про Быкова?

– Да нет, я быстро нашла выход из этой ситуации. Готова была удалить свою фамилию из выходных данных.

– А почему владелец вашего издательства так упёрся?

– Ну вы же понимаете, в частном издательстве он царь и бог. Признаюсь, я так и не поняла, в чём настоящая причина.

– Если позволите, я поясню.

– Прошу вас, Егор Васильевич!

– По одной из версий владелец издательства вместе с Димой Быковым в детский садик ходил, а по другой – не хотел рекламировать чужого автора.

– Это так, Дарья Олеговна?

– Могу только сказать, что Дима сотрудничал с другими издательствами, а с нашим никогда...

– Дипломатично! А как считаете, будет толк от проекта, который намерен реализовать Егор Васильевич?

– По своему опыту знаю, что талантливых писателей, та-

ких, как он, в наше время совсем немного.

– И куда все подевались?

Никонова снова прорвало:

– Литература скоро дуба даст!

– А как же вы, Александр Прокопьевич?

– На мой век кое-что останется. Я ведь заранее в научпоп ушёл, науку-то пока ещё никто не отменял. И не отменят!

– А вот я думаю, что литературу вытеснит вульгарное чтение. Останутся только Донцова, Пелевин и немного Акунина с его Фандориным.

– Не знала, что вы такой закоренелый пессимист, Николай Викторович!

– Что поделаешь? Се ля ви, как говорят французы.

– Ну что ж, пора подводить итог. Судя по всему, Главлита не будет, ну а Егору Васильевичу пожелаем удачи в его трудной миссии.

– Спасибо! Я постараюсь вас не подвести. О результатах расскажем на нашем сайте egor.surkov.ru.

А сам подумал: «Если бы всё было так просто, тогда можно и без этого ток-шоу обойтись».

Глава 33. Июльские хлопоты

Егор оказался прав – его участие в ток-шоу сработало, однако случилось то, чего он никак не ожидал. В течение следующего дня в адрес его офиса поступило около тысячи электронных писем, а в нагрузку к ним – романы, баллады, трактаты по истории Руси, труды, посвящённые исследованию НЛО, гипотезам возникновения Вселенной и способам переустройства общества, не считая сборников кроссвордов и других загадок для изощрённого ума. Пришлось дать на сайте объявление, что присылать можно только художественную прозу, но было уже поздно. На Егора и Катю обрушился шквал, Ниагарский водопад! В результате оказалась полностью забита память компьютера, а совет директоров Mail.ru Group в категоричной форме потребовал оплатить расходы по обслуживанию сервера, который периодически выходил из строя из-за огромного количества писем с мегабайтными приложениями, которые были адресованы Егору.

Увеличивать штат сотрудников было бесполезно – присылали всё, что отвергнуто издательствами, журналами, газетами, интернет-ресурсами. Причём письма шли даже из самых отдалённых уголков страны – с Чукотки и с Балтийской косы. Несколько сообщений пришло из воинской части, размещённой на Новой Земле, но ещё больше – с кораблей, бороздивших просторы Мирового океана. К счастью, какой-то

добрый человек догадался запретить использование интернета на воздушных судах, иначе пассажиры, скучающие во время длительного перелёта, завалили бы Егора рассказами о своих дорожных впечатлениях и жалобами на отсутствие в меню «Аэрофлота» горячительных напитков.

Перед Егором встал вопрос: «Быть или не быть?» На лавры Гамлета он не претендовал, а тем более не пытался заимствовать мысли у Шекспира, однако необходимо было что-то срочно предпринять. Для начала он закрыл свой почтовый ящик на mail.ru, запер дверь офиса на ключ и вместе с Катей отправился на прогулку по Москве. Катя против этого мероприятия не возражала.

Егору и прежде приходили в голову интересные мысли буквально на ходу, однако в этом случае требовалось нечто большее – что-то вроде мозгового штурма. Конечно, Катя не обладала опытом решения «нерешаемых» задач, но уже успела доказать, что интуицию и здравомыслие вполне можно отнести к её достоинствам.

– Итак, что же мы имеем?

– Тупик! – Катя была весьма категорична.

– Да! Похоже, доверие президента мы не оправдали. Но знаете, Катя, чем труднее задача, тем сильнее у меня желание найти её решение. Давайте прикинем варианты, пусть самые нереальные, на первый взгляд.

– Ну-у, в идеале неплохо было бы иметь компьютерную программу, которая оценивала бы художественную ценность

произведения.

– По каким признакам?

– Например, разнообразие используемых слов. Если в романе используется менее тридцати тысяч корней, он автоматически отправляется в корзину.

– Что ж, это вполне осуществимо, но явно недостаточно. Я бы для начала предложил отсеивать плагиат, такие программы существуют и у нас, и за рубежом. Есть ещё программа "Лингвоанализатор", которая определяет возможного писателя, опираясь на базу данных, содержащую множество авторских текстов. У нас такая база частично уже есть – только придётся добавить тексты признанных писателей, – Егор тяжело вздохнул, представив себе объём информации, который придётся анализировать компьютеру, и продолжал: – Однако дело в том, что никакой компьютер не сможет оценить, насколько интересен сюжет, насколько оригинальны мысли, высказанные автором. Нет, это тупиковый путь.

Несколько минут шли молча, каждый перебирал в уме возможные варианты решения проблемы. Но вот внезапно Катя остановилась и произнесла загадочную фразу:

– А что если эту работу доверить самим авторам?

– То есть? – только и смог произнести Егор, потому что ничего не понял.

– Допустим, мы отправляем автору несколько произведений других авторов. Он должен их прочитать и выставить оценки по пятибалльной шкале. Если оценка какого-то ро-

мана совпадает со средним баллом, который выставили другие авторы, привлечённые в эксперты, тогда... – тут Катя загнулась, но Егор подхватил её идею.

– Тогда его произведение продвигается в очереди на публикацию, если конечно его одобрили другие авторы. Интересная идея! – воскликнул Егор. – Но есть опасение, что завистники могут задвинуть талантливого автора в конец всей этой очереди.

– Егор Васильевич! Нельзя так плохо думать о людях! В конце концов, они должны понимать, что аналогично могут поступить и с ними.

– Пожалуй, вы правы, Катя!

– Ура! Мы нашли решение! – захлопала в ладоши Катя.

– Это ваша заслуга.

– Не согласна!

– Ну ладно, премиальные поделим поровну... Но это потом – сначала посмотрим, что получится из этой затеи.

Вот так, полшутя-полусерьёзно обсудили планы на грядущий день. Егор и не заметил, как они углубились в Чистый переулок – видимо, ноги сами понесли. И вот поравнялись с домом № 6. Егор указал на окно второго этажа:

– А вот здесь жила княгиня Кира.

Катя недоумённо вскинула брови:

– Это кто?

– Единственная женщина, которую любил Михаил Булгаков, – пояснил Егор и тут же пожалел о сказанном.

– Егор Васильевич! – закричала Катя. – Да что ж вы такое говорите! Как можно забыть о Елене Сергеевне, которая была рядом с Михаилом Афанасьевичем почти двадцать лет?

Есть женщины, которые в гневе становятся ещё красивее, однако это не причина для того, чтобы поступиться истиной. Впрочем, к этой мысли Егор пришёл ещё во время первой встречи в здании Сената. Тем не менее, вынужден и теперь вразумлять юную помощницу:

– Вы путаете разные вещи, Катя. Заботливая подруга, любовница, даже наставница в каких-то делах – этого у Елены Сергеевны не отнимешь...

– Но он же воплотил её в образе Маргариты!

– Нет, вы не правы. Когда Маргарита впервые появляется в романе, она совсем не похожа на Елену Сергеевну. Вспомните: «меня поразила не столько её красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!» А госпожа Нюренберг-Шиловская была весьма общительная, энергичная, деятельная женщина. И познакомилась она с Булгаковым на вечеринке, а не в «кривом, скучном переулке», где мастер и Маргарита шли вдоль «жёлтой, грязной стены». Катя, оглянитесь вокруг! Вот этот переулок, а там, в самом начале, жёлтая стена бывшей Пречистенской пожарной части.

– Но этого явно недостаточно, чтобы отвергать то, во что много лет верили тысячи людей, – не успокаивалась Катя.

– Согласен! Тогда процитирую то, что Булгаков написал

в своём дневнике в ночь с двадцатого на двадцать первое декабря, через три года после того, как перебрался в Москву: «Около двух месяцев я уже живу в Обуховом переулке в двух шагах от квартиры К., с которой у меня связаны такие важные, такие прекрасные воспоминания моей юности и 16-й год и начало 17-го».

– И что?

– А то, что вот дом, где Булгаков писал эти строки, – Егор указал на двухэтажный домишко на другой стороне переулка. – Это дом № 9, а Булгаков жил во флигеле, который, увы, не сохранился. Напомню, что Чистый переулок прежде был Обуховым.

– Вы полагаете, что К. это и есть княгиня Кира? Нет, не могу поверить!

Тут впору было ещё раз пожалеть о том, что начал этот разговор, но Егор привык доводить до конца начатое дело. Даже несмотря на возможные последствия – в данном случае всё могло закончиться ненужной ссорой.

– Пожалуй, я бы на вашем месте тоже не поверил, Катя. Но вот смотрите, в середине декабря 1917 года Булгаков приезжает в Москву для того, чтобы получить жалование и оформить увольнение со службы. Но через несколько дней возвращается к жене без копейки денег, якобы всё у него украли.

– Что тут особенного?

– На самом деле, он истратил деньги на подарок Кире!

Дело в том, что двадцатого декабря ей исполнилось тридцать лет.

– Не может этого быть!

– Если доведётся побывать в Париже, непременно посетите кладбище Сент-Женевьев-де-Буа и найдите могилу княгини Киры Алексеевны Козловской. Там, на гранитной плите указаны даты и рождения, и смерти.

– Всё равно этого явно недостаточно, – упорствовала Катя.

– Ну до чего ж вы недоверчивая! Ладно, тогда напомню то, что я говорил на ток-шоу. В трёх произведениях Булгакова упоминается дата двадцать второе декабря.

– Но почему двадцать второе?

– А потому что двадцать первого между Булгаковым и княгиней Кирой произошёл окончательный разрыв. Муж Киры, князь Юрий Козловский вернулся с войны. У супругов двое малых дочерей, а за окном власть большевиков, которая не обещает ничего хорошего. Вполне логично, что семья приняла решение покинуть враждебную им, ставшую чужой Россию. Так что разрыв между Булгаковым и княгиней был неизбежен, – Егор смотрел на Катю с надеждой, поскольку уже не было сил продолжать этот спор. – Что тут непонятного? Поэтому и стал умирать Турбин в «Белой гвардии». Ну а с Булгаковым случилась другая неприятность – чтобы заглушить душевную боль, он увлёкся морфием.

– Возможно, эта дата – просто совпадение, – сделала по-

следнюю попытку Катя.

– А вас не удивляет, что загадочная запись в дневнике появилась в день её рождения? – Егор помолчал, ожидая реакции Кати, а затем продолжил: – Ладно, вот вам ещё одно, не помню уж какое по счёту, доказательство! Я уже говорил в ток-шоу, что в трёх произведениях Булгакова упоминается число 302 – в романе «Мастер и Маргарита» это дом № 302-бис. А теперь назову вам две комбинации цифр: 32-07 и 2-03-27. Первая – это телефонный номер княгини в то время, когда она жила здесь, в доме № 6, ну а второй телефонный номер был у Булгакова в квартире на Пироговке, которую он арендовал в 1927 году. Снова сочетание тех же самых цифр! Неужели снова совпадение?

Казалось, что Катя вот-вот заплачет – легко ли разочароваться в красивой легенде, убедившись в том, что была обманута. Но вот улыбнулась и сказала:

– Сдаюсь! Только мне надо бы всё это переварить.

Смеркалось, пора было расходиться по домам. Но тут Егору позвонили на мобильник. Ольга Беглова предлагала встретиться и кое-что срочно обсудить:

– Лучше бы сегодня.

– Мы тут с Катей гуляем, оцениваем перспективы нашего проекта.

– Катя не помешает.

– Тогда, может быть, у меня?

– Идёт! Диктуйте адрес.

Егор объяснил, как лучше добраться на машине.

– Ну что, Катя? Ольга настояла на встрече с нами. Вы не против? Кстати, книгу о Булгакове и о княгине подарю.

Егор слегка лукавил – понадеялся, что Ольга его не выдаст. Но очень уж хотелось продолжить это не вполне обычное свидание.

– А ваша жена? Как она отреагирует на появление двух девиц? Не много ли на одного? – Катя улыбнулась и прищурила один глаз, ожидая, как Егор вывернется из этой ситуации.

– Я сейчас живу один, иначе вряд ли взялся бы за эту адову работу. Ну а ваш бой-френд?

– Как-нибудь переживёт!

– Ох, какая вы жестокая! Я и не подозревал...

– Вы меня ещё не знаете!

– Тогда поехали!

Глава 34. Посиделки в Черёмушках

Не прошло и часа, как вся компанию собралась в квартире у Воронцовских прудов. Пока Егор готовил на кухне кофе, Ольга и Катя рассматривали картины, развешанные по стенам комнаты. Но вот уселись у журнального столика.

– А вот это замечательно! – заметила Ольга, потягивая кофе.

– «Lavazza». Прямо из Италии, – пояснил Егор.

– Я не о том. Как называется? – Ольга указала на одну из картин.

– «В ожидании музыки».

– Блеск! Очень тонко чувствуете женскую натуру.

– Вы мне льстите.

– Я бы её купила.

– Не продаётся. Могу только подарить.

– Увы! Я дорогих подарков от малознакомых людей не принимаю.

– Ну, как знаете, – улыбнулся Егор.

– Егор Васильевич, а не пробовали выставляться? – спросила Катя.

– А надо ли?

– Сразу поклонницы появятся...

– Да-да. Из числа любителей салонной болтовни, ветеранов станковой живописи с седыми буклями и длинноногих

аспиранток, жаждущих заполучить в мужья успешного художника.

– Вас, я вижу, подобная перспектива не устраивает.

– Нисколько! – Егор подошёл к бару. – Так что будем пить? Шампанское, водку? Может, виски?

– Шикарный выбор! Но сначала о деле, – весьма категорично заявила Ольга.

– Слушаю внимательно.

– Дело в том, что я задумала сделать новый проект?

– А как же «Места хватит всем»? – Егор не смог скрыть огорчения, поскольку с уходом Ольги это ток-шоу в значительной степени утратило бы нынешнюю привлекательность.

– С Ноткиным я работать больше не могу! – воскликнула Ольга, не скрывая раздражения. – Вся эта похабель, эти анекдоты ниже пояса, придурки типа Никонова... Нет, я больше не буду этого терпеть! Вот и над мужем начинают посмеиваться. Не хочу, чтобы он за меня краснел.

– Да, шуточки Андрея не всем нравятся, однако рейтинг программы растёт.

– А мне это по... – воскликнула Ольга, но запнулась. – Ну вот, уже заразилась от Ноткина.

– Ладно, Ольга, вы не переживайте. В любом случае я на вашей стороне.

– И я тоже! – поддержала Катя.

– Большое спасибо, но давайте поговорим о деле, – предложила Ольга, сопроводив эти слова очаровательной улыб-

кой. – Так вот, ко дню рождения Булгакова я хочу выпустить несколько передач на основе того, что вы, Егор, накопили нового в его биографии. Как вам такая идея?

– Что ж, готов поучаствовать, хотя это уже не настолько актуально для меня, как было лет семь назад, когда написал первую книгу о Михаиле Афанасьевиче.

– Лучше поздно, чем никогда, – виновато улыбнулась Ольга. – Проблема в том, что я никак не решу, как это всё оформить. Может быть, опять ток-шоу?

– Нет, не годится, – возразил Егор. – Снова будет галдёж, а тут история любви...

– У меня есть предложение, – воскликнула Катя. – Мы сегодня были в Чистом переулке, видели тот самый дом, где жила княгиня Кира... А что если сделать что-то вроде экскурсии по памятным местам?

– Экскурсия? – Ольга помотала головой. – Это не мой формат. Непременен нужен диалог, чтобы телезритель сам решил, чьи аргументы кажутся ему более убедительными.

– Но спорить не обязательно в студии, можно и на улицах Москвы, – настаивала Катя.

– Мне этот вариант тоже нравится, – согласился Егор. – На свежем воздухе и думается лучше. А подвести итоги спора можно в студии.

Ольга задумалась.

– Вы понимаете, диалог на городской улице это технически куда сложнее. Надо выставить охрану, чтобы никто не

помешал. Так что может в копеечку влететь.

– Однако всё равно не обойтись без натуральных съёмки. С именем княгини и её родных связаны и Чистый переулок, и Никитский бульвар, и Сивцев Вражек. Я уж не говорю про Петербург и про Шаблыкино.

– Ну вы и замахнулись! Это тут при чём?

– Вот прочитаете мою книгу и всё поймёте.

– Обязательно почитаю! А пока сами расскажите... Я должна прикинуть, что и как. Времени осталось немного, надо торопиться.

– Ну что ж, приступим!

Егор достал с полки несколько книг, включил компьютер, где можно было посмотреть фотографии в приличном разрешении, и началась работа.

Часа через два, когда успели уже многое обговорить, Ольге позвонили по мобильнику.

– Марк! Что случилось? ... Я работаю... Обсуждаем формат новой передачи... Нет, не в Останкино... Ну что за ерунда тебе приходит в голову! ... Если хочешь, приезжай! Егор, вы не против?

– Да ради бога! Всегда рад дорогим гостям.

Ольга объяснила мужу, как доехать, и, повесив трубку, вздохнула с явным облегчением:

– Вы извините! Он у меня очень уж ревнивый.

– Могу его понять.

– Егор! – вскинулась Ольга, смерив Егора надменным

взглядом. – Я вроде бы не давала повода подозревать себя в чём-то недостойном!

– Да нет, речь не о том. Но по себе знаю, что быть мужем красивой женщины это мука! Всё время думаешь о том, как бы её не потерять...

– Прощены! – Ольга улыбнулась. – Ладно, не будем отвлекаться на пустяки...

А через четверть часа примчался Марк. С удивлением посмотрел на журнальный столик, где были разложены книги, заглянул на кухню, скользнул взглядом по картинам и, видимо вполне удовлетворённый, сел на диван и только тогда представился:

– Марк, муж этой непоседливой дамы.

– Ты быстро, мы еле успели бутылки со стола убрать.

– Во-первых, дорогая, у меня мигалка! А во-вторых, про бутылки ты не ври, я запах спиртного за километр чувствую. Кстати, почему бы не налить?

– Бедняга! Переволновался...

Судя по всему, Ольге нравилось и то, что муж её ревновал, и то, что готов мчаться через всю Москву, чтобы убедиться в её верности супружескому долгу.

Что ж, Егор достал из бара выпивку, причём делал это без особого восторга. Увы, не те уже времена, чтобы пьянствовать в компании очаровательных девиц, заранее зная, что и тебе самому что-нибудь обломится.

После второй рюмки у Марка развязался язык, хотя похо-

же, что и в трезвом состоянии он был весьма словоохотлив.

– Кстати, а откуда у тебя мигалка? – спросила Ольга.

– Так я машину Кости Докутовича на время взял. Ему сейчас не до поездок – сидит, дрожит, как осиновый лист, и ждёт, когда за ним придут...

– Что такое? – испуганно вскрикнула Ольга и оглянулась на входную дверь, словно ожидая, что вот она откроется, и кто-то войдёт, чтобы арестовать заодно и её мужа.

– Да нет, я не то хотел сказать, – тут же нашёлся Марк. – Ты же знаешь, скоро президент назначит нового премьера, и если нынешний окажется не у дел, Костя тоже пролетит... Тогда всего можно ожидать. Коммуняги давно требуют, чтобы нас отдали под суд.

– Тебя-то за что?

– Хотя бы за то, что состоял в «Яблоке».

– Так это когда было...

Егор и Катя не вмешивались в разговор, однако слова о том, что за Докутовичем могут прийти, заставили Егора вспомнить о деле, которое занимало его мысли до назначения на нынешнюю должность. Выходит, он был прав, более того, в число заговорщиков входили также люди из свиты Докутовича, что вполне логично. И вот теперь они со страхом ждут, чем эта неудавшаяся затея закончится для них. Поэтому Марк и налегает на коньяк...

– А вы чем тут занимаетесь? – спросил Марк, переводя разговор на другую тему.

– Да я тебе рассказывала! Президент назначил Егора советником по литературе...

Но Марк не дал закончить фразу:

– Очередная блажь! То ордена раздаёт неведомо кому, то стадионы строит, на которых некому играть... Теперь вот это! – Марк перевёл дух. – Вы тут всякой ерундой занимаетесь, а мы страну от голода спасаем.

– Неужели так плохо? – удивилась Катя.

– А вы что думали? На нас ополчился весь цивилизованный мир, курс рубля скоро упадёт ниже плинтуса, а мы тратим деньги на войну... Ну скажи, Егор, зачем нам этот Крым?

– Когда был помоложе, я там каждый год отдыхал. Есть такое местечко, Новый Свет...

– Ну и что?

– Жаль его отдавать этим нацикам из Киева!

– Ай! Опять кремлёвская пропаганда!

– Марк! Придержи язык, а то меня из НТВ попрут как чуждый элемент, – взмолилась Ольга.

– Не беспокойтесь! Мы не донесём, – Егор улыбнулся и посмотрел на Катю. – Ведь правда!

– Обижаете, начальник!

– Нет, ребята, ну скажите мне, куда мы катимся? – Марк продолжал гнуть всё ту же линию.

– Как ни странно, это правильный вопрос. Если только под словом «мы» понимать всё человечество, – уточнил Егор.

– Да бросьте! В демократических странах народ пользуется всеми благами цивилизации, а у нас старухи моются в корытах!

«Где-то я такое уже слышал...», – мысленно Егор готов был послать этого болтуна куда подальше, а вслух спросил:

– Неужели вы подсматривали?

– Тьфу на вас! Я же это фигурально, – обиделся Марк. – Но согласитесь, что по части элементарных удобств мы на много лет отстали от того же Запада.

– Да я не спорю! – отвечал Егор. – Но лучше бегать на улицу по нужде и мыться в тазике, чем слышать за окном не вопли мартовских котов, а нежные признания в любви в исполнении геев или лесбиянок.

– И чем они вам досадили? Пусть делают, что хотят!

– Если у себя дома, я не возражаю! Но пусть не выносят на всеобщее обозрение явные дефекты своей психики.

– Причём тут психика?! – возмутился Марк. – Это у вас в голове не всё в порядке! Это вы ведёте страну к полной катастрофе!

Егор хотел возразить – в конце концов, Марк работает в правительстве. Но Ольга не позволила ответить:

– Ладно, давайте оставим в покое этих геев. Ещё по глоточку, и разбежимся по домам!

Но Марк уже завёлся – он ткнул пальцем в Егора и воскликнул:

– Ты не любишь либералов!

– Да, я не люблю либералов, – спокойно отвечал Егор.

– Но почему?! – взревел Марк, причём его лицо выражало и безмерное отчаяние, и надежду, словно бы от ответа на вопрос зависела судьба многих поколений.

Впрочем, так оно и было, если вдуматься. Поэтому Егор не спешил с ответом, но, собравшись с мыслями, сказал:

– Вы не поверите, Марк, но тридцать лет назад моим кумиром был Юрий Афанасьев. В начале 90-х я защищал Гайдара в спорах со своими коллегами, которые тосковали по советским временам. А затем постепенно наступило разочарование – я понял, что в политике вы абсолютно ничего не понимаете. Ведь всё начисто просрали! Единственный результат – лихие люди благодаря вашим стараниям сделали себе миллиардные состояния и отщипывали вам по кусочку, чтобы вы завоевали власть. А толку всё равно никакого! Знаете, почему? Да потому что ваша лидеры ежедневно демонстрируют свою немощь, свою интеллектуальную серость! Вы – это крохотный серый квадратик на карте огромной страны под названием Россия.

Было похоже на то, что Марк лишился дара речи. Он смотрел на Егора и не мог ничего сказать. На самом деле, его возмущению не было предела: «Да как посмел! Да за такие слова...»

Положение спасла Ольга. Каким-то бесцветным голосом она произнесла несколько дежурных фраз:

– Егор! Спасибо за угощение. Я сейчас вызову такси. Катя,

вас подвезти?

– Нет, я тут совсем недалеко...

– Ну тогда счастливо оставаться.

Егор проводил их до двери и вернулся в комнату.

– Похоже, что передачи о Булгакове не будет.

– Вы огорчены?

– Да нет, я не очень-то надеялся...

– А что это за серый квадрат? – спросила Катя, чтобы отвлечь Егора от грустных мыслей.

– Так называется одна из моих книг, как раз о либералах.

– Я бы почитала...

– Да-да, я сейчас вам книги подберу, – засуетился Егор.

Вечер закончился, так и не начавшись. А всё потому, что ни то, ни сё – Ольга наверняка обиделась за мужа, а Катя поспешила уйти, даже не позволив проводить себя до дома. Впрочем, оказалась, что её квартира располагалась в том шикарном здании для привилегированных особ, где в марте случилась неприятность с участием спецслужб. Тут и вправду совсем недалеко, пять минут пешком через Воронцовский парк.

Глава 35. Плагиат

В доме № 3 на Воронцовских прудах обитал ещё один гражданин, который заслуживает упоминания в связи с событиями той весны. Впрочем, ни к попытке госпереворота, ни к путешествиям во времени он не имел никакого отношения, однако коль скоро одним из действующих лиц этой драмы стал Егор, нельзя пройти мимо личности Юрия Александровича, отца нашей милой Кати.

Вот какой разговор произошёл между ними сразу после того, как Катя вернулась с посиделок у Егора.

– Напрасно, Катя, ты не пошла на истфак. У меня есть такой материал – пальчики оближешь! Кандидатскую можно написать за пару месяцев. Да что кандидатская – докторская в ВАКе пройдёт на ура! Я тебе это обещаю.

– А зачем мне это нужно?

– Ты что, не понимаешь? Докторская – это слава, деньги, почёт! Это солидная должность! Вот меня не станет – на что тогда будешь жить?

– Папа! Я же говорила – эта наука не для меня. Хочешь, чтобы я копалась в архивах всю оставшуюся жизнь?

– Ты ничего не понимаешь! В архивах пусть копаются твои ученики – студенты, аспиранты... А ты будешь ставить свою фамилию на обложке книги.

– Фу! – Катя фыркнула. – Неужели все так делают?

– А как же иначе? Мне приходится руководить солидным институтом, поэтому нет времени, чтобы писать книги и статьи.

– А по-моему либо то, либо это. Егор Васильевич сам пишет.

– Это твой начальник, что ли?

– Да! Вот взяла у него несколько книг почитать. Одна книга о Булгакове.

– О Булгакове пишут все, кому не лень. Ничего нового невозможно написать. Всё давно открыто и исследовано.

– А вот и нет! Он мне такое рассказал!

– И ты, дурочка, поверила?

– Представь себе, поверила!

– Да кому он нужен, твой Булгаков? Пусть себе пылится на книжных полках. А тут новое слово в истории Древней Руси. Ты послушай! Оказывается, русы пришли на Днепр из Паннонии, с острова в междуречье Дуная и его притоков. Ты понимаешь, тут всё сходится – и то, что писали франки и греки, и даже то, о чём поведали арабские географы...

– Так почему же сам книгу не напишешь? То есть не сам, конечно... Дай поручение своим сотрудникам.

– Увы, это не моя специальность. Все знают, что я занимаюсь новейшей историей, писал о банковском деле в России, о клане Рябушинских. А тут руги, девятый век...

– Откуда же это счастье на тебя свалилось?

– Да понимаешь, какой-то дилетант на днях прислал ста-

тью в один из наших научных журналов. Однако материал слабый, на серьёзную публикацию не тянет, – Юрий Александрович скорчил рожу, изображая сочувствие к неведомому автору. – Жаль, если пропадёт! Вот и думаю, куда его девать.

– Ладно, дай почитать!

– Вот умница! Вот это дело!

Катя взяла папку с рукописью и ушла к себе, а Юрий Александрович, потирая руки и пританцовывая на ходу, отправился на кухню. У него разыгрался аппетит.

Катя и не собиралась читать эту рукопись – история Древней Руси её никогда не увлекала. Однако надо же как-то ублажить отца, иначе будет уговаривать до самого утра. Она разложила на диване книги, которые подарил Егор, и вдруг... И вдруг такая неожиданность! Дело в том, что на обложке одной из книг было написано: «Тайны IX века: начало Руси». Уж слишком много совпадений для одного дня, если припомнить то, что рассказал Егор про княгиню и Булгакова. Катя раскрыла книгу, просмотрела оглавление и не поверила своим глазам. Там были упомянуты и «Остров русов», и некая «Дунайская версия». «Похоже, это неспроста», – подумала Катя и углубилась в чтение глав, которые привлекли её внимание.

Малопонятный текст поддавался очень трудно, но Катя и не собиралась вникать в суть. Была бы под рукой программа по выявлению плагиата, всё могло пойти куда быстрее. А тут

приходилось сравнивать строки из рукописи и из книги. Однако через пару часов дело было сделано – Катя убедилась, что тексты в значительной степени идентичны, только рукопись короче и без иллюстраций.

Так кто же у кого списал? Спрашивать отца бессмысленно – автор в рукописи не указан, а ведь отцу именно в таком виде её и передали. Позвонить Егору? Нет, это явно преждевременно.

Катя нашла в выходных данных книги ссылку на интернет-магазин amazon.com, который выполнял функции издательства, и через несколько минут на экране её ноутбука красовалась обложка этой книги. Там же указана и дата публикации – пятое февраля. То есть прошло почти три месяца с тех пор, как Егор отправил на «Амазон» готовый макет своей книги. А ведь нужно было время, чтобы написать текст – это ещё пара месяцев. Отсюда однозначно следовало, что он не мог воспользоваться рукописью, которая поступила в редакцию журнала несколько дней назад. А что если Егор её и написал?

Ночью Катя почти не спала – всё думала, как ей поступить. Следующий день прошёл в хлопотах – вместе с Егором пытались как-то сдвинуть свой проект с мёртвой точки. Ну а когда собрались уходить домой, наконец, решилась:

– Егор Васильевич! Можно я поживу у вас?

– Катя! Что случилось? – всполошился Егор.

– Не спрашивайте! Так можно или нет? – настаивала Катя,

а между тем, слёзы наворачивались на её глаза.

– Если уж возникла необходимость, лучше бы у подруги...

– Подруги далеко живут, а вы совсем рядом... Если понадобится забежать домой...

– Катя! Вы поймите меня правильно... Холостой мужчина, к тому же ваш начальник...

– Бойтесь, что заподозрят в сексуальных домогательствах? – улыбнулась Катя.

– Да нет! Просто не хочу вас компрометировать.

– Тогда договорились! Я видела симпатичный диванчик у вас на кухне. Вполне там помещусь. А своим скажу, что переночевала у подруги.

Слёзы высохли. Теперь они были не нужны...

– Ну что тут поделаешь? – Егор развёл руками, не видя других поводов для того, чтобы отказать.

«По сути, чисто риторический вопрос. Конечно, надо девочке помочь, но с другой стороны, не хотелось бы изменять своим привычкам. Что ж, придётся немного потерпеть, а там посмотрим».

Терпеть пришлось совсем недолго. Уже по дороге к нему домой Катя клевала носом, а после ужина сразу улеглась на тот диванчик. В сущности, ничего не изменилось – Егор мог заниматься своими делами, не обращая внимания на то, что интерьер кухни немного изменился.

А среди ночи он услышал странный звук, будто кто-то крадётся по комнате на цыпочках. Чуть разомкнул глаза...

В лунном свете полуобнажённая женская фигура смотрелась совершенно не реально, словно призрак прошлого пробрался в его дом. Спросонья никак не разобрать, кто бы это мог быть – память хранила немало подобных воспоминаний, но тут совсем не то. Потому что до него дошло: «Да это ж Катя. Что она здесь делает? Неужели провокация? А потом попрут со службы... Нет, граждане, мне это ни к чему!»

Но не успел Егор приподняться на постели, как девушка подошла к письменному столу, схватила ноутбук и выпорхнула в дверь. «И как прикажете это понимать? Конечно, можно предположить, что захотела пообщаться со своим бойфрендом. Допустим, ей приспичило это сделать среди ночи, однако могла бы попросить... Впрочем, разбуди она меня по такому случаю, я бы очень-очень далеко её послал!» Как ни странно, эта мысль Егора успокоила – видимо, очень уж хотелось спать. Он повернулся на бок и постарался выбросить из головы это странное видение.

На самом деле, Кате не нужен был ни скайп, ни интернет. Её интерес вызвала папка под названием «Начало Руси», а в ней файл «Дунайская версия» – Катя просмотрела его от начала до конца и убедилась, что Егор сам раскопал информацию про «Остров русов» в Придунавье и ни у кого ничего не списывал. В этой папке она обнаружила и текст статьи, которую Егор отправил в журнал.

Во время завтрака Катя держала себя так, будто ночью ничего особенного не случилось. В сущности, это чистая прав-

да, если иметь в виду то, что могло произойти между Егором и очаровательной девушкой в былые времена, окажись они в подобной ситуации. Ну а сам Егор всё никак не мог понять – приснилось или нет? И наконец, спросил:

– Катя, вы не страдаете лунатизмом?

Катя чуть не поперхнулась...

– Егор Васильевич! Что за нелепые подозрения! Плохо спали?

– Да нет, спал я хорошо, но среди ночи меня посетило чудное видение...

– Эротический сон? Это бывает у мужчин.

Катя улыбалась, но было видно, что ей не по себе.

– Давайте оставим в стороне эротику, – предложил Егор. – Можете ответить, зачем вам понадобился мой ноутбук?

– Что тут удивительного? – не растерялась Катя. – Захотела поболтать со своим бойфрендом.

– Я проверил, но не нашёл ни отправленных сообщений, ни свидетельств того, что вы беседовали по скайпу. Вообще, никаких изменений в компьютере. Что же вы тогда искали? Признайтесь, кто вас подослал – ФСО или ФСБ?

– Да как вы смеете!

Лицо Кати покраснело, глаза горели, ещё чуть-чуть, и Катя могла запустить в него тарелкой... Но Егор молчал, и Катя понемногу успокоилась.

– От вас я такого не ожидала, – сказала, тяжело дыша.

– Поверьте, Катя, у меня есть основания опасаться... Не

вас, конечно, но всякое может быть. Вы ведь многого не знаете.

– Так расскажите!

– Не могу! – помотал головой Егор, – это не моя тайна.

– Ну вот и я тоже не могу...

– Да бросьте! Какие могут быть тайны в вашем возрасте?

Катя задумалась: «Сказать или не сказать? Если промолчать, тогда можем поссориться». Этому Кате точно не хотелось.

– Я хотела убедиться, что именно вы автор той «дунайской версии».

– Зачем вам это надо?

Катя снова задумалась.

– Егор Васильевич! А что бы вы сделали, если бы вашими материалами воспользовался некто, чтобы защитить диссертацию, при этом не сослался бы на вас?

– Неприятно, конечно, но что поделаешь?

– Да что ж это такое? У вас крадут целое открытие, а вы и бровью не ведёте!

– Катя, успокойтесь! Во-первых, это всего лишь версия, а во-вторых, каждый человек может ознакомиться с ней, если закажет мою книгу на «Амазоне».

– Но вы же понимаете, что доставка книги из Штатов стоит очень дорого. Такое удовольствие не каждому жителю России по карману. Поэтому ваш приоритет будет очень трудно доказать. Вор станет утверждать, что вы одновремен-

но с ним пришли к одним и тем же выводам.

– Да, в науке так бывает.

– И что? Вы готовы смириться?

Егор только развёл руками.

– Егор Васильевич, я вас не узнаю! Взялись за грандиозную задачу, а тут пасуете в простейшем случае.

«Вот ведь достала! Сама же сказала, что нам предстоит решить более важную проблему, а тут вся эта суета...» И в то же время Егор понимал, что желанная цель недостижима, если не обращать внимания на плагиат. Смущало только то, что для издания книги или для публикации статьи придётся использовать свою нынешнюю должность, тот самый административный ресурс, который стал уже притчей во языцех.

– Так что вы предлагаете? – спросил у Кати, словно бы перелагая на неё ответственность за принятие решения.

– Это же просто! – радостно вскричала Катя. – Надо снова отправить статью в журнал, поставив подпись «советник президента». То же самое нужно сделать и с рукописью вашей книги. Хотите, я сама отвезу её в издательство?

Лицо Егора скривилось, как будто заболели зубы. Однако ничего тут не поделаешь – нельзя же останавливаться на полпути.

Глава 36. Затишье перед бурей?

К середине августа всё постепенно успокоилось. Ни сообщений в прессе о перестановках в правительстве или в генералитете, ни новых пакостей от заокеанских «партнёров», ни имитаций химических атак в Сирии. Вообще ничего, что мешало бы прочувствовать приближение грибного сезона. Вот только США вышли из ядерной сделки с Ираном, но это как-то можно пережить. Ну и признание правительством Германии «третьего пола» немного удивило.

Итак, пора было отдохнуть и от политики, и от окололитературной суеты, которая порядком надоела. А тут как раз Катя предложила поехать к ним на дачу, мол, соберутся друзья отца, будет интересно. Ну а наскучат разговоры, можно прогуляться по лесу.

Пришлось тащиться в Новодарьино – это были те самые «Академические дачи», которыми советская власть одарила наиболее достойных деятелей науки и искусства ещё в шестидесятые годы прошлого столетия. А позже Одинцовский район стал заповедной территорией для московской элиты, где в довольно тесном соседстве расположились и Барвиха, и Николина гора, и Дубки, и Горки-2, и даже резиденция Платова в Ново-Огарёво, не говоря уже о многочисленных дачных посёлках, в которых обосновались крупные бизнесмены и чиновники высшего звена. Егор бывал в таком же ака-

демическом посёлке, но к северу от Москвы, в Мозжинке. А тут как-никак юго-запад, Рублёвка, что значительно престижнее.

Впрочем, загородный особняк Катиных родителей был построен вовсе не в том стиле, которому отдавал предпочтение нынешний бомонд, да и сама Катя, если судить хотя бы по её нарядам. Один из них Егор имел возможность оценить ещё в Кремле, когда встретил Катю в здании Сената – скромно, но вполне на уровне современной моды. Здесь же перед ним предстала старая двухэтажная халупа, которая наверняка не перестраивалась ещё с тех пор, как Никита Хрущёв подарил учёным эти дачи.

Катя встретила Егора в предельно открытом голубом бикини. Очаровательная девушка, ничего не скажешь! Приятно было бы лежать с ней рядом на пляже в Новом Свете. Впрочем, и здесь в тени около тридцати градусов по Цельсию, так что, пока не собрались все гости, можно позагорать, что Егор и сделал. Хотел было представиться хозяевам, но Катя не позволила – говорит, ещё успеешь. Да и сам Егор не любил все эти церемонии – познакомиться можно и за праздничным столом.

Они ушли на край дачного участка, где за берёзовой рощей скрывалась небольшая поляна, а посреди неё бассейн. Для плавания это рукотворное создание было мало приспособлено – чтобы преодолеть его, достаточно сделать два-три гребка обычным кролем, но освежиться в жаркую погоду

можно и в таком «корыте».

Кате не раз приходилось оправдываться перед гостями, которые не могли скрыть своего удивления – допотопный вид загородного дома никак не соответствовал должности директора академического института. Видя их косые взгляды, Катя объясняла, что отец заботливо относится к любой старине – это вполне логично для историка. Поэтому не позволил даже сделать косметический ремонт – хотел сохранить всё так, как было в прежние времена. Конечно, нежелание модернизировать своё дачное хозяйство можно объяснить ностальгией по прошлому, однако бывает и гораздо хуже. В тот раз, когда Егор приехал в Мозжинку, чтобы навестить приятеля, его попросту шокировало соседство посудомоечной машины, электрической плиты и кондиционера с девственным сосновым лесом, вид на который открывался из окон этого особняка. И вот, когда Катя рассказала всё о прежних хозяевах этого дачного участка, Егор, указав на роскошные коттеджи, расположенные поодаль, поинтересовался:

– А кто же в них живёт?

– Честно говоря, из новых жителей посёлка я никого не знаю. Здесь вообще мало тех, кого можно отнести к высшему свету. Хотя видели тут одного.

– И кто же это?

– Костя Докутович. Помните такого?

– Да-да, о нём ещё рассказывал Марк. Так у него здесь

дом?

– Не знаю! А дело в том, что мой приятель, он на соседней улице живёт, установил видеокамеру, чтобы подглядывать за соседями, а потом всё это выложить в сеть, если будет интересно.

– Надо признать, малопочтенное занятие.

– Да я ему говорила, но он не из тех, кому можно что-то доказать. Упёртый, хуже некуда! Так вот, на этом видео он и разглядел Докутовича.

– И что?

– Да ничего! Ни семейных скандалов, ни пальбы по воробьям... Потому и в сеть ничего выкладывать не стал.

– Запись сохранилась?

– Да, я прямо сейчас могу на ваш смартфон её адрес скинуть. А зачем вам это?

– Книгу хочу о Докутовиче написать, – улыбнулся Егор.

Конечно, Катя не поверила, но уже привыкла к тому, что её начальник себе на уме, ничего лишнего никогда не говорит. Ведёт себя как законспирированный агент, а не писатель. Тут пригласили к столу, и разговор о Докутовиче пришлось прервать.

Публика на даче собралась довольно разношёрстная. Журналист либеральных убеждений, политолог из кремлёвского пула, экономист и парочка историков, не считая жён. Причём одна из них тоже оказалась историком – это была та самая дама, которая написала на статью Егора убойную ре-

цензию. Однако в профессиях и политических пристрастиях гостей Егор разобрался далеко не сразу.

После того, как выпили за мир во всём мире, разговор зашёл о том, кто же на самом деле правит в этом мире и можно ли надеяться на справедливое мироустройство при таких правителях.

– Есть мнение, что вся власть сосредоточена в чьих-то невидимых, но очень могущественных руках. То есть существует некая теневая структура, а её представителей мало кто знает в лицо.

Эти слова хозяин дома произнёс, поглядывая на гостей несколько свысока, так, будто он знал то, что было неизвестно никому другому.

– Ерунда! – возразил экономист. – И Бильдербергский клуб, и Римский клуб, и Трёхсторонняя комиссия это собрания пикейных жилетов, не более того.

– Ничего себе пикейные жилеты! Я вот слышал, что именно на заседании Бильдельбергского клуба было принято решение заменить Ельцина на Платова, – не сдавался Юрий Александрович.

– Да бросьте вы! Зачем тиражируете бабьи сплетни?

Экономист был небрит и потому производил впечатление интеллектуального бомжа, у которого вошло в привычку шокировать общество не только внешним видом, но и довольно резкими высказываниями.

– Тогда чем вы объясните частые встречи Платова с Кис-

синджером? Они встречались раз пятнадцать. Киссинджер, между прочим, один из самых влиятельных членов Бильдерберга.

– Ну любят поболтать о том о сём бывшие разведчики. Что в этом удивительного? – отмахнулся «бомж».

– А вот давайте я вам процитирую, – Юрий Александрович встал из-за стола, достал с полки книгу и стал читать: «В мае 1998 года мировую финансовую элиту беспокоила проблема сохранения стабильности в России: позволит ли Ельцину состояние его здоровья эффективно управлять страной? Скорее всего, именно тогда возникла мысль о том, что пора подыскать нового человека на эту должность – понятно, что решающее слово должен был сказать народ России, но одна из особенностей современной демократии состоит в том, что мнением людей легко манипулировать. Поскольку бывший вице-премьер Чумкис был приглашён на заседание Бильдербергского клуба всего лишь как эксперт, он никак не мог повлиять на принятие решения – своё слово должен был сказать куда более авторитетный человек. На эту роль подходит только постоянный член Бильдербергского клуба Генри Киссинджер, который был неплохо знаком с тем, что происходит в России ещё с тех пор, как входил в комиссию "Киссинджер-Собчак" в 1992 году. Именно Киссинджер мог предложить кандидатуру Платова. А всё дальнейшее – это уже дело техники, поскольку Чумкису нетрудно было убедить Ельцина, что именно Платов способен навести порядок

в государстве, а если станет президентом, то защитит от нападков недругов и самого экс-президента, и его семью». Ну и как вам это?

– Вы заблуждаетесь, Юрий Александрович! – вмешался политолог.

– Это не я сказал, это автор книги...

– Ну значит, и вы, и он! Платов вполне самостоятельный политик, и какой-то Киссинджер ему явно не указ.

Спросив разрешение у дам, политолог снял пиджак, обнажив синюю жилетку. Видимо, приготовился к жестокой схватке.

– Так дело не в этом! – не сдавался Юрий Александрович. – Речь о том, что закулисные силы могут влиять на политику России, проталкивая во власть своих людей.

– С этим можно согласиться, – кивнул бомж-экономист. – А вообще, должен вам сказать, что политика это искусство возможного. Я как человек, который сделал какую-никакую карьеру, могу сказать: чем ты выше поднялся по карьерной лестнице, тем сильнее у тебя руки связаны. Поэтому я бы отбивался от поста премьера руками и ногами. Ну потому что работы выше крыши, кругом сплошь враги, бездельники, которые сами работать не умеют, а другим мешают, и все берут взятки, конечно, если дают.

Гости одобрительно загудели, за исключением политолога. Пока тот собирался с мыслями, хозяин дома решил удивить гостей ещё одной цитатой:

– Коррупция это огромная проблема для любой власти. Вот что Фрэнсис Фукуяма говорил в одном из интервью анализируя причины коррупции: «Имеются два отдельных свода моральных правил: для семьи и для "улицы", планка последнего гораздо ниже. Если вы оказываетесь избранным в общественное учреждение, то ваше первое моральное обязательство в известной мере состоит в том, чтобы красть для семьи».

Пока гости переваривали эту цитату, тщетно пытаясь придумать хоть одно возражение, Егор решил подключиться к разговору:

– Фукуяма прав! И ничего с этим не поделаешь, поскольку человеком управляют его инстинкты.

– А как же разум? Мы должны хоть чем-то отличаться от обезьян, – недоумевал Юрий Александрович, искоса поглядывая на своё отражение в застеклённой дверце книжного шкафа.

– Разум нынче в дефиците, как это ни прискорбно. Ну вот смотрите, разве может умный человек так глупо вляпаться, как министр Улюкаев, – экономист с победным видом оглядел гостей и, ни с кем не чокаясь, выпил рюмку водки.

– Так его же ваша власть подставила! – воскликнул либеральный журналист.

– Во-первых, не моя, – сказал, как отрезал, экономист. – А во-вторых, умные люди не попадают в такие ситуации.

– Ну а Навальный? – не сдавался борец с «кровавым ре-

ЖИМОМ».

– Нет уж, избавьте нас от обсуждения поступков этого тупого горлопана.

– Но он единственный, кто решается говорить правду о коррупции.

– Стопроцентная правда – это просто пытка! Общество погибнет, если все абсолютно будут говорить правду...

– Что же вы предлагаете? Пусть воруют, а ваш Платов их будет прикрывать?

– Да как вы не понимаете! – закричал политолог, расстёгивая синюю жилетку. – Платов работает не один, он в команде. И он спрашивает этих людей: ребята, вы со мной готовы идти вот по этой дорожке? Ему скажут: нет, по этой ни за что, только по той. И что он будет с ними делать? Вот и приходится кое с чем мириться, в чём-то уступать, кого-то прощать, и только если человек зарвался, тогда он даёт команду наказать.

– К сожалению, правы те, кто не видит альтернативы Платову. Если он сейчас уйдёт, а на его место придёт, к примеру Алексей Навальный или Илья Яшин, эта ситуация не изменится в лучшую сторону. У меня есть ощущение, что будет только хуже, – произнося эти слова, журналист налил себе водки, но пить не стал, видимо, опасался, как бы и в самом деле ему не стало хуже.

– Господа! – воскликнул Юрий Александрович, пытаясь увести разговор от скользкой темы. – Дамам надоело слу-

шать про политику. Вот тут появилась новая версия происхождения русского народа...

– И что, эта версия может объяснить то, что с нами теперь происходит? – усмехнулся бомж-экономист.

– Да нет! Но вот что радует – она, по сути, ставит крест на скандинавской версии, которой все мы уже по уши наелись.

– Не могу с вами согласиться, дорогой Юрий Александрович! – эти слова произнесла немолодая дама с внешностью члена Президиума Академии наук. – Попытка связать летописную русь с пресловутыми ругами контрпродуктивна.

– Что вы имеете в виду, Ирина Геннадиевна? Скандинавы вам больше по душе?

– Дело совсем не в этом. Правду мы всё равно никогда не узнаем, так зачем же вносить раздор и смуту в научную среду? Ведь может оказаться так, что десятки диссертаций и книг нам придётся выбросить на помойку. Мало того, мы будем вынуждены заново переписывать учебники. А в результате что? Один миф заменим на другой!

– Ну почему же миф? Ни одна версия, кроме этой, не может объяснить данные арабских географов об «острове русов» и о «трёх городах русов».

– Вы извините, Юрий Александрович, но я остаюсь при своём прежнем мнении. А ваше отношение к традиционным версиям начала Руси мы обсудим на Президиуме.

Назревал скандал. Обиженная непониманием своего коллеги, дама встала из-за стола и направилась к выходу из ком-

наты. Юрий Александрович кинулся за ней, пытаясь уговорить её остаться. Ну а Егор воспользовался временным замешательством среди публики, чтобы уйти не попрощавшись. Только Кате издали помахал рукой.

Вечером Егор посмотрел ту видеозапись, о которой рассказала Катя. Это было гораздо интереснее, чем присутствовать при «разборках» профессионалов от истории. И вот что он увидел.

22 марта на территорию дачи въехал джип с мигалкой и автофургон. Из джипа вышел Докутович, и грузчики по его приказу стали из автофургона выгружать мебель – какие-то шкафы, комоды... Сразу после того, как мебель перенесли в дом, Докутович уехал, и в течение нескольких дней на территории дачи не было никакого движения, только иногда, да и то поздно вечером, на крыльцо выходили мужики, чтобы покурить на свежем воздухе. В общем, ничего интересного, за исключением того, что отсутствие всякого движения вне дома в светлое время суток вызывало подозрение – словно бы кто-то прятался от посторонних глаз. Но вот двадцать шестого марта, в понедельник, обстановка изменилась кардинальным образом. Снова приехали джип и автофургон, снова Докутович давал указания, а вслед за тем мебель погрузили в кузов фургона, причём было видно, что очень торопились. Вскоре после того, как уехали, Катин приятель остановил запись, и теперь Егору предстояло прийти к какому-то решению. Ясно было, что дело не чисто, однако недостаток ин-

формации не позволял сделать сколь-нибудь правдоподобные выводы.

Так что же предпринять? Идти к президенту со своими подозрениями? Прежде, чем побеспокоить Платова, Егор решил позвонить Руслану, но оказалось, что тот, получив желанный чин генерал-майора, отправился ловить шпионов на Таймыр. Нет, этот Егору явно не помощник. Похоже, ему заткнули рот, чтобы больше не навел тень на плетень, то есть на чиновников высшего звена. Тогда какой же смысл добиваться разговора с президентом?

Глава 37. Реакция на мифы

Причина, по которой Ольга Беглова собиралась сделать передачу о Булгакове и княгине Кире, заключалась в том, что дело шло к разрыву с Ноткиным. Двум амбиционным журналистам стало тесно в рамках одного ток-шоу. Однако случившееся на квартире у Егора поставило крест на булгаковской теме – Ольга не прощала обид, особенно если кто-то подверг сомнению авторитет её супруга. Вот так и возникла идея сделать нечто на злобу дня, но уже без Ноткина, без его шутов и анекдотов «ниже пояса». Там два десятка горлопанов в течение двух часов пытаются перекричать друг друга, ну а Бегловой по нраву более спокойная, камерная атмосфера.

И вот на НТВ вышла новая программа под названием «Реакция Ольги Бегловой». Егор так и не понял – то ли это реакция на Ноткина, то ли на скандал, случившийся в его квартире. Самым интересным оказался пятый выпуск этой передачи. Как и положено, вступительное слово произнесла сама Беглова:

– Уважаемые гости! Дорогие телезрители! Случилось невероятное событие. Мы сделали то, что никому ещё не удалось – сюда, на это ток-шоу мы привели, причём буквально за руку, нашего обожаемого министра культуры, Ростислава Владимировича Ведьминского. Прошу любить и жаловать!

– Ну, это вы слишком! – слегка смутившись, отвечал министр. – В-первых, я сам сюда пришёл, а во-вторых, мой пост в правительстве никак не сочетается со словом «обожаемый». Это неприемлемо, даже если речь идёт о такой популярной личности, как министр обороны.

– Может быть, этот эпитет применим непосредственно к культуре?

– Пожалуй! Сошлюсь на мнение нашего вице-премьера. Позвольте, процитирую, – министр достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и зачитал текст: «Сегодня в сфере культуры мы устойчиво занимаем ведущие, лидерские позиции в мире».

– Простите, лидерские позиции – это о чём? О балете, что ли?

– Не только. Я бы добавил, что в последние годы наши учреждения культуры по всей стране демонстрируют замечательные качественные и количественные показатели.

– У меня вопрос к министру.

– Прошу вас, Борис Борисович!

– Если я правильно понял, наши кинотеатры вместо того, чтобы демонстрировать хорошие фильмы, демонстрируют некие показатели. Кому?

– Эти показатели говорят о правильности выбранной государственной политики.

– Так они ещё и говорят?

– Как бы вы не юродствовали, в целом мы на правильном

пути. Особенно это касается литературы.

– Не смешите!

– И с юмором у нас всё в порядке. Ближайшей нашей задачей является достижение тридцатипроцентной доли российского кинематографа в прокате.

– За счёт чего? Будете показывать в кинотеатрах сборники рекламных клипов? Тут уж мы точно мастера!

– Борис Борисович! О рекламе мы сейчас говорить не будем. Логичнее это сделать в следующей рекламной паузе. А сейчас я хочу привести одно из высказываний Ростислава Владимировича, – Беглова стала читать текст: – «Нет никаких „единственно верных“ и „истинно научных“ исторических концепций. Содержанием науки является научный поиск. Но он потому и является поиском, что предполагает гипотезы, рабочие версии, разнообразие инструментов и методов исследования», – ведущая подняла глаза от своей шпаргалки. – Как же так? Получается, что историки нам подсовывают липу... Вроде бы они всё время в поиске, раскапывают курганы, изучают древние источники, пишут статьи, выдвигают гипотезы, защищают диссертации. А на поверку ни одну из версий истинной признать нельзя.

– Вы правы, Ольга! – согласился министр. – Если, например, говорить об истории Древней Руси, то историки заняты тем, что создают мифы. Вопрос в том, какой миф признать наиболее правдоподобным. Я полагаю, что надо исходить из наших текущих идеологических потребностей. Иными сло-

вами, прошлое – это всегда реконструкция из настоящего.

– Что за чушь!

Эти слова произнёс человек весьма преклонных лет, судя по воинственному виду ещё сохранивший способность дать отпор любым враждебным элементам.

– Лев Соломонович! Вы не согласны с таким подходом?

– Категорически отвергаю! «Единственно верных» и «истинно-научных» исторических концепций действительно нет. Но при выборе наиболее приемлемой концепции нельзя исходить из своих симпатий и антипатий, национально или социально обусловленных. А именно этим занимается господин Ведьминский.

Однако министр был не так-то прост – ему в рот палец не клади:

– А вы из чего исходите, когда так рьяно защищаете норманнскую версию происхождения Руси?

– Норманнская теория происхождения Руси, предложенная ещё Бауэром, Миллером и Шлёцером, не подлежит пересмотру. Это я вам вполне авторитетно заявляю!

– Но позвольте! При ближайшем рассмотрении она трещит по швам, поскольку не даёт ответа ни на один вопрос...

– Не смейте поднимать руку на святое! Кто вас сюда позвал? Маргиналам здесь не место!

– Лев Соломонович! – Беглова попыталась утихомирить норманиста. – Ну почему вы не даёте вашему оппоненту высказать свои критические замечания по отношению к нор-

маннской версии?

– Потому что норманнская версия сформулирована самими антинорманистами, как объект для битвы. Это жупел, предназначенный для отпугивания ученых от объективного и беспристрастного исследования темы.

– Но вы же сказали, что эту версию разработал Бауэр.

– Причём тут Бауэр? Всё гораздо глубже! Антинорманисты считают себя патриотами, лояльными своему государству. А в норманисты записывают каждого, кто считает, что варяги были теми скандинавами, которые так или иначе участвовали в русской истории.

– Bravo! – оживился министр. – Вы произнесли очень важные слова: «так или иначе». То есть определить степень их участия в русской истории вы не в состоянии. Были в Ладоге какие-то скандинавы, но поскольку других нигде не обнаружено, вы уцепились именно за них.

– Вы, молодой человек, видимо, не знаете, что финны называли шведов «руотси». «Руотси» – это и есть «русь».

– Ещё никто не доказал, что финны так называли шведов в IX веке.

– А названия Днепровских порогов? Там же ясно прослеживается скандинавский след.

– Напомню, что руги тоже скандинавского происхождения. Они могли прийти в Приднепровье из Паннонии...

– Я так и думал! Вы последователь Аполлона Кузьмина! Наглый провокатор! Вам не место ни в эфире, ни в прави-

тельстве! Если вы его не уберёте, я обращусь в полицию, в прокуратуру, в ЕСПЧ!

– Лев Соломонович! Успокойтесь! – вмешалась в перебранку Ольга.

– Как я могу успокоиться? Понабрали в правительство чёрт знает кого, а народ между тем повсеместно голодает.

Это уже было слишком! Министр побледнел и, тяжело вздохнув, направился к выходу из студии.

– Ростислав Владимирович! Куда вы? – Беглова встала на его пути.

– Я не могу оставаться в одном помещении с этим хулиганом.

– Ага! Испугался? Правда глаза режет! – не унимался престарелый оппонент.

– Ваша правда – это очередной миф на потребу вашим западным друзьям.

– Не шейте мне статью! Я своё уже отсидел при советской власти.

– Вижу, что на пользу вам это не пошло, судя по последней книге.

– Этот грязный намёк я не принимаю! Я отбывал свой срок по политическим мотивам.

– Очередной исторический миф закоренелого... пардон, норманиста!

– Ах ты засранный патриот!

На этом программа досрочно завершилась к радости

рекламодателей, поскольку в оставшееся время публике вместо исторических концепций продемонстрировали качественные показатели нижнего белья, собачьего корма и дорогих импортных лекарств.

Сразу же после этого эфира Ольгу Беглову вызвали к начальству и объявили выговор за дискредитацию российского правительства. Ну а «Реакцию» прикрыли, объяснив, что лучше уж похабщина в эфире, чем критика только что назначенного на свой пост министра.

«Надо было сделать программу про Булгакова, – подумала Ольга. – Но кто может гарантировать, что обошлось бы без скандала? С одной стороны – защитники традиционной мифологии, с другой – ниспровергатели. Передерутся, а ты потом расхлёбывай!»

Глава 38. По состоянию здоровья

Прошёл год с тех пор, как в Конгрессе США стали искать повод, чтобы отстранить президента от власти. Перебрали множество вариантов – от увлечения Твиттером до внебрачных связей, но ничего подходящего найти не удалось. А ведь не так уж много времени осталось до начала следующей предвыборной кампании. Если не удастся свалить Тренда сейчас и народ за него проголосует, тогда придётся ещё четыре года терпеть его художества!

Ситуация складывалась безвыходная – хоть уходи в запой, хоть волосы рви на голове от полного бессилия. В сенетской подкомиссии по юридическим вопросам только разводили руками, а спецпрокурор Мюллер отделялся обещаниями и сетовал на скудные бюджетные ассигнования, которые не позволяют провести расследование в запланированные сроки.

И тут среди помощников одного из конгрессменов обнаружилась светлая голова, которая предложила отказаться от прежних обвинений, построенных буквально на песке, то есть на переписке в Твиттере и на показаниях отвергнутых любовниц, и сконцентрировать усилия на том, чтобы доказать полную невменяемость президента. Якобы только психически больной человек мог поставить мир на грань ядерной катастрофы, предприняв ракетный удар по Сирии, при-

чём без согласия Конгресса. Мало того, президент принял решение выйти из ядерной сделки с Тегераном, что неминуемо приведёт к возобновлению работ по созданию ядерного оружия в Иране. А тут ещё восторженные отзывы о главе Северной Кореи. Нормальному человеку такое в голову не могло прийти.

Это предложение было встречено на ура! Стоит публично объявить, что в Овальном кабинете обретается маньяк, и дело будет сделано. А после того, как президент сократил ассигнования на медицину, среди психиатров найдётся немало охотников подтвердить такой диагноз. Проблема заключалась в том, что стандартная процедура отстранения от власти может затянуться на несколько недель, а тем временем Тренд натворит немало бед – чего стоит изъятие из бюджета Пентагона значительных финансовых средств и направление их на строительство стены на границе с Мексикой. А ведь это происходит в то самое время, как у русских появляются всё новые виды оружия.

Желание изолировать Тренда немедленно, без всяких проволочек, витало в головах конгрессменов, но, чтобы его реализовать, требовалось найти конкретное решение. А где его взять? На помощь пришла всё та же «светлая голова». Было предложено временно изолировать президента силами агентов спецслужб под предлогом возникновения угрозы его жизни – будто бы джихадисты задумали распылить над Вашингтоном радиоактивные материалы. Главное – нагнать

страху и убедить Тренда сесть в президентский самолёт, а уж дальнейшее дело техники. Вот русские смогли изолировать Горбачёва в Форосе, так почему бы и с Трендом так не поступить?

Однако этот вариант поначалу вызвал возражения. Если сообщить о возможной угрозе столице США, начнётся паника, котировки акций пойдут вниз... Но самое страшное, что в подобой ситуации импичмент президенту становится неактуальным – ведь даже заклятому врагу не придёт в голову мысль обвинить Тренда в том, что он сговорился с террористами. А при возникновении такой угрозы даже невменяемость президента отходит на второй план. Возникло подозрение, что «светлая голова» продана республиканцам.

И всё же выход нашли. На следующий день газета Washington Post сообщила, что президент уединился в своей резиденции, чтобы не мешали работать над программой денуклиаризации КНДР. Сторонники республиканцев поначалу заподозрили неладное, но вскоре успокоились, убедившись, что Тренд по-прежнему пишет в Твиттере, а уж его манеру изъясняться ни с чем не спутаешь. Тем временем юристы стали готовить процедуру ускоренного импичмента по состоянию здоровья...

В Кремле не знали, какую пакость задумали на Капитолийском холме, даже не догадывались – своих проблем хватало, так что исчезновение с телеэкранов президента США никого не удивило. Вот и Платов, случалось, пропадал на

несколько дней на охоте или на рыбалке, а тут куда более важная причина – ведь если Тренд в результате длительных раздумий найдёт способ, как избавить мир от ядерной угрозы со стороны КНДР, Нобелевская премия ему гарантирована, кто бы сомневался. Тут всё прозрачно – ни для кого не секрет, что, говоря о величии Америки, Тренд имел в виду самого себя.

Однако мысль о том, чтобы изменить ситуацию в стране, отправив кое-кого в отставку по состоянию здоровья, – эта мысль буквально витала в воздухе. Не раз тему обновления состава правительства обсуждали соратники Платова, так называемые «силовики». Вот и теперь они собрались в загородном доме на Рублёвке, чтобы обсудить наиважнейший вопрос – что нужно сделать, чтобы не допустить прихода нынешнего премьера к власти через пять лет. Все они были в том возрасте, когда желание стать главой государства уже не актуально, но это не значит, что следует всё пустить на самотёк. Забота о судьбе страны, о судьбе народа, да и перспективы дальнейшего продвижения по карьерной лестнице сыновей и дочерей – всё это заставляло их действовать, а то как бы не стало уже поздно. Вот и теперь разговор зашёл о том, что ещё следует предпринять, чтобы очистить власть от либералов. На всякий случай решили обходиться без упоминания имён.

– Итак, товарищи, сделано уже немало. Нам удалось избавиться от наиболее вредных чиновников в правительстве,

но ведь работы ещё непочатый край. Проблема в том, что зачистка территории вокруг премьера вряд ли даст нужный результат. К сожалению, эти либералы лезут, как тараканы, из всех щелей, только успевай отлавливать. Нужно искать другие способы очищения власти.

– Полностью согласен! Если так будем действовать, можем рассчитывать лишь на временный эффект, а время-то уходит. Необходимо решать проблему радикально.

– Я против!

– Успокойся! Речь не идёт о физическом устранении – это не наш метод. Но отстранить премьера от власти в самое ближайшее время – это задач номер один. Чтобы её решить, нужны новые идеи.

– Может быть, использовать опыт западных стран? Коррупционный скандал и всё такое...

– Нет, этим сейчас никого не удивишь. К тому же подведём президента – пятно ляжет на всю власть. Одно дело, если замазан министр, а тут фигура куда более значительная. На Западе к этому уже привыкли – чуть что случится, и в отставку. А наш народ к такому не готов.

– Так что же делать?

Помолчали.

– А как у него со здоровьем?

– Не хуже, чем у тебя.

– Ну, знаешь, премьер с диабетом, с нейро-циркуляторной дистонией – это уже не премьер.

– А ты откуда знаешь?

– Да я же про себя...

– Нет, мне это совсем не нравится. Начнут всех нас проверять, найдут десяток болезней. Ну а тогда... Я бы не сказал, что на всё наплевать, но будет уже не до премьеры.

В итоге ни к какому решению не пришли. Какой-нибудь завзятый либерал, окажись он в этом месте в тот же час, был бы вынужден признать, что современная Россия в вопросе смены власти отстаёт от Запада.

Глава 39. Бедлам

Когда Джексон очнулся, то есть, внезапно засучив ногами, свалился с койки и сел на пол, затравленно поводя глазами по сторонам, была уже глубокая ночь. Предварительно, ещё не осознав действительного положения вещей, он огласил окрестности Спринг-парка истошным воплем нечленораздельного содержания. Однако никто не откликнулся на его призыв – всё дело в том, что Борис уже неделю находился в Бетлемской психушке, в просторечии называемой Бедламом, где крики пациентов это вполне привычное явление. Наверное, так кричала когда-то и его мать – в нескольких километрах к северу от Бедлама находится одна из старейших лондонских психушек, где миссис Джексон лечилась от умственного помешательства.

Впрочем, не скверная наследственность и не обстоятельства неудавшегося бегства терзали чувствительную натуру Бориса. Нынешняя драма заключалась в том, что, утратив теплоту внутрипартийной близости и соответствующую принадлежность к влиятельному политическому клану, Борис стал обнаруживать неуверенность, однако отнюдь не в силе собственного обаяния или, скажем, неуверенность в походке – но неуверенность вообще. То есть стал ощущать нечто такое, что из разряда предположений навязчиво и регулярно перевоплощалось в кошмарные видения.

Вот и теперь... Поначалу Джексон вообразил, если только это допустимо в состоянии сонной прострации, будто снится ему новый, ещё только предназначенный для демонстрации телесериал. Беспокоило лишь то, как бы кто по злонамеренности не прервал показ – очень хотелось посмотреть, чем дело кончится.

В лунном свете неестественной белизной отливали плечи, едва прикрытые рубашкой, и шаги босых ног были не слышны, словно подтверждая нереальность происходящего. А за окном поник ветвями спящий сад, в его безмолвии угадывались таинственные знаки, символы и представлялось всё то, что кажется непознаваемым и недоступным. В необъятных недрах дома, глухо резонируя, дробясь в закоулках и отражаясь от железобетонных перекрытий, множились отголоски могучего храпа пациентов. Словом, атмосфера складывалась не похожая ни на что.

Вот и золотистый нимб над головой появившегося перед его глазами силуэта, образованный светом уличного фонаря, указывал на то, что всё это явно неспроста. Силуэт присел на краешек койки и, оказавшись в более или менее освещённом месте, превратился в высокого человека с копной соломенных волос на голове и с печатью непреходящей тоски на осунувшемся лице.

– Как ты сюда вошёл?

– Да как и все – дал десять баксов санитару, и все дела.

– Ты кто?

– Спроси, чего полегче.

Тут Джексон призадумался. Что-то очень знакомое почудилось ему в облике незваного ночного гостя. Если бы только не эта неестественная бледность и худоба, как после полутора месяцев лечебного голодания, он мог бы поклясться, что встречался с этим человеком при совершенно иных, куда более приятных обстоятельствах. Но где, когда всё это было?

– Тебя-то за что в психушку упекли? – спросил он у ночного гостя.

– Так ведь это ты сказал, что я не в своём уме.

– Что-то не припомню...

– А ещё указал на моё невероятное невежество...

Только тут Бориса осенило:

– А-а-а! – закричал он. – Чур, чур меня!

Он ясно вспомнил, что тогда сказал: «Единственная причина, по которой я не стал бы посещать некоторые районы Нью-Йорка, это реальный риск встретить там президента США». И вот теперь... «Надо же, накаркал!» Он ощутил, что холодный пот побежал по его спине.

Видя смятение Джексона, ночной гость погладил его по голове и сказал:

– Не бойся! Я не в обиде, тем более что общее несчастье нас сближает.

Джексон постепенно успокоился и только размазывал слёзы по щекам. А потом спросил:

– Дон! Ты ли это? Не могу поверить! Неужели и с тобой

расправились? Но за что?

– Был бы человек, а статья найдётся. Кажется, так у русских говорят.

– Так это они тебя сюда засунули?

– Всё может быть...

– Странно! Сначала сделали президентом, а потом... Видимо, не оправдал доверия?

– Что уж теперь... После драки кулаками не машут. Ну а ты как сюда попал?

– Говорят, пытался перейти китайско-русскую границу.

– Сам-то что же, ничего не помнишь?

– Я после этих процедур даже свою фамилию забыл, – признался Джексон, теребя и без того всклокоченную шевелюру.

– И давно из палаты общин вышибли?

– Да нет, меня иногда туда привозят. Сначала напичкают чем-то, а потом усадят с краю на скамью, чтобы в случае чего было сподручнее эвакуировать.

– Боятся, что скажешь что-то невпопад.

– Похоже, так. Но честно тебе скажу, выступать перед публикой больше нет ни малейшего желания.

– Оно и к лучшему. Зачем напрасно воздух сотрясать? Не люблю я эту говорильню. То ли дело Твиттер, там кратко излагаешь мысль, и никаких тебе критиков и оппонентов. Пиши, что хочешь!

– Да уж, – согласился Джексон. – А ты чего так похудел?

Я сразу не признал...

– Оказался бы на моём месте... Ты понимаешь, готовят мне импичмент. А чтоб не рыпался, покуда упекли сюда...

– Тренд немного помолчал. – Да, из Белого дома прямиком попасть в Бедлам, это, братец ты мой, не каждый выдержит. Но я не из тех, кто в таких ситуациях сдаётся. Объявил голловодку!

– И что?

– Разрешили писать в Твиттер, но проверяют, чтобы даже намёка не было на ту ситуацию, в которой оказался.

– И здесь цензура! Куда катится мир?!

– Да уж! Никогда бы не поверил, что так могут поступить с всенародно избранным президентом?

Помолчали, при этом каждый думал о своём. Борис вспоминал свою фамилию, поскольку как-то неудобно, когда даже не знаешь, как представиться ночному посетителю. А Тренд сочинял очередной текст для Твиттера. Первым прервал молчание Борис:

– И что теперь с нами будет? Неужели это навсегда?

– Думаю, до тех пор, пока всё не успокоится.

– Да, похоже, мы наворотили дел... Слушай! У меня тут возникла мысль. А что если попросить политического убежища в России?

– Ты и впрямь сдурел! – Тренд повертел пальцем у виска.

– Но почему?

Тренд только отмахнулся, как от назойливого насекомого,

а потом спросил:

– Послушай, ты читал Булгакова?

– Нет, конечно! Говорят, он был антисемитом.

– Это вряд ли. Так вот, есть у него роман, называется «Мастер и Маргарита». И в нём описана та же ситуация, в которой оказались мы с тобой.

– Не может быть! – Джексон даже подпрыгнул на кровати.

– Всё именно так и было. Ночью к одному придурку приходит тот, кого называли почему-то мастером...

– И что? Им удалось выбраться на волю?

– Я не о том, – снова отмахнулся Тренд. – Мастер рассказал о том, как Понтий Пилат попытался спасти Иисуса Христа.

– Но ведь его распяли!

– Не важно! Тут интересно другое. Этот Иисус утверждал, что только доброта может спасти мир. Как тебе такая мысль?

Борис напряг остатки мозговых извилин, подвергшихся медикаментозному насилию:

– А нужно ли его спасать, если он такой безумный?

Тренд задумался.

– Мысль интересная. Надо бы её обмозговать.

И ушёл.

Следующей ночью Джексон не спал – всё ждал, когда придёт Тренд, но так и не дождался. Как оказалось, Тренд не терял время зря. Через пару дней он, наконец, явился.

– Ты где так долго пропадал? – встретил его Борис.

– Послушай, я хоть и миллиардер, но не могу тратить по десять баксов за ночь только для того, чтобы поговорить с тобой. Вот был бы симпатичной девицей, я бы и сотню выложил.

– Тогда зачем припёрся? – обиделся Джексон.

– А вот зачем! – с загадочной улыбкой прошептал Тренд и, посмотрев, по сторонам, продолжил: – Без помощи извне нам с тобой не выбраться отсюда. Так?

– Так! – согласился Джексон.

– Ни мои, ни твои соотечественники нам не помогут, да и вообще на европейцев мы не можем положиться, потому что все они пляшут под дудку Вашингтона.

– Я понял! – воскликнул Джексон. – Надо послать SOS в Кремль!

Тренд грустно посмотрел на своего визави:

– Вижу, над твоими мозгами хорошенько поработали.

– Да я не отрицаю, – снова согласился Джексон.

– То-то и оно! Поэтому молчи и слушай! – Тренд наклонился к уху Джексона и зашептал: – Мои записи в Твиттере предварительно просматривает врач, а уж потом их отправляет в интернет. Понятно, что никакого SOS он не пропустит, ему за это деньги платят. Поэтому нам надо исхитриться!

– Но как?

– Надо написать рассказ... Хорошо бы роман, но на это уйдёт слишком много времени. В этом рассказе будет описа-

на ситуация, схожая с той, в которой оказались мы с тобой. Теперь понял?

– А кто будет писать?

– Ну не ты же! Я как-никак восемь книг опубликовал, имею опыт в этом деле.

– И всё равно не понимаю. Каким образом читатели поймут, что речь идёт о нас, а не о каких-то придурках, которых вполне законно упекли в дурдом?

– Для этого надо выбрать подходящего издателя, который бы и в политике разбирался, и обладал приличным интеллектом, не то, что у тебя...

– Опять ты за своё, – обиделся Джексон.

– Ладно, слушай. Я покопался в интернете и кое-что нашёл. Не так давно у русского президента появился советник по литературе. Ему поручено найти среди тысяч бездарей таких писателей, которые подняли бы престиж русской литературы.

– С чего же ты решил, что он всё поймёт?

– Дело в том, что я ознакомился с аннотациями книг, которые он разместил на «Амазоне». Так вот, среди них есть несколько книг о политике и об истории Древней Руси. Причём он увлечён поиском таких проблем, решение которых не по силам никому. И самое удивительное: ему удалось разгадать многое из того, что казалось совершенно непонятным. Кстати, одну книгу он написал на английском языке и в ней рассказывает о том, как понял тайну загадочной записи в

дневнике Булгакова, над которой литературоведы бились сорок лет!

– Это впечатляет! – воскликнул Джексон, всё более увлекаясь идеей спасения, которую излагал Тренд.

– Вот я и говорю, давай пошлём этот рассказ ему. Уверен, что он поймёт и нам поможет.

– Дон! Ты кладёшь великих мыслей! Я по гроб жизни буду тебе благодарен, если всё у нас получится, – воскликнул Джексон, и от волнения даже прослезился.

– Не торопи события! Я тут за пару дней кое-что написал. – Тренд протянул несколько листов бумаги, напечатанных на принтере. – Ты почитай, может, что добавишь. Конечно, хорошо бы перевести на русский, но...

– Это не проблема!

– Так ты русский? – Тренд сжал кулаки. – И давно работаешь на Кремль?

– Я чистокровный еврей! – обиженно воскликнул Джексон. – И с Кремлём никак не связан. А вот ты меня удивляешь, Дон. То надеешься на помощь русского писателя, то подозреваешь русских во всех смертных грехах. Ну можно ли после этого с тобой работать?

– Ты прав. Пожалуй, я погорячился.

– А что касается знания русского языка, – уже более спокойным тоном продолжал Джексон, – здесь всё просто. Моя бабушка родом из Литвы и неплохо говорила по-русски. В молодости она была очень хороша собой, в неё влюбился рус-

ский офицер, ну и пошло-поехало. Вот я и научился у неё потом...

– Ну что ж, это очень кстати, – заметил Тренд. – Я то ли у Яна Флеминга, то ли у Агаты Кристи прочитал, что можно зашифровать тайное послание, используя различия в русском и английском текстах.

– Это как?

– Ты займись переводом, а потом я подскажу, что нужно сделать.

С этим и ушёл. А Джексон, спрятав рукопись под подушку, заснул счастливым сном.

Глава 40. Сигнал бедствия

Обычно Егор и Катя все поступавшие в их адрес материалы отправляли на рецензию другим своим авторам, но тут внимание Егора было привлечено тем обстоятельством, что текст присланного по емайлу рассказа был написан на двух языках. Причём автор просил и ответ прислать в двух вариантах – он это объяснил тем, что хочет попрактиковаться в переводе с английского на русский. Будто бы это трудно сделать с помощью Гугла, который не всегда справляется с такой задачей.

Похоже, что автор пытался обратить внимание Егора на что-то необычное в своём рассказе – возможно, на различия в русском и английском вариантах текста. Действительно, таких различий оказалось довольно много, а суть заключалась в том, что некоторые слова из русского текста по своему смыслу никак не соответствовали тому, что написано в английском тексте. Например, *sad* (грустный) в русском тексте было заменено на «радостный», а *big* (большой) на слово «маленький». Такие ошибки привлекли бы внимание редактора, ну а тот, кому было поручено проверить, нет ли в тексте какого-то секретного сообщения, не обратил бы внимания на неточность перевода.

И вот когда Егор выписал все такие «странные» слова из английского текста, по первым буквам он смог составить по-

следовательность, на первый взгляд лишённую какого-либо смысла: «trendandjacksoninbedlamhelp». Однако вскоре эта абракадабра превратилась в группу слов: «trend and jackson in bedlam help». А смысл этого словосочетания состоял в том, что двое бедолаг, Тренд и Джексон, находятся в Бедламе и просят о помощи. Не будь Егор так увлечён событиями последних месяцев, ему бы вряд ли пришло в голову, что Тренд – это президент США, ну а Джексон – бывший министр иностранных дел Соединённого королевства. Призвав на помощь Гугл, Егор узнал, что Бедлам – это Бетлемская психиатрическая лечебница, расположенная в южной части Лондона. Тут всё и встало на свои места.

Итак, Егор стал обладателем страшной тайны: двух политиков упекли в психушку и скрывают эту гнусность от прогрессивной мировой общественности. И что же теперь делать? Первая мысль, которая пришла в голову – сообщить об этом президенту. Но как? Докладную записку не напишешь, поскольку такую тайну нельзя доверить ни интернету, ни сотрудникам Администрации. Посоветовался с Катей: как можно попасть на приём к Платову? Катя огорчила: советник президента имеет право на аудиенцию только раз в квартал, поэтому Егору придётся подождать ещё не меньше месяца.

– Но в это время Платов обычно отдыхает в Сочи. Как же мне к нему попасть? Если только вплавь...

– Это невозможно! Там заградительные сети и вооружён-

ные пловцы, не считая сторожевых катеров и подводной лодки, – огорошила Егора Катя, хотя наверняка поняла, что Егор говорит о таком заплыве не всерьёз.

– И откуда вы всё это знаете?

– Не хотела об этом говорить, но мой дядя служит в охране президента.

– Причём в солидной должности, судя по тому, как вам вольготно было в здании Сената, – предположил Егор. – И покурить могли, и пройтись по коридорам в брючках, а не в стандартной форме для тамошнего персонала. Ведь так?

Катя промолчала.

– Послушайте, а ваш дядя не может меня провести как бы без очереди, окольными путями?

– Это исключено! – Катя помотала головой. – Мимо Пескова не проскочишь.

– Жаль! – только и смог сказать Егор и стал прикидывать другие варианты.

Руслан ловит шпионов на Таймыре. Катя то ли не может, то ли не хочет помочь. Если не хочет, то стоило бы разобраться, почему. Что ещё – сообщить в СМИ? Но, во-первых, нельзя этого делать без ведома Платова, а во-вторых, что толку? Ведь этих бедолаг тут же переведут в какую-нибудь другую психушку или в секретную тюрьму на территории Норвегии или Польши. А то и вовсе отправят на зимовку в Антарктиду. Что же остаётся – самому лететь в Лондон? Но без помощников там никак не обойтись.

И тут Егор вспомнил про своего однокурсника по Физтеху, который занимал теперь солидную должность в засекреченном НИИ. Последний раз встречались с ним в Верховье, на даче у другого однокурсника – каждый год в двадцатых числах июня семь-восемь человек из их группы съезжались со всех концов Москвы, чтобы поздравить его с днём рождения. Понятно, что это был всего-навсего предлог, чтобы выпить в компании с друзьями, вспомнить о прошлом и обменяться новостями.

Так вот Серж, будучи в хорошем подпитии, как-то нашептал ему в ушко, будто есть теперь машина, с помощью которой можно перемещаться во времени. Егор тогда не поверил, а вот теперь сопоставил события и пришёл к выводу, что внезапное появление допотопного трамвая на Смоленской набережной можно объяснить только реальным существованием машины времени. Но если так, тогда можно предположить, что научились мгновенно перемещаться и в пространстве.

Нужно было торопиться, поэтому Егор тут же позвонил Сержу и договорился о встрече у себя дома – он был уверен, что уж там никто не сможет их подслушать. И вот уже обсудили то, о чём обычно говорят старые приятели, Серж поздравил Егора с назначением – теперь можно было перейти к делу.

– Видишь ли, Сергей, я тебя пригласил не только для того, чтобы пообщаться, выпить за твоё здоровье. Как ты понимаешь, я стал советником президента не за красивые глаза. Де-

ло в том, что я помог ему разобраться в очень сложном деле. И вот сейчас узнал, что дело ещё не завершено, поскольку у меня появились новые сведения.

– Так расскажи ему! Кто тебе мешает?

– Моя фамилия хоть и начинается на «С», но я не Сечин, чтобы в любой момент рассчитывать на аудиенцию. Довериться помощникам президента я не могу. Ждать, когда появится возможность лично переговорить, придётся очень долго. А дело крайне важное и срочное. И вот появилась у меня идея. Ты теперь директор солидного НИИ, так, может быть, сможешь?

Тут Серж достал из кармана какое-то устройство, похожее на смартфон, нажал на кнопку и на дисплее что-то замигало.

– Не беспокойся! Это глушилка, теперь свободно можно говорить. Меня теперь заставляют все, скажем так, специфические разговоры вести, только если включён этот прибор.

Егор рассказал о своих предположениях, связанных с таинственным трамваем, о том, что в некой лондонской лечебнице тайно содержатся два человека, которые могли бы помочь Платову разоблачить происки реакционных сил на Западе. Причём, о Докутовиче и Аксельборге не было сказано ни слова. А в заключение заметил:

– Вот и не знаю, как поступить. И Платову хочется помочь, и не знаю, как бы это сделать.

– Так что ты хочешь от меня? Прямой связи с президентом у меня нет.

– Я на это и не рассчитывал.

– Тогда зачем же весь этот разговор?

Егор помолчал, пытаюсь подобрать нужные слова. Надо во что бы то ни стало привлечь старого приятеля на свою сторону.

– Сергей, я, между прочим, тоже физик, хотя и в прошлом...

– Бывших физтехов не бывает! – заметил Серж.

– Согласен! Мы за это выпьем, но чуть позже... Так вот, допустим, что у тебя есть машина для перемещения во времени.

Серж посмотрел в окно, потом перевёл взгляд на глушилку и только после этого сказал:

– Ну что ж, допустим!

– Тогда должно быть и устройство для мгновенного перемещения в пространстве. Разве не так?

– Егор, ты в физике немного отстал, к тому же всерьёз не занимался ни теорией поля, ни теорией относительности, если не считать экзаменов на четвёртом курсе. Поэтому скажу тебе так – перемещение во времени происходит по другому принципу, нежели перемещение в пространстве.

– Ага! Значит, всё-таки можете! – вскричал Егор.

– Да уж, поймал на слове. Но дело в том, что если такое устройство у нас есть, – при этом Серж загадочно закатил глаза и выгнул брови, словно бы намекая на то, что всё это маловероятно, – оно находится в стадии испытаний и дора-

ботки. В любом случае, использовать сырой аппарат я не могу, да и разрешения никто не даст на пересечение границы. Ведь ты же в Лондон намылился, а не в лес за белыми грибами?

– Грибов ещё нет, но не в этом дело. Ты только представь, какой будет эффект, если Платов на пресс конференции представит мировой общественности двух видных западных политиков, которых их соратники упрятали в психушку, скрыв это от общественности!

– Это о ком же речь?

– Вижу, ты совсем заработался. Газет не читаешь, телевизор не смотришь... Фамилии Тренд и Джексон тебе о чём-то говорят?

– Допустим. Но откуда такая информация?

– Они прислали мне зашифрованное письмо. Буквально, крик о помощи!

– А это не розыгрыш? – усомнился Серж.

– Да нет! Вот уже неделя, как Тренд не появляется на публице, и Джексона совсем не слышно.

– Но, Егор, это же будет бомба!

– Так что, стоит ради этого рискнуть?

– Ну и как ты себе это представляешь? Мы с тобой сядем в трамвай... Да-да, в тот самый. Затем приземлимся на Трафальгарской площади, а дальше что?

– Во-первых, тебе участвовать в этой акции нельзя! Ты носитель гостайны, много чего знаешь, поэтому тобой мы не

можем рисковать.

– Один ты не справишься!

– Сергей! Ты же сказал, что бывших физтехов не бывает. Расскажешь, что и как, а уж я не подведу. Что делать там, в Лондоне, я примерно представляю. Ты можешь обеспечить приземление на территории лечебницы?

– Если есть точные координаты, без проблем. Задействуем для надёжности и ГЛОНАСС, и GPS.

– Ну а дальше нужно только выбрать подходящий момент, когда оба узника будут во дворе психушки на прогулке. Это я беру на себя.

– Эх, Егор! Втравил ты меня в авантюру!

– Так ведь дело нужное, а других вариантов просто нет.

– Да, чуть не забыл, – спохватился Серж. – Прибор показывает, что в этой комнате есть «жучок», то есть тебя слушают.

– И где же он?

– Я бы тебе не советовал его искать, да и выбрасывать ни к чему. Пусть будет этот, а уберёшь, так они другой поставят.

На следующий день Егор написал пространную рецензию на рассказ, причём тоже на двух языках, и точно так же зашифровал тайное послание, в котором спрашивал, в какое время узников выводят на прогулку. А ещё через день он получил доработанный вариант рассказа, в котором «между строк» сообщалось, что их выводят в парк после двадцати двух часов по Гринвичу.

Глава 41. Бегство из Бедлама

Два дня ушло на подготовку оборудования. За это время и Егор освоился – теперь он знал, когда и какие кнопки нажимать и как связаться с Сержем, если возникнет нештатная ситуация. В его распоряжении был и тот самый аппарат для «усыпления», который успешно использовали в Краснопресненском депо. Ну а трамвай после того путешествия прошёл полную модернизацию – теперь его внешний облик вполне соответствовал нынешней трамвайной моде, а бронированный корпус надёжно защищал пассажиров от всяких неприятностей.

Когда всё было готово, Егор отправил в Лондон согласие на публикацию рассказа, опять на двух языках. После расшифровки послания узники Бедлама узнали, что в 22-30 по Гринвичу, когда в Москве уже за полночь, они должны быть на лужайке перед главным корпусом Бетлемской лечебницы.

Егор стартовал с территории НИИ, а все дальнейшие события происходили на удивление буднично, без каких-либо эксцессов. Когда на лужайке появился трамвай, охранники, сопровождавшие Джексона и Тренда, словно бы остолбенели, даже не понадобилось их усыплять. Воспользовавшись этим, узники подбежали к трамваю, Тренд закинул Бориса в открытую дверь и, оглянувшись, погрозил кому-то кулаком – то ли предавшему его Конгрессу, то ли не менее враждебно

настроенной Терезе Мэйн.

Пока охранники ещё не пришли в себя, Егор, которого стала забавлять эта ситуация, вдруг предложил:

– А не прокатиться ли нам к Вестминстеру или к королевскому дворцу?

Однако недавние узники взмолились:

– Нет! Только не это, хватит нам приключений, давайте уж сразу к вам, в Москву!

Что и было сделано.

Сразу по возвращении на территорию НИИ, Егор позвонил Кате. Она уже спала, но тут уж ничего не поделаешь – ситуация требовала срочного вмешательства президента, иначе вся эта затея могла закончиться не так, как замышлял Егор.

– Катя! Я не могу тебе всего сказать, но мне нужно срочно связаться с Платовым.

– Вы с ума сошли!

– Если ты мне не поможешь, я прямо сейчас направлюсь в Ново-Огарёво, полезу через забор, ну а твой дядя меня пристрелит при попытке проникновения на территорию президентской резиденции. Неужели тебе меня не жалко?

– Это уже слишком! – закричала Катя. – Напились вдрабаган и теперь предъявляете мне ультиматум. Не думала, что вы способны на такое.

– Я и сам не предполагал. Но прошу, поверь мне хотя бы раз, а если я тебе соврал, можешь сделать со мной всё, что

тебе угодно. Можешь плюнуть мне в лицо, можешь каждый раз в начале рабочего дня бить меня чем-то тяжёлым по голове. Я даже не буду сопротивляться!

Видимо, последний аргумент подействовал, и после недолгих переговоров с главой ФСО трамвай с двумя пассажирами на борту успешно «приземлился» в Ново-Огарёво. А ещё через несколько минут Егор представил своих пассажиров Платову. Да тот и сам всё понял:

– Что ж, если мы президента Украины в своё время от расправы спасли, так почему бы не спасти президента США?

Когда Джексон перевёл это приветствие на английский, Тренд возразил:

– Увы, фактически я уже не обладаю такими полномочиями. Иначе не оказался бы в подобном положении.

– Ну, это дело поправимое, – улыбнулся Платов. – Наши хакеры, конечно, не имеют возможности повлиять на решение Конгресса США, но есть у меня подозрение, что после сегодняшних событий там всё переиграют, и вы возвратитесь в Белый дом.

– Откуда такая уверенность? – Тренд недоверчиво посмотрел на Платова.

– Дело в том, что мы следили за действиями вашего спасителя. Официально участвовать в этом не могли, но контролировали ситуацию. И уже успели просчитать все последствия и даже кое-что придумали, чтобы ускорить ваше возвращение в Вашингтон. Позже я об этом расскажу.

– А как же я?

Джексон был, конечно, рад за товарища, но его тревожила своя судьба.

– Не унывайте, Борис! – успокоил Платов. – Как только Дональд окажется в Овальном кабинете, он тут же позвонит Терезе Мэйн и потребует вашей полной реабилитации. Не так ли, Дональд?

– Можешь быть уверен, Борис! Я вытащу тебя из этой передраги, – пообещал Тренд и в подтверждение своих слов схватил Джексона за плечи и прижал к своей груди.

– Ну а теперь не мешало бы поспать, – предложил Платов, прерывая трогательную сцену. – Завтра у меня трудный день, впрочем, как всегда. Вам, Дональд и Борис, приготовлены покои, ну а вас, Егор, я попрошу остаться.

И вот они вдвоём. Платов, нахмутив брови, смотрел на Егора:

– Как же вы решились на такое?

– Не понимаю. Вы о чём?

– Да всё вы понимаете. Я хочу знать, почему действовали без разрешения?

– Но вы же контролировали ситуацию... – Егор попытался уйти от прямого ответа, но оказалось, что всё не так, как он предполагал.

– Да в том-то и дело, что мы узнали всё постфактум, – Платов с досадой хлопнул ладонью по столу и, видя недоумение Егора, пояснил: – Не мог же я при посторонних при-

знать, что под носом у Администрации и ФСБ подобное творится...

– Так ведь время поджимало, а к вам на приём пробиться невозможно.

– Могли бы сообщить в секретариат, что создалась чрезвычайная ситуация.

– Но я не имел права им даже намекнуть, в чём дело.

– Тоже верно, – согласился Платов и поморщился. – Так уж устроена эта вертикаль власти, что между мною и людьми несколько линий обороны. И ничего тут не поделаешь.

– А Сергею не влетит?

– Это вы о директоре НИИ, что ли? Да нет! Если всё получится, как я задумал, тогда даже наградим. Но не за спасение Тренда, а за разработку и успешно проведённые госиспытания уникального аппарата. И о вас, конечно, не забудем.

– Я уже говорил, что ордена мне ни к чему.

– Ну, как знаете, – пробормотал Платов, недовольный отказом Егора от награды. – Да, вот ещё что. Сергей Петрович мне сказал, что обнаружил в вашей квартире «жучок».

– Я этого «жучка» не видел, но Сергей посоветовал не трогать, даже если найду.

– И это правильно. Я к вам пришлю людей, они разберутся, что к чему. А есть предположения, кто мог поставить?

– Ума не приложу! – развёл руками Егор.

– Кто-нибудь вас навещал в последнее время?

– Да вот, только Катя, моя помощница, а с ней Ольга Бег-

лова с НТВ. Был чисто деловой разговор.

– И больше никого?

– Ах да! Потом подъехал муж Бегловой, Марк. Он, кажется, работает помощником у Докутовича.

– Уже не работает. Да и Докутовича теперь с нами нет, – и процедил сквозь зубы: – Доигрался в политику, придурок!

– И что с ним будет?

– Разберёмся.

– Между прочим, я в Ново-Дарьино обнаружил дом, где в двадцатых числах марта базировалась какая-то группа с оборудованием. И Докутович там бывал.

– Ах, вот как! Но теперь это уже не актуально, – отмахнулся Платов. – Кстати, а почему пошли в физику, а не в разведку?

– Ну вы и скажете! Какой из меня шпион? – улыбнулся Егор.

– Да уж, не каждому дано. Так что там с этим Марком?

– Ольга говорила, что очень уж ревнивый...

– Тогда, видимо, это он. Не исключено, что поставил на прослушку все квартиры, где бывает Беглова. Что ж, если так, это ему боком выйдет, – усмехнулся Платов и подвёл черту под разговором: – Теперь можно и на боковую! Комната приготовлена, вас туда проводят.

Только лёг в постель, как позвонила Катя:

– Ну что, тебя не подстрелили?

– Мы уже на «ты»?

– Чем занят?

– Лежу в постели с симпатичной горничной, – Егору захотелось позлить Катю за то, что не сразу согласилась помочь.

– Не ври!

– Ты права. У меня другие интересы.

– Какие же? Ещё один секрет?

– Что-то вроде этого.

– Платов не ругал?

– Обещал дать орден.

– Здорово!

– Но я отказался.

– Ну и зря! Орденосцу никто и ни в чём не сможет отказать.

– Неужели?

– Я не то имела виду, – засмеялась Катя.

– Жаль! Ну тогда спокойной ночи! – и Егор повесил трубку.

«Что-то я раздухарился сегодня! Как бы не аукнулось потом».

Глава 42. Силки расставлены

Всю ночь полиция прочёсывала территорию Бетлемской лечебницы, все двести семьдесят акров. Заглянули под каждый куст, облазили все деревья, обыскали каждый уголок вплоть до подвальных помещений, но беглецов так и не нашли. Допрос охранников ничего не дал, потому что их бессвязные показания никто не воспринимал всерьёз. Трамвай, приземлившийся посреди лужайки – такое может привидеться только после жуткого подпития! Впрочем, анализ на наркотики и алкоголь не подтвердил этого диагноза.

Утром подключили сотрудников МИ-5 и МИ-6, но и спецслужбы не смогли ничем помочь – следов высадки десанта не обнаружили, только трава была примята, как будто посреди лужайки приземлился вертолёт. Однако системы воздушно-го наблюдения и управления не зафиксировали полётов каких-либо воздушных судов над южными районами Лондона.

И только после того, как о результатах поисков доложили главе МИ-6, дело сдвинулось с мёртвой точки. Алекс Вингер позвонил премьер-министру и предложил созвать срочное совещание с участием руководителей спецслужб и министерства иностранных дел, а также пригласить американского посла Вуди Бронсона. И вот что Вингер сообщил высокому собранию:

– Господа! Как вы знаете, некоторое время назад нами бы-

ла предпринята совместная акция, направленная на пресечение деятельности двух известных вам политиков. Мы пришли к выводу, что они выжили из ума, а потому более не могут занимать высокие посты, ставя под удар интересы Великобритании и США. Компетентные органы наших государств приняли решение поместить их в Бетлемскую психиатрическую лечебницу. Но вот сегодня ночью узники бежали.

– Доигрались! – вскричал американский посол. – А ведь мы предлагали направить их в Гуантанамо!

– Это было бы не гуманно, Вуди – возразила премьер-министр.

– Да кому на хрен нужна ваша гуманность, если авторитет Соединённых Штатов поставлен под удар?

Возникшую было перебранку прервал глава МИ-6:

– Господа! Я продолжу, если вы не возражаете... Так вот, нам удалось выяснить, что узники психушки бежали на трамвае.

– Этого не может быть, Алекс! Ведь там же нет трамвайных путей. Вот, посмотрите на карту, – премьер-министр протянула Вингеру свой планшет. – Ближайшая остановка в двух километрах от лечебницы.

– И тем не менее, это установленный факт. Но самое неприятное состоит в другом. Судя по всему, это тот самый трамвай, который несколько недель назад лишил сна нашего посла в Москве.

В кабинете премьер-министра стало тихо. Вуди Бронсон, не спрашивая разрешения дамы, закурил сигару, а сама премьер-министр достала носовой платок и смачно высморкалась. Но даже эти звуки не смогли нарушить всеобщего молчания, поскольку каждый из присутствующих прокручивал в голове возможные последствия, но не находил выхода из этой ситуации. А потому что русские опять всем утёрли нос. Наконец, американский посол прервал молчание:

– Алекс! Вы сами это видели?

– Камеры видеонаблюдения размещены только у главного корпуса и по периметру территории лечебницы, но охранники в один голос твердят, что на лужайке приземлился именно трамвай, причём похожий на те, что ходят у нас в Кройдоне.

– Но тогда это не тот трамвай! – обрадовался Вуди Бронсон. – Про тот говорили, что он совершенно допотопный.

– Да какая разница? Наука не стоит на месте, тем более что дело не во внешнем виде, а в его начинке.

– Нет уж, позвольте! Если трамвай не тот, это могли быть и китайцы, – настаивал посол.

– Ну вы и скажете! Это же вам не ширпотреб какой-нибудь, не телевизоры и тряпки.

– Ладно, – премьер-министр попыталась перевести разговор в конструктивное русло. – Поскольку других объяснений нет, будем исходить из того, что Бориса и Дональда похитили русские. Вуди, чем это нам грозит?

– Это кошмар, катастрофа! – посол закашлялся, поперхнувшись сигарным дымом. – Я даже не представляю, как мы будем выпутываться, если русские устроят пресс-конференцию. Дональд нас всех смешает с дерьмом, уж он на это мастер!

– Увы, я вынуждена согласиться с вами. А если ещё и Борис что-то изрыгнёт в своём обычном стиле, тогда нас всех так потряхнёт, что закачается Биг Бен! – и всплеснув руками, премьер-министр воскликнула: – Господи! Неужели придётся подавать в отставку?

– Не торопите события, Тереза! Я думаю, что с русскими можно договориться, – попытался успокоить свою начальницу министр иностранных дел. – Вряд ли они захотят раздуть скандал, ставя под удар мировую финансовую систему и провоцируя экономический кризис, который приведёт к падению цен на нефть и газ.

– Мы ни за что не согласимся на уступки этим русским! – прорычал американский посол.

– Тогда приготовьтесь к тому, что они опять устроят вам козью морду.

– Америка это великая страна, и никакие русские нам ничем не могут навредить! – отреагировал посол, грозно посмотрев на своего коллегу.

– Забыли про кремлёвских хакеров?

– Вы лучше меня знаете, что это пропагандистский трюк, к которому мы прибегли, чтобы свергнуть Тренда.

– Господа! – вмешался в спор глава МИ-5. – Вы забыли, что завтра в Москве стартует чемпионат мира по фигурному катанию.

– Что бы ни происходило в мире, Эндрю о своём, – язвительно заметила Тереза Мэйн. – Могли бы потерпеть хотя бы до конца совещания, а уж потом будете нам рассказывать при этих милых мальчиков и девочек, от которых вы, похоже, без ума.

– Господа! – глава МИ-5 сделал вид, что не заметил реплики в своё адрес. – Дело в том, что русские не станут раздувать скандал в ближайшие несколько дней, а это значит, что у нас есть время, чтобы проанализировать ситуацию и выработать план совместных действий.

– Поддерживаю! – пыхнул сигарным дымом Вуди Бронсон. – Конечно, хорошо бы испортить русским праздник, обвинив их в похищении Дональда и Бориса, но боюсь, что этому никто не поверит. Над вами и так уже смеются в связи с делом Стригaley.

– Дело не в Стригaleyх! – обиделся глава МИ-5. – Но мы не можем признать, что русские хозяйничают на нашей территории. Это было бы в высшей степени унижительно для Великобритании! И ещё я бы предложил во избежание распространения слухов изолировать на время всех, кто что-то слышал о трамвае и знает об исчезновении Бориса Джексона и Тренда. Естественно, на присутствующих это требование не распространяется.

– Ну что ж, если нет других мнений, так и сделаем, – подвела итог совещанию премьер-министр.

А на следующий день в Лужниках состоялся футбольный матч между московским «Спартак» и питерским «Зенитом». За эти команды выступали и зарубежные игроки, не из самых худших, поэтому матч транслировали на всю Европу, и даже на Америку. Как принято в таких случаях, телевизионщики время от времени выхватывали из толпы очень уж активно болеющих за свою команду зрителей, симпатичных девушек или иных привлекательных персон, сидящих на трибуне стадиона. И вот в какой-то момент на экранах телевизоров появились две фигуры, два знакомых всем лица, о существовании которых, казалось бы, все уже стали забывать. Но разве можно забыть эти соломенные волосы, эти оригинальные причёски! Да, на несколько секунд взорам миллионов телезрителей, от Магадана до Брайтон-Бич, предстали Дональд Тренд и Борис Джексон – без прикрас и без грима, что называется, собственной персоной.

Уже через полчаса вице-президент США связался по закрытой линии с премьер-министром Великобритании:

– Вы это видели?

– Во-первых, добрый вечер, Майкл!

– Кой чёрт, добрый? Тереза, вы смотрите футбольный матч из России?

– Вы меня с кем-то спутали, – обиделась Тереза Мэйн. – Я не увлекаюсь футболом. Ну разве что, когда играет наша

сборная.

– Причём тут футбол? Мне только что доложили, что на трибуне в Лужниках замечены Дональд Тренд и Борис Джексон!

– Бросьте вы меня разыгрывать! Это наверняка фейк. Русские не способны на такое.

– Да нет же! Я вас уверяю, что это именно Тренд, правда, немного похудевший, а Джексона узнали по причёске. Спецы из ЦРУ уже провели идентификацию их лиц. Всё подтвердилось!

– Не может этого быть! Какой ужас! – на несколько секунд премьер-министр потеряла дар речи. – Майкл, но что же делать?

– Мы тут посоветовались... Пожалуй, стоит заявить, что русские их захватили с целью выкупа...

– Нет, это не пройдёт! Они же сидят на трибуне стадиона, а не на Лубянке.

– Да, верно, – согласился Дэнс.

– Боюсь, что придётся договариваться.

– Ни за что! Тренда упрятали в психушку, потому что он хотел договориться с Платовым. Нет, мне это не подходит.

– Тогда мы попробуем, – предложила Мэйн.

– Да-да, пошлите к ним в МИД своего посла. Пусть он узнает, чего они от нас хотят.

– Это всем понятно! – усмехнулась Мэйн.

– Вы о снятии санкций? Нет, мы на это не пойдём! Это

недопустимо! Так нельзя поступать!

Дэнс кричал в трубку так, как будто ему удаляли аппендикс без наркоза. Мэйн вынуждена была уменьшить громкость, а потом, собравшись с силами, сказала Дэнсу то, что уже давно собиралась сказать:

– Ну что ж, тогда нам придётся принимать решение самостоятельно.

– Вы этого не сделаете, Тереза!

– Ещё как сделаю! И посоветую то же сделать Меркель и Макрону.

– Но это же предательство наших общих интересов!

– Майкл! Вы наши общие интересы понимаете, как свои, а отдуваться мне приходится.

– Мы можем это обсудить...

– Поймите, если Тренд и Джексон откроют рот...

– Я понимаю, – согласился Дэнс после недолгого раздумья. – Ладно, держите меня в курсе, а мы пока подумаем, что ещё можно предпринять.

Уже через четверть часа Лори Дримстоун, получив инструкции от премьер-министра, позвонил министру иностранных дел России. Ребров сидел в vip-ложе стадиона в Лужниках и отчаянно переживал за «Спартак», которому никак не удавалось взломать оборону «Зенита». А тут ещё этот Дримстоун – неужели трудно подождать хотя бы час? Однако ничего не поделаешь, пришлось ехать в МИД. Только бы скверное настроение не помешало реализовать тща-

тельно разработанную комбинацию. Платов его ещё раз проинструктировал, пока автомобиль министра мчался на Смоленскую. Да что тут говорить – все варианты рассмотрены, ответы на все вопросы подготовлены, так что птичка непременно попадёт в силки.

Глава 43. Визит посла

«Быстро сработали, ничего не скажешь. И Джексона идентифицировали, и Тренда. Жаль, что не дали досмотреть футбольный матч. Впрочем, наши футболисты всё равно не тянут. В отличие от дипломатов». Так размышлял Ребров, слушая посла, и когда тот завершил свой спич, только развёл руками:

– К сожалению, не могу прокомментировать эту информацию. Мне о присутствии Тренда и Джексона на трибуне стадиона ничего не сообщали. А вы случаем не обознались?

Но Дримстоун продолжал настаивать на своём.

– Возможно, они приехали, как обычные туристы, – предположил Ребров. – Завтра я свяжусь с нашей пограничной службой, и мы всё выясним.

– Простите, господин министр, но я не могу так долго ждать.

«Затрепыхалась птичка. Но, видимо, ещё не понимает, что попалась», – подумал Ребров, а вслух сказал:

– А какие могут быть варианты? Во всяком случае, хочу вас заверить, что политического убежища мы им не предоставляли и российского гражданства не собираемся предлагать. Это не в наших интересах.

Посол явно почувствовал облегчение. Теперь необходимо было развить эту мысль, и министр продолжал:

– Мы заинтересованы в укреплении взаимопонимания между нашими странами, несмотря на то, что было в недавнем прошлом. Русские не злопамятны, поэтому мы готовы обсудить все спорные вопросы.

«Теперь мяч на стороне посла. Вряд ли они успели что-то подготовить. Так что придётся ему формулировать предложения на ходу, а это чревато тем, что может совершить ошибку. Да, время не терпит. Поторопись, Дримстоун!» Всё к этому и шло.

– Господин министр! Я уполномочен своим правительством предложить вам комплекс мер по расширению нашего сотрудничества в экономической и культурной сферах. Думаю, что британские компании будут готовы инвестировать миллионы... даже миллиарды долларов в российский бизнес. Наверняка, Франция и Германия нашу инициативу поддержат.

– Хотелось бы в это верить.

– В ближайшее время мы готовы направить к вам делегацию во главе с министром торговли и промышленности для обсуждения конкретных взаимовыгодных проектов.

– Что ж, это обнадеживает.

Так Ребров ответил Дримстоун, но в голове у него появилась другая мысль: «Небось, ждёт, когда я спрошу: а что взамен? Нет уж, пусть сам попробует догадаться! Я только подскажу».

Как правило, дипломаты избегают прямых вопросов, по-

этому Дримстоун ограничился намёками:

– В свою очередь, мы хотели бы надеяться, что вы сможете нам уладить эту историю с Джексоном и Трендом. Их пребывание на российской территории не устраивает ни нас, ни Вашингтон.

– Но, господин посол, они же свободные граждане, в сочувствии террористам не замечены. Поэтому мы не можем их выслать. Представьте, как на это отреагирует мировая пресса!

Дримстоун задумался.

– Пожалуй, вы правы. Официально высылать не надо, но это легко сделать по линии спецслужб.

– Допустим. Однако и в этом случае надо заручиться их согласием. Я думаю, что недавние события нанесли такой удар по самолюбию Джексона и Тренда, что они потеряли всякое доверие к тем, кто сидит в Лондоне и Вашингтоне. Уверен, что они не согласятся, если только... – Ребров сделал вид, что пытается найти подходящее решение.

– Если что? – насторожился посол. – Мы готовы рассмотреть любые варианты.

– Видите ли, если бы я оказался на месте Тренда, я бы потребовал снять с себя все подозрения, которые послужили основанием для расследования спецпрокурора Мюллера.

Тут только Дримстоун понял, что попался. Дать задний ход он уже не мог, да и уйти не солоно хлебавши ему никак нельзя. Всё, что остаётся, это дослушать предложения Реб-

рова, ну а потом отдуваться перед Терезой Мэйн.

– И как вы это себе представляете?

– Всё очень просто. Комиссия Мюллера признаёт отсутствие сговора Тренда с Москвой, и он триумфально возвращается в Овальный кабинет. По-моему, это вполне достижи-мо и логично. Как вам кажется?

– Я так понимаю, что аналогичный выход вы предлагаете и в деле Джексона? – Дримстоун не скрывал своего огорче-ния, поскольку ощущал себя в положении адвоката, проиг-равшего судебный процесс о разделе имущества на сумму во много сотен миллиардов фунтов стерлингов.

– Да там всё гораздо проще! – улыбнувшись, отвечал Реб-ров. – Если не ошибаюсь, у вашей партии большинство и в палате общин, и в палате лордов.

«Ну, всё! Тереза меня задушит своими костлявыми рука-ми». Посол представил эту сцену и поспешил откланяться:

– Спасибо, господин Ребров, что нашли время в вашем плотном графике для того, чтобы принять посла Её Королев-ского Величества. Я доложу ваши соображения своему пра-вительству. Надеюсь, что мы ещё встретимся в самое бли-жайшее время.

– Не сомневаюсь! И пожелаю успехов вашей сборной, там играют отличные ребята, хотя и неудачно выступили на чем-пионате мира.

«Что называется, слегка подсластил пилюлю. Ну а как иначе?» – подвёл итог переговорам Ребров и поспешил до-

ложить об этом Платову.

В Москве была глубокая ночь, когда в Конгрессе США началось обсуждение ситуации, сложившейся после встречи британского посла с Ребровым. Сенатор от штата Джорджия предложил ввести дополнительные санкции против России. Звучали призывы отправить тихоокеанский флот ВМС США в Балтийское море, чтобы заблокировать строительство Северного потока-2, а также регулярно устраивать землетрясения в районе озера Байкал, что сделает невозможным поставку российского газа на территорию Китая. Однако ни одно из этих предложений не нашло поддержки, поскольку такие меры в глазах мирового сообщества должны быть как-то обоснованы. Нельзя же признать, что русские вновь переиграли и госдеп, и ЦРУ – виданное ли дело, чтобы авторитарная страна раз за разом ставила под сомнения преимущества либеральной экономики и американской политической системы! А как иначе расценивать тот факт, что фактически отстранённый от власти Дональд Тренд возвратится в Овальный кабинет при пособничестве русских?

К счастью, не дошло до требования начать войну с Россией, если русские откажутся выдать Тренда. Более обоснованным было признано предложение объявить его глубоко законспирированным русским шпионом. Как ни странно, тогда всё вставало на свои места – Тренд, боясь разоблачения, бежал в Москву и на этом можно ставить точку. Но против такого варианта выступил глава ФБР, приглашённый на это

заседание:

– Господа! Вы поставите себя в идиотское положение. Что же это за власть, которая позволила кремлёвским троллям возвести на высший пост в Америке своего агента?

В итоге решили отложить обсуждение этой проблемы до появления более разумных предложений.

А через несколько часов началось заседание палаты общин британского парламента. Первым делом лейбористы потребовали отставки Терезы Мэйн, объявив её виновницей всех несчастий, свалившихся на Великобританию – от Брексита до ошибочного диагноза Борису Джексону, в результате чего он был вынужден обратиться за помощью к российским врачам. В подтверждение этого обвинения лидер лейбористов предъявил медицинскую карту, где чёрным по белому было написано рукой главного психиатра Бетлемской лечебницы, что Борис Джексон страдает раздвоением личности, наследственным аутизмом и боязнью открытого пространства. Вслед за этим на стол перед премьер-министром легли фотографии, сделанные во время вчерашнего матча в Лужниках, где Джексон выглядел вполне здоровым.

Зал загудел. С мест раздались требования создать комиссию по расследованию деятельности Терезы Мэйн на посту премьер-министра. В хоре возмущённых голосов потонул голос депутата от южных районов Лондона, который попытался объяснить бегство Бориса Джексона его любовью к изобретённой британцами игре – якобы, он для того и сбе-

жал из психушки, чтобы побывать на матче «Спартак» и «Зенита». После продолжительных дебатов и взаимных обвинений большинством голосов было принято решение отложить рассмотрение вопроса об отставке Мэйн до прибытия Джексона в Лондон. Увы, соратники по партии не прислушались к мнению премьер-министра, которая настаивала на скорейшей реабилитации беглеца во избежание его вербовки русскими спецслужбами. Не помогла даже следующая фраза Мэйн:

– Господа, мы совершили ошибку. Джексон ни в чём не виноват! Его оклеветали лейбористы. Поэтому мы должны как можно скорее восстановить его в прежней должности и немедленно вернуть в Лондон, чтобы он приступил к исполнению своих обязанностей.

За тем, что происходило за океаном в США и на Британских островах, внимательно следили и Платов, и Ребров. Когда стало ясно, что прогресса в этом деле нет, был сделан следующий ход: «Интерфакс» сообщил, что по сведениям, полученным из информированных источников, в ближайшее время должна состояться пресс-конференция Дональда Тренда. Для большинства политиков и журналистов это было вполне заурядное событие, и лишь немногие посвящённые поняли его скрытый смысл.

Глава 44. Гора родила мышь?

Ещё вчера казалось, что отставка президента Тренда – дело решённое. Все были едины в своём желании избавиться от этого... чудака, обосновавшегося в Белом доме – газеты и телевидение, политики и политологи, бывшие любовницы и нелегальные мигранты. Кто из них был убеждённым сторонником Демократической партии, а кто просто решил подзаработать, об этом можно лишь догадываться. Дело оставалось за малым – дождаться результатов расследования спецпрокурора и тогда можно запускать процедуру отстранения от власти. Причём вполне достаточно, если в отчёте Мюллера будет хотя бы намёк на сговор Тренда с Платовым, а уж незаконное вмешательство России в президентские выборы, осуществлённое путём воздействия русских троллей на умы доверчивых американских избирателей – это аксиома, не требующая доказательств.

Однако 25 марта словно ушат ледяной воды пролился на головы разгорячённых схваткой противников действующего президента, уже предвкушавших скорую победу. Спецпрокурор сообщил, что не нашёл признаков сговора Тренда с Платовым! Расследование, которое в течение двух лет вели девятнадцать юристов и сорок агентов спецслужб, закончилось тем, что обществу предъявили объёмистый том, содержащий протоколы обысков и показания свидетелей. Поз-

вольте, но кому всё это нужно? Было желание распять, пригвоздить в стене, морально уничтожить, а вместо этого гора родила мышь, точнее – дохлого мышонка. В геникологии есть более точное определение – выкидыш! Неужели трудно было сострять нужный результат – подкупить свидетелей, раздобыть аудиозапись беседы президентов тет-а-тет и, предварительно хорошенько с ней поработав, представить на суд мировой общественности? Зачем существуют АНБ и ЦРУ, если ничего не могут сделать? Гнать надо этих бездарей и дармоедов!

Вот такие примерно мысли возникли в головах сторонников импичмента действующему президенту. Разочарование было таково, что впору брать отпуск по состоянию здоровья или хотя бы пройти ускоренный курс психотерапии, приняв изрядную дозу антидепрессантов. В конце концов, не каждому по силам горе утопить в бокале неразбавленного виски.

Куда более сложная проблема возникла перед журналистами. Два года они пытались смешать президента с дерьмом, мутузили, как боксёрскую грушу, издевались над пожилым человеком, как могли, и вот теперь выясняется – всё оказалось впустую, спецпрокурор проигнорировал их болтовню, а Тренд в глазах избирателей оказался провидцем, обвиняя в продажности чуть ли не все американские СМИ.

Вроде бы надо извиниться перед Трендом за необоснованные обвинения – случись так, выстроилась бы длинная очередь из конгрессменов, журналистов, политологов. Однако

ничего подобного не приходило в голову ни одному из них. А всё потому, что для того и существуют демократия, свобода слова, чтобы выражать своё мнение открыто. Никто не посмеет это запретить, иначе его тут же обвинят в покушении на святое – на Конституцию Соединённых Штатов.

Особенно трудно было примириться с тем, что случилось, вице-президенту Дэнсу – мысленно он уже примерял корону и вдруг... Всё-таки что-то не ладно в королевстве, что-то не так в правоохранительной системе, надо что-то срочно изменить. Ведь почти два года уважаемые люди твердили, что русские подсунули американцам Тренда. Ну ладно, явных доказательств не нашлось. Но есть же неоспоримый факт: кремлёвского тирана не устроило отстранение Дональда от власти, и вот, пожалуйста, – организовал его побег и более того, заставил вернуть в Овальный кабинет. Вам этого мало?

Беда в том, что никто из простых граждан об этом не узнает. Есть только с десяток посвящённых по обе стороны Атлантического океана, ну а остальные изолированы, чтоб не проболтались. Русские не в счёт. Они только того и ждут, когда Конгресс обвинит Тренда в том, что он ставленник Москвы. Тогда они всё расскажут про Бедлам, а заодно и про операцию спецназа ГРУ по вызволению Тренда и Джексона из плена. Однако только полный идиот может признать, что власти самой демократической страны отправили всенародно избранного президента в психушку. Пусть даже на время,

пока готовится процедура отстранения от власти. Зачем же рыть себе могилу?

И вот уже два часа Дэнс ходил из угла в угол по своему кабинету и пытался сформулировать ответ на вопрос, который Тренд непременно задаст, как только вернётся в Белый дом: «Эй, Майкл! Ты почему позволил так поступить с главой Соединённых Штатов?» Этот вопрос звучал в его ушах, но Дэнс так и не нашёл подходящего ответа.

А между тем, Тренд был занят более важным делом, чем разоблачение козней вице-президента – для начала следовало разобраться со своей семьёй. С женщин какой спрос – их легко запугать или обмануть, запудрить, что называется, мозги. А вот зять должен объяснить, почему не вмешался, не обратился к прессе, на худой конец, в ВОЗ или в Совбез ООН, чтобы пресечь издевательство над законным президентом...

Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, как провинившийся школьник перед разгневанным учителем. Одна мысль крутилась в его мозгу: пан или пропал? И видел он перед собой только страшные глаза своего тестя.

– Ну как, зятёк? Что будем делать? – Тренд переводил взгляд с лица Шифнера на грудь, затем куда-то ниже живота, словно выбирая место для удара.

Не зная, что сказать, зятёк молчал.

– Не ожидал, что всё так произойдёт?

Дэвид опять не проронил ни слова.

– Зачем ты предал меня? Сколько тебе за это заплатили?

Покорно, как ребенок, ожидающий порки от отца, Дэвид встал на колени:

– Папа! Я вас не предавал!

– Врёшь!

– Да нет! Меня банально обманули. Якобы готовилось покушение на вас с участием исламских террористов, – Дэвид тяжело вздохнул и продолжал: – Поэтому решили изолировать, исключительно для того, чтобы сохранить вам жизнь,

– Думаешь, я в это поверю? – Тренд брезгливо поморщился, пригладил шевелюру и сказал: – Ты знаешь, пока находился в заточении, делать было нечего, вот и попросил, чтобы дали какую-нибудь книгу почитать. Названия и автора не помню, но очень понравилась одна фраза.

Дэвид с надеждой посмотрел на тестя, рассчитывая на прощение. Но не тут-то было. Тренд распрямил плечи, глянул на зятя с высоты своего роста и произнёс ужасные слова:

– Я тебя породил, я тебя и убью!

В молчании прошло несколько минут, потому что зять лишился дара речи, а Тренд сказал уже всё, что хотел сказать. Дэвид, стоя на коленях, размазывал слёзы по щекам, изображая что-то похожее на раскаяние. Наконец, Тренду всё это надоело – с отвращением посмотрев на зятя, он плюхнулся в кресло и закрыл глаза. Понятно, что никого убивать он не собирался, но что делать с зятем, так и не решил. Для начала Тренд попытался самому себе ответить на вопрос: как бы

Платов поступил, случись в его ближайшем окружении такая неприятность. То есть что Платов сделал бы с предателем – задушил собственными руками, посадил в тюрьму или устроил автомобильную катастрофу с трагическим исходом?

Вдруг до него дошло: ни в коем случае нельзя выносить сор из избы, в данном случае из Белого дома, тем более что речь идёт не о прослушивании разговоров кандидата в президенты или подозрительном пятне на платье секретарши. Нет, здесь дело посерьёзнее – ведь речь идёт о престиже нации. Есть риск поставить несмываемое пятно на демократию! Однако зятёк своё получит – первым делом надо бы издать указ об увольнении его с должности старшего советника, ну а там видно будет, как его использовать. Дочь он уже простил – всё-таки родная кровь. Ну а с жены что взять? Красота, увы, не гарантирует наличие ума.

Но Дэнс? Что с этим делать? В отставку не отправишь, поскольку на выборы шли вдвоём, рука об руку. Но надо, очень надо устроить ему какую-нибудь пакость, чтобы впредь неповадно было предавать. Тренд припомнил, о чём беседовали с Платовым в Ново-Огарёво.

Платов ещё не вполне освоил новый для себя язык, особенно американский слэнг, но это дело наживное. Если почаще встречаться, конечно, в более приятных обстоятельствах, тогда можно надеяться на взаимопонимание. И кто знает, вдруг удастся обратить бывшего разведчика в свою веру, иначе говоря, перевербовать. В недалёком прошлом Трен-

ду это удавалось не раз, когда нужно было заключить выгодную сделку. Сначала расположить к себе партнёра – крепко пожать руку, похлопать по плечу или погладить по колену, и выдать несколько банальных комплиментов. А когда тот немного разомлеет, тут самое время внушить ему мысль, что только сотрудничество с Трендом обеспечит желанное процветание и гарантированную защиту от любых невзгод.

С таким намерением он и начал беседу с Платовым. Это случилось на следующее утро после бегства из Бедлама – Платов ради дорогого гостя отложил дела. И вот после позднего завтрака расположились в кабинете. Тренд начал с комплиментов:

– Послушай, Влад! Честно говоря, я никак не ожидал, что вы способны на такое. Выкрасть двух узников совести из под носа МИ-5 и Скотланд Ярда – это достойно восхищения. Как вам это удалось?

– Чего не сделаешь, чтобы помочь хорошему человеку? – отвечал Платов. – Ты послал сигнал SOS, ну а мы на него отреагировали. На моём месте ты поступил бы точно так же. Разве нет?

Тренд представил себе, как посылает отряд морских пехотинцев, чтобы освободить Платова из тюрьмы ФСБ... Вторжение в пределы другого государства – это дело обычное. Но чтобы так, чтобы обошлось без единого выстрела, без использования авиации и танков... Нет, этого он не мог себе представить. Поэтому и сказал:

– Конечно! Ты всегда можешь на меня рассчитывать. Однако надеюсь, что до этого всё же не дойдёт.

А про себя подумал: «Как ловко он уходит от ответа! Но и мы не лыком шиты». И снова задал наводящий вопрос:

– И всё же любопытно было бы узнать, смогут ли твои парни взять штурмом Алькатрас, если, к примеру, там будет отбывать свой срок разведчик, засланный к нам твоими генералами?

Платов поднял брови и улыбнулся, недоумённо покачивая головой. А затем сказал:

– Дон! Откуда у тебя такие мысли? Взгляни, за окном весна, травка вот-вот зазеленеет, а тебе всё козни чьи-то чудятся, – и, не дождавшись ответа, продолжал: – Я был бы рад, если между нами не возникнет никаких конфликтов ...

– Влад! Я бы с удовольствием, но ведь и ты меня пойми. Я обещал своему народу, что снова сделаю Америку великой, а тут ты со своими «Калибрами», «Кинжалами» и «Посейдонами». Ну и как мне поступить? Вот если бы ты умерил свой пыл, тогда мы о многом смогли бы с тобой договориться.

Тренд словно бы оправдывался, даже виноватая улыбка появилась на губах, а в глазах возникло сожаление. Но бывшего разведчика трудно обмануть.

– Видишь ли, в чём дело, Дон, – спокойно отвечал Платов. – Я ведь тоже давал обещания народу. И пока есть силы, буду делать всё, чтобы сделать наше государство сильным, а народ счастливым.

«Да мало ли кому ты что-то обещал!». Слова сами собой вертелись на языке, но вслух Тренд сказал совсем другое:

– Влад! Согласись, что России до величия, как до Луны, даже если воспользуетесь этим своим спецтрамваем.

Казалось, что ещё чуть-чуть, и дойдёт до банальной перебранки. Но вместо ответа Платов подошёл к книжному шкафу, открыл дверцу, провёл рукой по корешкам и, наконец, достал одну из книг. Затем предложил Тренду прочитать то, что от руки было написано на титульной странице. Тренд близоруко прищурился, но смог разобрать только дату рядом с подписью: 22 марта 1937 года.

– Влад! Извини, но я ещё не успел освоить ваш язык.

– Ну что ж, тогда я переведу. Здесь написано: «В.В. Платову на добрую память о нашей встрече». И подпись: «Михаил Булгаков».

– Тот самый?

– Да!

– Понятно. Очередной фейк! На это вы мастера, – отмахнулся Тренд.

– Неужели ни директор ЦРУ, ни вице-президент ничего тебе не рассказали?

– О чём?

– И Джексон не поделился своими впечатлениями?

– Над его мозгами изрядно поработали в Бедламе. Но, Влад, на что ты намекаешь?

В глазах Тренда читалось беспокойство, но Платов не спе-

шил, намеренно затягивая паузу.

– Дело в том, Дональд, что мы умеем делать то, что американским учёным и не снилось. Вспомни, как вас с Джексоном практически мгновенно перебросили из Лондона в Москву. Это ещё можно как-то объяснить – законы физики не исключают возможности передвижения со скоростью, близкой к скорости света. А теперь представь, что у нас есть средства для перемещения... – Платов сделал многозначительную паузу, – для перемещения из нашего времени в другое.

Тренд не сразу понял смысл сказанного и продолжал ошарашенно смотреть на Платова. Но вот до него дошло. А вслед за этим возникла страшная мысль... С трудом ему удалось сформулировать вопрос:

– Какой сегодня год?

– Не беспокойся, ты сейчас не в Древнем Риме и тебе не придётся воевать с индейцами. Ты у меня в гостях, а вчера ещё был в Бедламе.

Ну и как прикажете на это реагировать? Каналья Дэнс по каким-то своим соображениям скрыл информацию, и вот теперь Тренд вынужден признать, что русские Америку всё же обогнали... Но тут словно что-то щёлкнуло в его мозгу, Тренд прищурил глаз, усмехнулся и спросил:

– И как же при таких невероятных достижениях в науке вы не можете свести концы с концами в экономике?

Платов отреагировал тут же, без раздумий:

– А вот это интересный вопрос!

Дальше был долгий и нудный спор о достоинствах и недостатках либеральной экономики. Платов давил на психику, мол, разбойничьи нравы в бизнесе привели к падению нравственности во всех сферах жизни – это грозит возвратом в доисторические времена, когда каждый готов был удавить соперника в борьбе за лакомый кусок из ляжки мамонта. Тренд не соглашался с таким прогнозом, доказывая, что с обеспечением продуктами питания в Соединённых Штатах всё в порядке, даже приходится бороться с ожирением. Ну а всякие там азиаты, африканцы с этой проблемой разберутся сами...

Но пока нет ответа на вопрос: что же делать с Дэнсом? Может быть, попросить Платова отправить куда подальше этого прохвоста – на машине времени с глаз долой, из сердца вон?

Глава 45. Не так всё просто

Несколько дней после возвращения Тренда в Белый дом прошли относительно спокойно. Но вот вчера он подписал указ о признании суверенитета Израиля над Голанскими высотами, а сегодня потребовал убрать российских военных советников из Венесуэлы. Платов был разочарован. Неужто Тренд почувствовал в нём слабинку после той беседы в Ново-Огарёво? Или же наоборот – понял, что имеет дело с сильным соперником и решил сыграть на опережение, перейти по всем фронтам в атаку?

Срочно созвали Совбез, и вот началось обсуждение сложившейся ситуации.

– Да, с Трендом мы просчитались, – признал Платов. – Такой подлости никак не ожидал! Можно подумать, что это израильтяне вытащили его из психушки.

– Наплевал в душу, это однозначно, – согласился министр иностранных дел. – Но это лишь подтверждает мысль, которая довольно очевидна. Американцам верить нельзя, ни в чём и никогда! По крайней мере, тем, кто находится у власти. Впредь будет нам наука.

– Так что, не надо было реагировать на вопль о помощи?

– Это было бы негуманно с нашей стороны, – заметил секретарь Совбеза.

– Получается: всюду клин, куда ни кинь.

– Владим Владимыч! Может быть, стоило освобождение из психушки юридически оформить... – предложил спецпредставитель президента по вопросам экологии.

– Это как?

– Составить договор, где мы обязуемся его освободить, а Тренд со своей стороны гарантирует, что не будет вставлять палки нам в колёса.

– Серёжа, не смеси!

– Ну тогда надо обнародовать обстоятельства его освобождения.

– И как мы сможем это доказать? – Платова уже стала раздражать упёртость давнего соратника. – Всё, что у нас есть, это видеокadres пребывания Тренда в Ново-Огарёво и на стадионе в Лужниках. Любой западный политик сразу же задаст вопрос: «А причём же здесь лондонский Бедлам?»

– Я бы добавил, что такая акция нам только навредит, – поддержал президента министр иностранных дел. – Опять станут упрекать, что вмешиваемся в дела Соединённых Штатов. Да и Тренд после этого вряд ли сохранит свой пост.

– Туда ему и дорога! – не унимался специалист по экологии.

– Ладно, на этом закончим предварительное обсуждение, – Платов хлопнул ладонью по столу, ставя точку в споре. – Ясно, что нужен асимметричный ответ! Вот на это и надо направить все интеллектуальные и материальные ресурсы. А пока послушаем, что скажет директор СВР.

– Владим Владимыч! По агентурным данным, Тренд собирается просить у Конгресса пятьсот миллиардов долларов на разработку машины времени и один миллиард для ЦРУ на приобретение секретной документации на этот агрегат.

– Ну что ж, лопату им в руки! – усмехнулся Платов. – Если что и накопят, то никак не раньше следующего века. Кстати, Сергей Кузьмич, как дело обстоит с сохранностью документации?

– Владим Владимыч! НИИ мы перебазировали на особо охраняемую территорию, персонал проверили через полиграф, теперь они все на казарменном положении, ну и зарплату им, конечно, подняли в два раза.

– Надо особо отличившихся наградить, – Платов что-то записал в своём блокноте. – Хотите что-то добавить, Сергей Викторович?

– Есть сведения, что американцы собираются внести проект резолюции в Совбез ООН о моратории на передвижение во времени и категорическом запрете на телепортацию.

– Ну уж это дудки! – не сдержался директор ФСБ.

– Согласен, проект мы заблокируем. Но у меня тут возникла одна мысль, – министр иностранных дел сделал паузу, внимательно оглядел собравшихся и продолжал: – Мы заявим, что такой машины нет, и даже не может быть в природе, а мировая научная элита в этом нас поддержит.

– Откуда такая уверенность, Сергей Викторович? – президент не счёл нужным скрыть разочарования, поскольку ждал

более дельных предложений.

– Так ведь эта публика весьма консервативна. Для того, чтобы реализовать новую идею, надо иметь не только недюжинный ум, но и солидную поддержку, например, со стороны министерства обороны.

С одной стороны, министр прав – все эти доктора и академики держатся за свои места, поэтому без особого восторга встречают всё, что может нанести ущерб их авторитету и благосостоянию. В этом Платов убедился на примере реализации реформы академии наук – что-то удалось, но дело идёт с таким скрипом, что впору задуматься о наличии непримиримой оппозиции в академической среде. С другой стороны, мировые гиганты в области современных технологий готовы ухватиться за любую идею, лишь бы вырваться вперёд, опередить конкурентов и получить бюджетные ассигнования. «Вот на этом следует сыграть, направив их по ложному пути, однако тут не обойтись без участия СВР и ФСБ. Дело за малым – нужно подготовить убедительную "дэзу", но для этого потребуется время», – к такому выводу пришёл президент, а вслух сказал:

– Нет, этот вариант нам не подходит. Надо искать другое решение, – Платов нахмурил лоб и поджал губы, демонстрируя не только озабоченность, но и в меньшей степени разочарование неспособностью соратников генерировать оригинальные идеи.

Казалось бы, заседание Совбеза закончится ничем, но тут

раздался голос человека, далёкого и от науки, и от разведки:

– Владим Владимыч! Позвольте мне...

– Слушаю вас, Галина Ивановна.

– Я бы предложила вот что. Нужно подготовить серию публикаций в прессе и несколько передач на телевидении, в частности, на Russia Today, в которых будет высмеиваться возможность создания машины времени. Что-то вроде иронических заметок на тему несбывшихся надежд Герберта Уэллса, Михаила Булгакова и некоторых современных проекторов.

Морщины на лице Платова разгладились, и озорной блеск вдруг появился в его глазах.

– Вот это то самое, что я ожидал! Галина Ивановна, как всегда, зрит в корень.

– Владим Владимыч! Тут есть одна закавыка, – засомневался директор ФСБ. – Неосведомлённый человек такого наворотит, что может получиться совсем не тот результат, на который мы рассчитываем.

Однако Галина Ивановна не сдавалась:

– Так, может быть, написанием текста займётся кто-то из присутствующих?

– Это вряд ли, – усмехнулся Платов. – Однако дело поправимое. Есть один человек, который в силу обстоятельств оказался вовлечённым в акцию по спасению Тренда и к тому же обладает талантом литератора.

– Владим Владимыч! – обиделся директор ФСБ. – Но по-

чему я о нём не знаю.

– Сейчас познакомишься. Он как раз дожидается приёма, – и сообщил по селектору секретарю: – Митя, пригласи Суркова.

– Это Владислав, что ли? – воскликнул министр иностранных дел. – Владим Владимыч! У него ужасный слог, да и в науке совсем не разбирается.

Тут в зал заседаний вошёл Егор. Платов вышел ему навстречу, крепко пожал руку и представил собравшимся:

– Прошу любить и жаловать! Егор Сурков, мой советник по литературе, если кто не знает. По образованию он физик. И более того, оказал неоценимые услуги государству, не говоря уже о том, что был причастен к освобождению Джексона и Тренда из Бедлама.

Пока члены Совбеза переваривали эту информацию, обмениваясь репликами и не скрывая своего недоумения, Платов пересказал Егору то, что обсуждали до его прихода, а потом спросил:

– Так что, Егор Васильевич, возьмётесь за такое дело? Для начала напишите комедийную пьеску или сатирический рассказ, а там видно будет.

Егор пожевал губами, скосив глаза на сидящих за столом.

– Что ж, задачка интересная! Я бы за неё взялся, если мне доверят.

– Значит, решено. Недели вам на это хватит?

– Постараюсь, – кивнул Егор, но тут вдруг сообразил, что

ведь не для того же он сюда пришёл: – Владим Владимыч, а как же...

– Все ваши проблемы мы решим, – успокоил президент. – Однако поймите, что сейчас не до того, есть более важные вопросы, которые нужно срочно обсудить.

Егор ушёл, на ходу кляня себя за то, что согласился – его основная деятельность и так уже в подвешенном состоянии, и в будущем не видно ни малейшего просвета. Но кто сможет президенту отказать?

Заседание Совбеза подошло к концу. Требовался лишь заключительный аккорд, и результат мозгового штурма не замедлил себя ждать. На сей раз отличился министр иностранных дел.

– Владим Владимыч! У меня тут возникло предложение... Речь об асимметричном ответе... – чуть замялся министр.

– Так что надумали, Сергей Викторович? Выкладываете, очень уж ругать не станем, – улыбнулся президент, но такая улыбка не сулила ничего хорошего в том случае, если министр предложит какую-нибудь ерунду.

– Я вот о чём подумал. А не предложить ли жителям ЛНР и ДНР обзавестись паспортами?

– Так вроде они у них уже есть...

– Извините, я имел в виду российские паспорта, – еле слышно проговорил министр, мысленно уже готовясь расстаться со своей должностью.

Платов молчал, обдумывая эту идею. Остальные не реша-

лись высказаться. А министр продолжал:

– Следующим шагом будет включение этих республик в состав Российской Федерации. Они об этом давно просят, – и замолчал, ожидая нагоняя.

В зале повисла тишина. Наконец, Платов поднял глаза и посмотрел на своих соратников.

– Вижу, что не ошибся в вас. Ведь можете, если захотите. А Сергею Викторовичу особое спасибо! – улыбнулся президент. – Мы же теперь утрём нос Тренду, да так, что впредь ему придётся думать, прежде чем действовать в ущерб интересам Российской Федерации. Представляю его физиономию, когда он обо всём узнает!

Все, не сговариваясь, захлопали в ладоши.

Глава 46. Сумасшедшая идея

Выйдя из здания Сената, Егор стал прикидывать, как бы ему подступиться к решению поставленной задачи. Пока дошёл до Тверской, нашёл основу для сюжета, навеянную недавними приключениями Джексона и Тренда. И вот в голове сами собой, словно бы без его участия, стали рождаться строки, только успевай записывать. Когда добрался до квартиры, сразу же сел за компьютер, и пошла работа.

Итак, в палате психиатрической лечебницы где-то на окраине Москвы оказались трое – учёный-физик, писатель-фантаст и политолог, директор «Института политических предвидений». Политолога санитары увели прямо с ток-шоу «Время докажет» на Первом телеканале – у бедняги началась истерика во время спора с президентом «Центра предсказания развития событий». Даже ведущий не смог директора унять, только с грустью посмотрел ему вслед и объявил рекламную паузу.

С фантастом ситуация сложнее – он полгода обивал пороги прокуратуры и районных судов, но всюду наталкивался на непонимание. Несчастный утверждал, что киностудия 20th Century Fox выкрала его рукопись и теперь производит блокбастер за блокбастером, используя одну за другой главы из этого романа. Однако все наотрез отказались признать его приоритет в создании сюжета о машине времени. И вот по-

сле очередного столкновения с органами правосудия он оказался здесь.

Ещё сложнее дело обстояло с физиком. На заседании Учёного совета Института физических проблем он предложил новую модель пространственно-временного континуума – будто время течёт не вперёд, а вспять, и неприятие столь очевидного факта является причиной всех бед, которые свалились на наши головы в последние столетия. Тут и применение оружия массового поражения, чего не было у древних, и обольванивание населения с помощью газет и телевидения, не говоря уже об интернете, наносящем невосполнимый ущерб здоровью молодёжи. А если подсчитать, сколько людей погибло за последние полвека в автомобильных авариях, тогда глобальное потепление уже не будет казаться вселенской катастрофой.

Физик утверждал, что пик своего развития человеческая цивилизация прошла в Средние века, при феодальном строе, а дальше произошёл какой-то сбой в расширении Вселенной, и вот теперь она сжимается. Отсюда и все эти неудачные попытки переустроить мир на основе либерализма, коммунизма, глобализма, демократии. Нам только кажется, что движемся вперёд, а всё потому, что нет неподвижного ориентира, чтобы определить направление движения.

Так или иначе, все действующие лица задуманной Егором пьесы были тем или иным способом связаны со временем. Вполне естественно, что оказались они в одной палате. Но

вот фантаста увели на процедуры и в комнате остались только двое – Василь Прухан, политолог с Украины, и физик, который предпочёл сохранить инкогнито, сославшись на секретность разработок, в которых принимал участие.

– Мир сошёл с ума! – вдруг заорал Прухан.

Физик уже привык к заскокам политолога, поэтому ничуть не удивился. И помолчав, спросил:

– И чем ты недоволен?

– А вот взгляни, что получается. Я составляю прогноз на основе наблюдений за тем, что происходит в мире. Перевожу этот прогноз на язык, понятный всем, и публикую статью. Статью читают политики. Но их не интересуют аргументы, им вынь да положь только предсказание: где, что и когда произойдёт. По сути, они обращаются со мной, как сутенер с продажной девкой. Они эксплуатируют меня! Они делают политику, не имея ни малейшего понятия о взаимосвязи мировых событий. И вот до чего дошло – теперь любой осёл, прочитав мои статьи, может управлять незалежной Украиной!

– По-моему, ты что-то перепутал. Осёл – это символ демократов в США.

– И ты туда же! Нигде нет спасения от кремлёвских агитаторов.

Ещё немного, и могло дойти до потасовки, но тут фантаст вернулся в палату после процедур.

– А вот и я! Аристарх Лепилин, собственной персоной.

– Что такой довольный? Чего кололи на этот раз? – спросил Прухан.

– Говорят, сыворотку правды.

– И что, во всём признался?

– Я им такое выдал, что год будут разбираться с привлечением экспертов из Академии наук.

– Целый год сидеть в психушке? Неужто так понравилось? – удивился физик.

– Всё лучше, чем на воле. А потому что только здесь я имею возможность говорить правду, свободно излагать свои идеи. И меня слушают!

– Не сомневайся, мы всегда готовы, а то со скуки можно помереть.

Вошли врач и двое дюжих санитаров.

– Прухан, на процедуры!

– Опять? Вы не имеете права! Я иностранный гражданин! – Прухан сделал попытку выбраться из смирительной рубашки.

Врач объяснил Прухану ситуацию:

– Поймите, дорогой товарищ, мы не можем в подобном состоянии выдворять вас из страны. Это не гуманно! Вот слегка подлечим, тогда выметайтесь на все четыре стороны.

– Я домой хочу!

– Не беспокойтесь, сейчас дадим успокоительное, и всякие желания напрочь пропадут.

Санитары подхватили Прухана под руки и выволокли из

палаты.

– Ну, что будем делать? – спросил Лепилин, обращаясь к физику.

– Не знаю. Вроде бы всё перепробовали, а толку никакого. Видимо, до скончания века придётся тут сидеть.

Помолчали. Первым нарушил тишину фантаст:

– Я вот всё думаю о твоих словах... Если время течёт вспять, и только поэтому мы оказались в психушке, может быть, попробовать изменить направление движения?

– И не надейся! Против науки не попрёшь, – возразил физик.

– А если проделать мысленный эксперимент?

– Это как?

– Представь, что мы в машине времени. Всё зависит от того, какую кнопку нажать, и полетим либо в будущее, либо в прошлое. Ты куда предпочитаешь?

Физик оглянулся по сторонам.

– Я вижу тут только кнопку вызова санитара.

– В том-то и дело! – радостно вскричал фантаст, вскочив с кровати. – Наши возможности ограничены пределами нашего воображения. Стоит себе представить...

– Я понял! – физик перебил Лепилина. – Ты предлагаешь считать, что мы находимся на воле, а все остальные там, за каменной стеной с колючей проволокой.

– А разве не так?

– Это с какой стороны смотреть...

– Вот именно! Но дело даже не в этом, – фантаст расправил плечи, помассировал грудь и стал ходить по комнате, размахивая руками в такт шагам. – Представь, что мы летим.

– Ну прилетели. И дальше что?

– Ты забегаешь вперёд, – фантаст хотел что-то объяснить, но решил не останавливаться на частностях: – Ладно, прилетели. И где теперь находимся?

– В психушке, где ж ещё?

– Ты слишком узко мыслишь, – огорчился Лепилин. – Впрочем, это обычное дело для профессиональных физиков. У вас нет полёта мысли! Вы мыслите только от сих до сих, как примитивный компьютер, работающий по заданной программе.

– Ты физиков не обижай, а то в глаз получишь, – лениво огрызнулся физик.

– Ну вот, ещё одно проявление узости мышления. Любую оригинальную идею вы сразу отвергаете вместо того, чтобы дослушать до конца.

– Да ладно, излагай! Чего там у тебя?

Вдруг дверь отворилась и в палату, слегка покачиваясь после промывания мозгов, вошёл Прухан.

– А я всё слышал! Что, без меня решили улететь?

– Если есть желание, присоединяйся, будешь третьим, – предложил Лепилин.

– Желание есть. Хочу, чтобы меня перебросили во времена Богдана Хмельницкого. Я им покажу союз с Россией! –

заорал Прухан и угрожающе выпятил живот.

– Ну вот, я так и думал, что этим всё закончится, – физик перевернулся на другой бок, демонстрируя полное безразличие к обсуждаемой проблеме.

Но не тут-то было. Прухан завёлся, орал не умолкая, не давал Лепилину сформулировать мысль, перебивая его на полуслове, и чтобы как-то унять политолога без помощи врача и санитаров, пришлось физику вмешаться в разговор:

– Граждане! Ну сколько можно втолковывать одно и то же?! Если время движется вспять, это вовсе не значит, что туда же перемещается материальный мир. К примеру, Газпром так и останется Газпромом и будет по-прежнему финансировать «Зенит», а в США вместо Тренда не станет править Авраам Линкольн. Поймите же, что смена направления движения произошла только в наших умах!

– Так я же о том и говорил! – Лепилин явно обиделся на физика за то, что он пытается украсть идею, и повторил прежние свои слова. – Поэтому мы и сидим в психушке!

Даже Прухан стал что-то понимать, однако не в его правилах подчиняться обстоятельствам:

– Так надо срочно улетать!

Ну что тут поделаешь? Пришлось физику принять условия игры:

– Ладно! Лепилин, запускай машину.

Фантаст забегал по комнате, размахивая руками...

– Ну что, летим?

– Летим, братцы! Ещё как летим! – заорал Прухан.

Тут что-то гроыхнуло, порыв ветра распахнул окна, в палате внезапно потемнело. А вслед за тем послышался гул улетающего самолёта...

Егор захлопнул крышку ноутбука. Для начала этого достаточно. Можно досрочно отчитаться о выполнении порученной ему работы. Но почему-то нет полного удовлетворения. Егор вдруг понял, что всё не так смешно, как он здесь написал. А почему бы не поверить в эту сумасшедшую идею? Ведь всё становилось на свои места – время действительно повернуло вспять, но мы этого не замечаем и продолжаем идти вроде бы вперёд, хотя на самом деле пятимся. Мы деградируем на глазах, но не способны этого понять, поскольку не с кем сравнивать. Куда подевались великие мыслители, композиторы, художники? Во что превратилась русская литература!

Увы, всё осталось в прошлом, а мы и не заметили, как повернули назад, не замечаем, что топчем достижения прошлых поколений. Теперь работа с компьютером заменяет нам мыслительный процесс, живопись сводится к Фотошопу, а литератором считает себя каждый графоман, которому удалось разместить свой текст на одном из сайтов в интернете. Проблема ещё и в том, что издателей и продюсеров интересует только прибыль, а для этого надо угождать публике – той, что в восторге от халтурных телесериалов и незатейливого чтения перед сном.

Как ни странно, прав Лепилин – всё зависит от нашего желания. Но если такого желания нет, если только одиночки пытаются противостоять убогому мейнстриму, тогда катастрофа неизбежна.

Глава 47. Не мытьём, так катаньем

Праздник вроде бы удался. Костик сидел во главе стола, оглядывая публику – несмотря на понижение в должности, его ещё не списали со счетов, чему свидетельством было присутствие многих влиятельных людей из бизнеса, которым в бытность вице-премьером оказывал поддержку. Со всех сторон неслоь:

– Костик! Ты наша надежда и опора.

– Костик, дорогой! Что бы я делал без тебя?! Так бы и торговал укропом на базаре в Тёплом Стане.

Некоторые из прозвучавших тостов были весьма сомнительного содержания:

– Спасибо, Костик, что ты есть! Борись и не сдавайся! Да я с себя последнее сниму на благо общего дела, если пожелаешь! – кричала подвыпившая дама весом не менее ста килограммов.

Вслед за ней выступил ещё какой-то «фрукт», видимо, с криминальным прошлым:

– Долгих лет тебе, Костик! Главное, чтобы подольше оставался на свободе. А всё потому, что без тебя мы, как без рук.

Впрочем, чего ещё можно ждать от захмелевшего производителя сосисок и сарделек. Хорошо хоть подарок выбирал не из того, что выпускает его фирма.

В разгар застолья прибыли и несколько человек из прави-

тельства, к сожалению, не выше уровня заместителя министра. Но огорчало не это – по каким-то причинам не смог приехать Аксельборг, а тут ещё куда-то Агузов запропастился. Позвонил из Внуково, как только приземлился самолёт, но потом стал совершенно недоступен. Где-то внутри возникло нехорошее предчувствие, и чем больше хвалебных тостов Костик слышал, тем более реальным становилось ощущение, что присутствует он не на своём дне рождения, а на поминках.

Слава богу, он пока что жив и на здоровье нет оснований жаловаться, однако суд над Улюкаевым, арест братьев Магомедовых и ещё несколько подобных дел постепенно подорвали его веру в то, что фортуна впредь будет благосклонна, а неприятности остались позади. Казалось бы, так оно и есть – кто бы поверил, что можно избежать наказания после провала той операции, когда попытались избавиться от нынешнего президента. Ведь до сих пор тишина, словно и не было их человека в СВР, и Джексона не закинули в прошлое для осуществления диверсии. Ещё чуть-чуть, он и сам поверит, что ничего такого не было. Но почему же тогда его сняли с должности вице-премьера? Да бог с ней, с должностью! Но куда подевался Агузов?!

Тут зазвонил телефон – мобильник выдал знакомую мелодию. В зале было шумно, и Костик вышел в другую комнату, на ходу повторяя про себя: «только бы у Михаила было всё в порядке». В конце концов, сегодня праздник и пото-

му недопустимо, даже дико, чтобы именно в этот день случилось что-то с одним из его друзей. Увы, адвокат Михаила сообщил ужасную новость – Агузова задержали в аэропорту по подозрению в организации преступного сообщества с целью хищения бюджетных средств. Эти слова прозвучали как последнее предупреждение – стало ясно, что силовики подобрались к нему вплотную и уже не остановятся, а там недалеко и до премьера. Костик по телефону забронировал место на ближайший рейс – ему было всё равно, куда лететь, только бы подальше от ФСБ и Следственного комитета...

Докутович не догадывался, что Платов сам предложил эту комбинацию – выманить Агузова в Россию, а уж остальное дело техники. На роль зазывалы был назначен Чумкис, под началом которого Агузов когда-то работал, – тот на всё готов, лишь бы самого его не трогали.

Чумкис связался с Агузовым по скайпу. В разговоре старых знакомых речь зашла о Докутовиче – Чумкис предложил Агузову поддержать товарища после краха его карьеры:

– Миша! Многие отвернулись от бывшего вице-премьера, бог им судья. Не знаю, как ты, но я бы почувствовал себя предателем, если бы не пришёл к нему на день рождения.

– Всё так, Толян! Но от нашей власти всего можно ожидать, вплоть до того, что подложат в багаж пакетик с кокаином, а потом выкручивайся, как можешь.

– Я тебе гарантирую, что ничего подобного не будет. Сам встречу в аэропорту и доставлю на Рублёвку в лучшем виде.

– Так-то оно так, но ведь и ты не всемогущ. У нас на всю страну один гарант, да и тому я бы не поверил после того, что случилось с Улюкаевым.

– Улюкаев сам виноват. Надо было послать к Сечину кого-то из своих людей, тогда бы он сам оказался не при делах. Во всяком случае, его причастность было бы очень трудно доказать.

– Ты прав. Но этот случай доказывает, что никому нельзя верить.

– Даже мне?

– Ладно, уговорил. Но если что не так, бог тебя накажет.

– Значит, договорились. Перед вылетом позвони...

Ни в бога, ни в гаранта Чумкис давно уже не верил. Жил только сегодняшним днём, рассчитывая на свою интуицию и смекалку. Что бы ни случалось по его вине, он всегда находил такое объяснение, такие аргументы, против которых никто не мог ничего возразить даже при большом желании. И только слышал, как вслед ему неслись слова: «Жулик, конечно! Но ведь не ухватишь». Так было и с ваучерами, и с залоговыми аукционами, и с реформами в гидроэнергетике. А сколько неприятных слов он слышал по поводу того, что творилось в его холдинге! Но ведь до сих пор сухим выходит из воды. Всё потому, что не лезет на рожон и может быть полезен в таких нестандартных ситуациях, как эта. Ну а случись, что с Агузова снимут обвинения, всегда можно сослаться на форсмажор, и глядя в глаза сказать, что... Да можно придум-

мать десятков причин, почему не смог ни предупредить, ни встретить.

И вот теперь Докутович, сидя в кресле самолёта, размышлял о том, как же он дошёл до жизни такой. А как хорошо всё начиналось! Кто мог предположить тридцать лет назад, что он сделает такую карьеру? Когда учился в Университете Дьюка, надеялся стать правой рукой какого-нибудь олигарха, но ему настоятельно порекомендовали сделать всё возможное, чтобы войти в правительство – только в этом случае он мог рассчитывать на поддержку друзей из США. Со временем это удалось, тут помогли и доверительные отношения с либеральным лобби в высших эшелонах власти. Довольны были его неформальные партнёры в бизнесе – инсайдерская информация дорогого стоит! Ну а позднее пришлось заняться воплощением в жизнь популярной в те годы идеи «партнёрства власти и общества» – это стало семейным делом для Докутовичей. Муж символизировал государственную власть, а жена представляла интересы «общества» в совете директоров нескольких частных компаний. И вот теперь...

– Ах, судьба моя, судьба! – только и смог пробормотать Костик, принимая из рук стюардессы ещё один двойной «бурбон»...

Тем временем Платов, сидя в своём кабинете, анализировал материалы, которые представили ему руководители ФСБ и Следственного комитета. Картина складывалась неутешительная.

тельная.

«Жульё множится, как кролики, – только успевай отлавливать. Вот и бывшего советника Дани задержали. Да уж, скажи, кто твой советник, и я скажу тебе кто ты. Хотя в этом случае речь идёт о неумении подбирать кадры. Но как разглядеть, что у человека внутри, с чем он идёт на государственную службу? Даже если не собирался воровать, соблазн слишком велик, если приходится ворочать миллиардами.

Жаль, конечно, расставаться Даней... Проблема в том, что знает слишком много, так что послом в Зимбабве не отправишь. Единственно приемлемый вариант – изолировать его от либералов... Но ведь одних посадишь, а он других найдёт. И чего его к ним тянет? Самое неприятное, что некем заменить. Даню я как облупленного знаю, а эти... Вроде бы есть достойные люди и в губерниях, и в Администрации, и в Думе, но как подумаю, что могут сотворить, когда получат власть... Да что тут говорить, становится страшно за страну и за людей, которые ждут улучшений в их повседневной жизни, а не очередной "прихватизации".

Неспроста Докутович, узнав об аресте Агузова, тут же за границу смылся. Вряд ли ему там будут рады – тоже слишком много знает. Скорее всего, упекут в Бедлам, место там освободилось. А может, кое-что похуже... Сколько ещё таких, урвавших свой кусок, нежатся под жарким южным солнцем, прячутся от наказания в Лондоне или в Хайфе! Но главная беда не в них, а в тех, кто ещё не дорвался до пирога,

кто ещё дожидается своего часа. Увы, наука здесь пока бессильна – нет у нас возможности заглянуть на пару лет вперёд и посмотреть, как они поведут себя, когда получают власть. Есть кое-какие средства, но крайне ограниченные».

Платов уже не в первый раз ругал себя за то, что не использовал единственный шанс и отправился не в будущее, а в прошлое, но каждый раз находил себе оправдание – Булгаков открыл ему на многое глаза, хотя нельзя сказать, что во всём был прав. Вот такого бы ему в советники! Только ведь надолго во власти не удержится – здесь такие долго не живут. Увы, работа по приказу, по спущенной сверху методичке – это с творчеством не совместимо! Поэтому и подсовывают ему нередко такие проекты и предложения, от которых дыбом волосы встают.

Однако допустим, что полетел бы в будущее, лет на семь вперёд – к тому времени он уже покинет свой кремлёвский кабинет и займется разведением кроликов или же выращиванием помидор на садовом участке. Казалось бы, самое интересное в этом путешествии – встреча с тем Платовым, из будущего, причём встреча тет-а-тет. И что же они скажут друг другу? Тут возможны варианты.

Вариант первый, оптимистический.

– Влад, дорогой! Ты совсем неплохо выглядишь.

– А вот ты немного постарел.

– Что поделаешь, годы берут своё.

– Ну, как идут дела?

– Твой преемник пока справляется с работой, но, если что, мы его поправим.

– Только не торопитесь с должности снимать, а то начнётся чехарда... Выборы, перевыборы, а кому всё это нужно?

– Да-да, мы понимаем.

– А как с экономикой, с международной обстановкой?

– Да всё, как и планировали. Газ в Европу качаем, арктический шельф начинаем понемногу разрабатывать. Вот-вот с «Восточного» отправим корабль на Луну. Понемногу повышаем удои молока и производство говядины, а по пшенице мы теперь впереди планеты всей... Ну что ещё? Пенсии индексируем, рождаемость повышаем по мере сил, а в остальном всё так же, как при тебе – санкции никто не хочет отменять, НАТО бряцает оружием...

– А Крым, Донбасс?

– Крым стал международной здравницей, лучшей на всём черноморском побережье. Ну а Донбасс... Куда он денется? Там всё нормально. Правда, постреливают немного, но только холостыми. Зеленский накрутил своим хвоста, чтобы зря не тратили патроны.

– Ну что ж, ты меня успокоил, а то иногда закрадывается мысль...

– Да выкинь её из головы!

– Договорились! Так я поехал?

– Неужели ещё денёк не погостишь?

– Не могу! Дела, знаешь ли, дела...

Вариант второй, не дай бог такое!

– Влад! Что так похудел? Врачи доканали?

– Да тут такое творится! Ты бы и в кошмарном сне не мог себе представить...

– Неужто мировая война?

– Хуже! Сахалин и Курильские острова отдали Японии. Крым – Украине. Калининград стал свободным городом под патронатом Польши и Германии. Россия признала, что весь арктический шельф принадлежит Канаде...

– Ужас! А Донбасс?

– Донбасса больше нет. Теперь там база НАТО с крылатыми ракетами, нацеленными якобы на Африку...

– Ну а Газпром, Роснефть?

– Нет их больше, раздербанили. Опять появились ЮКОС, Сибнефть и ещё с десятков компаний.

– А что же ты?

– Да что я могу? Руководителей силовых ведомств сменили. В Думе произошёл переворот. Только Жириновский не изменил прежним идеалам...

– Не надо, не продолжай!

– Влад! Извини за прямоту, но ответь мне, зачем ты этого... своим преемником назначил? Неужели лучше не нашёл?

– Ты же сам сказал, что почти все к нему переметнулись...

– Так-то оно так, но всё же попробуй что-нибудь исправить. Я же не могу на прошлое влиять, а у тебя есть все воз-

возможности, чтобы не допустить такого безобразия.

– Ладно, я попробую.

На том и расстались.

И вот Платов, сидя за своим рабочим столом в здании Сената, размышлял над тем, какой из этих вариантов наиболее реален. Как-то не верилось, что его дело предадут и всё пойдёт прахом. Нет! Этого не может быть!

Глава 48. Батман тандю

Ощущение такое, будто в машине времени мгновенно перебрался из прошлого апреля в следующий год, но, посмотрев по сторонам, вдруг обнаруживаешь, что по сути ничего не изменилось. На полках книжных магазинов днём с огнём не сыщешь книг, на чтение которых не жаль потратить время. В кино примерно то же самое – ни уму, ни сердцу. На телевидении – халтура вперемежку с рекламой дорогих пустышек, производимых фармацевтами, и продолжают плодиться разнообразные ток-шоу на потребу жаждущей скандалов публике. Если бы только агипроп, а то ведь скоро станут раздеваться перед публикой до нижнего белья... На душе так скверно, что иногда хочется заснуть и никогда уже не просыпаться.

Такие мысли всё чаще возникали в голове Егора. После его назначения на пост советника президента прошёл год. И вот снова утро. Снова Егор и Катя просматривают тексты, которые им шлют и начинающие писатели, и те, кто после долгих мытарств уже отчаялся опубликовать свою рукопись в издательстве и пишет только в интернете. Но вдруг Егор захлопывает свой ноутбук.

– Всё! Больше не могу.

– Что случилось? Устал?

– Нет. Просто не хочу делать бесполезную работу.

– Но почему? Мы же пытаемся помочь людям...

– В том-то и дело, что пытаемся. А толку никакого.

– Ты же обещал Платову...

– Будем считать, что не справился.

– Я тебя не узнаю, Егор. То готов лезть через забор президентской резиденции, то пасуешь перед трудностями, которые вполне преодолимы.

– Если бы так... – вздохнул Егор. – Но пока нет прямого указания из Кремля, никто даже не пошевелится. А Платову, похоже, не до нас.

– Ну потерпи немного. Со временем всё образуется...

– Нет, Катя, ничего уже не будет.

Сегодня он получил директиву из Администрации – никто и не думал ничего разъяснять, просто отправили электронное письмо за подписью помощника президента. Отныне Егор должен каждую неделю отчитываться перед Ведьминским. Это и доконало! Снова смотреть на эту лицемерную физиономию и слушать патриотические речи. Выслушивать замечания, заверять в совершеннейшем почтении и обещать начальству: сей минут исправлю... Нет, это выше его сил! Так и сказал Кате, когда прочитал письмо:

– Приседать и делать ножкой – это, знаешь ли, не для меня.

– Послушай, ты не прав. Ради хорошего дела иногда можно и присесть, усмирить свою гордыню. От этого тебя не убудет.

– Катя! Ты разве не понимаешь, для чего я всё это затеял? Для того, чтобы не было таких начальников, как нынешний министр культуры. Чтобы не приходилось унижаться, лгать и изворачиваться. А ты что мне предлагаешь?

– Ну тогда попроси Платова, чтобы назначил тебя министром культуры.

– Ты шутишь, а мне не смешно. Да любой нормальный человек, который согласится войти в правительство, в российское или какое-то другое, очень скоро потеряет человеческие черты. Это будет механизм, действующий по нажатию чьей-то кнопки.

– Тогда предложи свою кандидатуру на президентских выборах, – смеётся Катя.

– Да уж, только этого мне и не хватало! – пробормотал Егор. – Но, к сожалению, даже монарх не волен в принятии решений. Как известно, короля играет свита. А попытается делать всё по-своему, беднягу тут же скинут с трона.

– И всё же, выход из трудной ситуации можно найти...

– Но только в том случае, если есть выход.

Катя ничего не ответила, только грустно посмотрела на Егора. Так смотрят, когда неизбежно расставание.

А вечером того же дня случилось то, что и должно было произойти. В этот поздний час всех, кто догадался настроить приёмник на волну радиостанции «Эхо столицы», ожидал сюрприз. Вместо рекламы, музыки и надоевших новостей о том, как хорошо Ходорковскому живётся на сво-

боде, из магнитол, ноутбуков, планшетов и айфонов послышалось нечто такое, что ожиданиям радиослушателей никак не соответствовало. Давно такого не было, чтобы в прямом эфире развёртывалась дискуссия на столь животрепещущую тему. Ниже приведена расшифровка аудиозаписи этой программы.

К. МАРЬИНА – Здравствуйте, дорогие друзья! Сейчас за окном поздний вечер, но мы собрались здесь, в «Закрытой студии», потому что дольше ждать уже нельзя. Вот только что по информационным каналам сообщили, что утром произойдёт событие из ряда вон выходящее – советник президента по литературе покинет свой пост, даже не подав прошение об отставке. Эфир программы ведут – Алексей Бенедиктов и Ксения Марьина.

А. БЕНЕДИКТОВ – Начальник пришел, мы в прямом эфире, здравствуйте.

Е. СУРКОВ – Здравствуйте.

А. БЕНЕДИКТОВ – Вот вам микрофон, садитесь поближе, пожалуйста... Так какие же у вас впечатления накопились за время отсидки в советниках президента России.

Е. СУРКОВ – Отсидки не было, была работа. Теперь будет о чём написать.

А. БЕНЕДИКТОВ – Это угроза?

Е. СУРКОВ – Нет, это желание рассказать о том, что нам мешает жить.

А. БЕНЕДИКТОВ – А поконкретнее?

Е. СУРКОВ – Если мы хотим изменить нравственный климат в стране, необходимо сделать определенные выводы из ошибок, которые совершает власть.

А. БЕНЕДИКТОВ – Любопытно! Но прежде, чем мы перейдем к вашей работе на посту советника президента, я хотел бы вот о чём спросить. Мы тут, когда готовились с Ксенией к эфиру, выяснили, что вы по образованию физик. Как получилось, что увлеклись литературой, зачем писателем-то стали?

Е. СУРКОВ – Что значит «зачем»? За чем-то в очереди на базаре стоят. За дешёвой картошкой, например.

К. МАРЬИНА – Позвольте, я уточню вопрос. Что вас заставило взять в руки перо?

Е. СУРКОВ – Никто меня не заставлял. На самом деле, писатель – это в какой-то степени состояние души.

А. БЕНЕДИКТОВ – И когда вы это состояние в себе почувствовали?

Е. СУРКОВ – Давно. Но чтобы писать, этого явно недостаточно. Помимо чувств нужны ещё и мысли. Более того, писатель должен быть аналитиком, психологом, философом.

А. БЕНЕДИКТОВ – Но как вам удалось освоить все эти профессии? После Физтеха окончили Литературный институт?

Е. СУРКОВ – Литинститут даёт начальное образование. Это что-то вроде арифметики в первых классах школы. А вот алгебру и высшую математику будущий писатель должен

достигать сам, на основе собственного жизненного опыта. Вспомните Юрия Трифонова. Написал повесть о студентах, был обласкан, а потом всё, затык! Потому что ни о чём другом не смог писать. И только спустя два десятка лет его слово прорвало.

А. БЕНЕДИКТОВ – И когда же с вами такое превращение случилось?

Е. СУРКОВ – Да лет десять назад.

А. БЕНЕДИКТОВ – А раньше не пытались?

Е. СУРКОВ – Пробовал, но не пошло.

А. БЕНЕДИКТОВ – Егор Васильевич, последний вопрос, потому что потом мы перейдем к политике. Кто вы по жизни? Физик, историк или же писатель?

Е. СУРКОВ – Вы знаете, я всегда был где-то между... Когда занимался физикой, пришлось быть и теоретиком, и экспериментатором. Сейчас обретаюсь где-то между профессиональными учёными и дилетантами, если речь идёт об исследовании начала Руси. В литературе пытаюсь идти своим путём. Ну а в политике – где-то между «патриотами» и «либералами».

А. БЕНЕДИКТОВ – И как вам там?

Е. СУРКОВ – Признаюсь, неудобно. Но что поделаешь, если так складывается жизнь?

А. БЕНЕДИКТОВ – Не страшно оказаться в полном одиночестве?

Е. СУРКОВ – Уверен, что я не одинок в своих суждениях.

Проблема в том, что мы людей почти не слышим. Но даже если кто-то дорвётся до микрофона, как правило, несёт такую чушь, что уши вянут.

А. БЕНЕДИКТОВ – Что-то вы уж больно агрессивно настроены. Не с той ноги сегодня встали?

Е. СУРКОВ – Да нет, не в этом дело! Вы знаете, меня всё чаще посещает мысль, что всё, что было, всё напрасно.

А. БЕНЕДИКТОВ – Вы о чём? Только избавьте нас от слишком мрачных мыслей, а то радиослушатели разбегутся.

Е. СУРКОВ – Тут не во мне дело. Так уж наша жизнь устроена, за что следует поблагодарить действующую, а если точнее, бездействующую власть.

А. БЕНЕДИКТОВ – И чем вы недовольны? Внешняя политика, экономика... Что вас не устраивает?

Е. СУРКОВ – А не устраивает то, что в погоне за экономическими показателями мы забываем о самом главном. Нынешнее телевидение нас калечит, киноискусство деградирует, литературы просто нет.

К. МАРЬИНА – Но вы же пишете одну книгу за другой.

Е. СУРКОВ – Это глас вопиющего в пустыне. Прошу правильно меня понять, я выражаю своё личное, субъективное мнение. Если кому-то нравятся книги Донцовой, Акунина и Быкова, это само по себе не значит, что мир катится в тартарары. Однако писателей уровня Достоевского, Чехова, Олеси, Булгакова, того же Трифонова за последние тридцать лет так и не появилось.

А. БЕНЕДИКТОВ – И куда они пропали?

Е. СУРКОВ – Причина в том, что спрос рождает предложение. Наше телевидение и прочие СМИ воспитали таких потребителей искусства, которым по душе незатейливое что-то либо то, что провозглашено последним криком моды. И самое прискорбное, что это вполне устраивает власть.

А. БЕНЕДИКТОВ – На чём основано это утверждение?

Е. СУРКОВ – Власть не замечает, что в московских издательствах фактически господствует цензура. Ни одна книга не пройдёт, если её содержание не устраивает тамошних начальников. А вот за океаном готовы публиковать всё подряд. То есть так было до последнего времени.

К. МАРЬИНА – И куда всё подевалось?

Е. СУРКОВ – Джэфф Бэзос, владелец интернет-магазина «Амазон», сделал хитрый финт. Нет, он ничего не запрещал. Он просто закрыл одно из подразделений своей компании, Create Space, которое занималось изданием бумажных книг, в том числе на русском языке, и передал его функции другому подразделению, Kindle Direct Publishing, функция которого состояло в продаже электронных книг. А фишка в том, что русскоязычные книги Kindle Direct не распространяет.

К. МАРЬИНА – Но почему?

Е. СУРКОВ – Объясняют это тем, что Kindle Direct не имеет своего представительства в России.

К. МАРЬИНА – Довольно странно...

У. СУРКОВ – Некоторые писатели рассматривают это как

мелкую пакость по отношению к России. Но я думаю, что причина тут в другом. Идёт борьба с кремлёвскими троллями, в разряд которых тамошние мудрецы записали русских писателей...

А. БЕНЕДИКТОВ – Ладно, мы отклонились от темы... Скажите, пожалуйста, такое отношение нашей власти к культуре, к искусству, о чём вы нам рассказали, должно ли оно нас напугать? Может ли оно привести к деградации населения всей страны?

Е. СУРКОВ – А вы спросите у людей, хотят ли они жить так, как живут американцы? Я имею в виду не только зарплату и жизненные удобства, но и то, что принято называть американской массовой культурой. Боюсь, что большинство населения такая перспектива вполне устраивает.

А. БЕНЕДИКТОВ – А вот мы сейчас и спросим... (Слышен телефонный звонок) Алло, говорите, вы в эфире.

СЛУШАТЕЛЬ – Здравствуйте! Моя фамилия Никонов. Я бы хотел спросить, когда Сурков выполнит своё обещание, и мои книги будут издавать большим тиражом, эдак тысяч по двести?

Е. СУРКОВ – Господи! Как же он мне надоел!

А. БЕНЕДИКТОВ – Господин Никонов! Ответьте на вопрос: как вы относитесь к американской массовой культуре?

СЛУШАТЕЛЬ – Весьма позитивно.

А. БЕНЕДИКТОВ – Но почему?

СЛУШАТЕЛЬ – Потому что в Америке я бы давно уже

стал миллионером.

А. БЕНЕДИКТОВ – Ваша мысль понятна. Ещё один звонок... Говорите!

СЛУШАТЕЛЬ – Добрый вечер! А когда в продажу поступят новые айфоны Apple?

А. БЕНЕДИКТОВ – Вы звоните не по адресу... Да, Егор Васильевич, возможно, вы и правы кое в чём.

К. МАРЬИНА – Но позвольте! Вы утверждаете, что путь, которым идёт сейчас Россия, это путь в никуда, это тупик?

Е. СУРКОВ – Мы не одиноки. Весь мир идёт таким путём.

К. МАРЬИНА – Ага! Но если весь мир идёт, значит, это правильный путь.

Е. СУРКОВ – Блажен, кто верует. А я вижу явные свидетельства того, что мир скатывается в пропасть.

К. МАРЬИНА – И в чём же это выражается?

Е. СУРКОВ – Ну скажем, в отступлении от заповедей Христа.

К. МАРЬИНА – Вы верующий человек?

Е. СУРКОВ – Религия тут ни при чём. Речь идёт о нравственности.

К. МАРЬИНА – Всеобщее падение нравов? Это довольно избитая тема. Время от времени кто-то восклицает: «О времена! О нравы!» Однако жизнь течёт, и наша цивилизация успешно развивается.

Е. СУРКОВ – Если вы об экономике, не стану спорить. Но посмотрите, что творится в мире! Свергают неугодные пра-

вительства, разоряют целые страны, устраивают провокации с тем, чтобы обосновать санкции против России...

К. МАРЬИНА – Так было едва ли не со времён Адама...

Е. СУРКОВ – Ну а стрельба в американских школах, гей-парады, однополые браки...

К. МАРЬИНА – Вы всё смешали в кучу.

Е. СУРКОВ – Такова реальность, как это ни прискорбно.

К. МАРЬИНА – Но какое отношение имеет к этому русская литература?

Е. СУРКОВ – Прямое! Мы должны противостоять падению нравов. Что-то надо делать, пока не стало поздно. Один из надёжных способов – печатать больше хороших книг, причём не только классиков вроде Пушкина или Льва Толстого. И надо запретить издание книг, которые калечат молодёжь или воспитывают недоумков.

А. БЕНЕДИКТОВ – Теперь мы подошли к главной теме нашей беседы. Что вам удалось сделать на своём посту? Много ли талантливых писателей смогли найти? Сколько издательств согласились издавать их книги.

Е. СУРКОВ – Увы, ничем порадовать вас не могу. Таланты у нас есть. Их не так уж много, произведения их не безупречны, но есть над чем работать. А вот с издательствами беда!

А. БЕНЕДИКТОВ – Что с ними такое?

Е. СУРКОВ – Они же все принадлежат частным лицам. А ведь акционерам нужно что?

А. БЕНЕДИКТОВ – Насколько я понимаю, прибыль.

Е. СУРКОВ – В том-то и дело! Поэтому издатели не станут рисковать, публикуя книги «нераскрученных» писателей.

А. БЕНЕДИКТОВ – Что же тогда делать?

Е. СУРКОВ – Мы рассчитывали убедить правительство в том, что надо установить льготное налогообложение для тех издательств, которые будут участвовать в нашем проекте.

А. БЕНЕДИКТОВ – И что?

Е. СУРКОВ – А ничего! Видите ли, в бюджете нет денег, и даже не предвидится.

А. БЕНЕДИКТОВ – Но вы же имеете возможность обратиться к президенту.

Е. СУРКОВ – Формально – да. Но отвечает на мои просьбы один из его помощников. И заявляет, что есть более важные дела, чем спонсировать издательства. А потом, как бы неофициально, добавляет: там все сплошь жулики, поэтому иметь с ними дело мы не станем. Я говорю: тогда создайте государственное издательство. Отвечает: это слишком дорого, нам на пенсии денег не хватает. Вот такая сложилась ситуация...

А. БЕНЕДИКТОВ – Поэтому вы и решили покинуть пост советника?

Е. СУРКОВ – Да я уже ушёл.

А. БЕНЕДИКТОВ – Как так? Вроде бы официального распоряжения ещё не было.

Е. СУРКОВ – А мне пофигу!

А. БЕНЕДИКТОВ – Угу. Ну что ж, честно признаюсь, что вы меня вконец расстроили. Тем не менее, спасибо!

Е. СУРКОВ – И вам!

Глава 49. Седьмое доказательство

Среди ночи Платова разбудил странный звук – такое впечатление, что кто-то постукивал каблучком ботинка по полу. Он открыл глаза и в первое мгновение подумал, что по-прежнему спит. Всё дело в том, что взору представилось нечто совершенно невозможное – на стуле в углу спальни сидел Евгений Евстигнеев. Поначалу Платов решил позвать охрану, но потом сообразил, что этого знаменитого актёра давно уже нет в живых, так что, похоже, всё это ему мерещится. И только, приглядевшись, понял, что перед ним вовсе не Евстигнеев, а Филипп Филиппович Преображенский – об этом свидетельствовали и длинная белая борода, и золотёное пенсне. Да и само появление призрака Евстигнеева в Ново-Огарёво не имело под собой ни малейших оснований. Другое дело профессор – от этих учёных можно ждать, чего угодно, даже вот таких визитов по ночам.

Пришлось встать с постели и надеть халат. Платов хотел включить свет, но профессор попросил этого не делать. То ли кого-то опасался, то ли хотел скрыть какие-то изъяны своей внешности – ведь столько лет прошло с тех пор, как он подобрал собаку на Пречистенке.

– Профессор! Вы как сюда попали?

– Ох, и не спрашивайте! – отвечал Филипп Филиппович, вытирая пот со лба. – Кабы знал, что такое трудное путеше-

ствие придётся предпринять, ни за что не согласился бы.

– Да откуда же вы прибыли?

– Так ведь из будущего, сударь.

– Вот те раз! Ну и зачем?

– Дело у меня к вам очень важное.

– Ну, если дело, тогда слушаю.

– Сейчас, только маленько отдышусь...

«Он и вправду выглядит уставшим, что неудивительно в его возрасте. Так же, как и то, что люди будущего научились перемещаться в прошлое, что называется, налегке – без трамвая и дрезины в качестве машины времени. Судя по всему, и «кротовая нора», и параллельные миры тут ни при чём. Но всё же странно, неужто никого моложе не могли послать?».

Филипп Филиппович тем временем пришёл в себя.

– Так вот что велено вам передать.

– Простите, кем?

Филипп Филиппович мотнул головой:

– Это не суть важно. Допустим, инициативная группа граждан, которые оказались в скверной ситуации благодаря вам, то есть, говоря точнее, по причине вашего бездействия.

– Я-то тут при чём?

– Вам лучше знать, чего вы тут наворотили.

Платову это стало надоедать:

– Профессор, прекратите эти экивоки! Если есть что предьявить, готов вас выслушать.

– Я прибыл не для того, чтобы вас в чём-то обвинять.

– Так объясните, что вам нужно от меня! – воскликнул Платов, не скрывая раздражения. – И поскорее, а то спать очень хочется.

– На вашем месте мне было бы не до сна. Всё гораздо хуже, чем вы предполагаете.

– О господи! Да о чём же речь?

– Так ведь о будущем, – пояснил профессор. – Я ведь вроде бы сказал, что оттуда к вам явился.

– И что же у вас там случилось?

– А вот извольте, я вам расскажу.

Филипп Филиппович сообщил всё то же самое, о чём Платов уже знал, и даже рассказал кое-что Булгакову. Поэтому был готов ответ:

– Профессор! Мы вашу озабоченность понимаем, и, поверьте, делаем всё возможное, чтобы исправить положение. Морально-нравственному воспитанию молодёжи уделяем первостепенное внимание.

– И в чём же, простите, это выражается?

– Ну как же? У нас есть министерство культуры, Фонд кино, Общество словесности и ещё много общественных организаций, работающих в этом направлении. Мы финансово поддерживаем церковь, наше телевидение активно занимается агитацией и пропагандой, воспитывая в людях любовь к своему отечеству. Кроме того, мы ежегодно награждаем наиболее достойных деятелей искусства и культуры, выделяем

премии талантливым молодым писателям. Такой комплексный подход позволяет нам рассчитывать на положительный результат.

– Позвольте спросить, а лично вас устраивает состояние культуры? К примеру, вы можете хотя бы одного из нынешних писателей поставить в один ряд с Достоевским, Гоголем, Толстым?

«Да что они, сговорились, что ли? И Булгаков, и Сурков, и этот залётный – все твердят об одном и том же. Ну сколько можно? Где я им Достоевского возьму?»

– Профессор! По-моему, вы сгущаете краски. Не всё так плохо, как вам кажется. Пройдёт ещё двадцать, ну тридцать лет, и всё наладится. Будут у нас и свои Толстые, и Булгаковы.

– Боюсь, вы ошибаетесь. У вас нет даже двадцати лет.

– С чего это? Откуда у вас такие цифры? – спросил Платов, поплотнее запахивая халат, а всё потому, что немного зазнобило.

– Дело в том, что наши учёные проанализировали изменение нравственного состояния общества на всей планете за последние двести лет, вплоть до 2100 года, и пришли к неутешительному выводу. Если вы не сумеете изменить вектор развития человечества за шестнадцать лет, цивилизация погибнет. То есть гомо сапиенс фактически перестанет существовать.

– Неужели я в этом буду виноват?

– А как прикажете оценить результаты вашей деятельности? Прошлые поколения пытались что-то изменить к лучшему, ну а вы явно не справляетесь. Грустно, но это неоспоримый факт.

Платов поначалу опешил, не зная, что сказать. Обычно в подобных случаях принято выставлять встречные претензии:

– И почему же раньше нас не предупредили?

– Наши возможности ограничены, увы.

– Но сможет ли Россия изменить вектор развития всего человечества?

– Если вы добьётесь приемлемого результата на своей территории, появится надежда. Россия – это альтернатива западному пути развития, и она должна стать лидером движения в нужном направлении.

Платов привычным движением пригладил волосы на затылке, поджал в задумчивости губы, затем помотал головой и, глядя куда-то в пространство, пробормотал:

– Но это же почти нереальная задача.

– А кто сказал, что будет легко?

Произнеся эти слова, фигура профессора исчезла, даже не попрощавшись – видимо, время поджимало. А Платов остался наедине с проблемой, о существовании которой он и прежде догадывался, но не предполагал, что всё так безнадежно, что всё так далеко зашло.

Понятно, что этой ночью уже не уснуть. А потому, что

профессор нагнал изрядно страху, хотя никаких доказательств не привёл. Кто знает, из каких соображений он всё это придумал? Теперь вот сиди и размышляй – то ли правда, то ли плод чьей-то нездоровой фантазии. Преображенскому вроде бы можно доверять, однако хотелось сформировать собственное мнение о том, что нас ожидает, и главное понять – почему такое стало возможным? Самый надёжный способ, который Платов использовал для решения сложных проблем: надо проанализировать события с самого начала. Впрочем, за последние сто лет столько всего произошло, что до утра с этим наверняка не справиться. Поэтому логично было бы ограничиться последними десятью годами.

А началось с того, что от него пытались избавиться. Во-первых, было несколько попыток покушений – слава богу, что спецслужбы справились. Затем это невнятно выраженное намерение преемника сделать уступки либералам и властям Соединённых Штатов. Далее, проплаченные митинги протеста – это уже три. В том же ряду и скандал в Сколково – не исключено, что Аксельборг с Докутовичем пытались финансировать оппозицию.

Четвёртое доказательство – это коллективные санкции Запада. Рассчитывали, что народ оголодает и выйдет на улицы, как в феврале семнадцатого года. Но просчитались – реакция была совсем иная. Да все опросы показали, что большинство населения поддерживает президента!

Ещё один раз власти США наступили на собственные

грабли, когда обвинили Россию в том, что она вмешалась в президентские выборы, обеспечив победу Тренду. Сколько копий было сломано, а воз и ныне там – только пустые обвинения и бранные слова.

Наконец, шестое доказательство. Несомненно, это загадочное отравление Стригаля и почти одновременно гибель Глушкова, бывшего компаньона Бориса Березовского, причём всё там же, в Великобритании. Кому это нужно было накануне президентских выборов в России – тут к бабке не ходи, всё ясно. Тем не менее, крови изрядно нам попортили.

И вот теперь – заговор, неудавшаяся попытка госпереворота... Семь доказательств, как говорится, налицо. И всё это подтверждает слова профессора – мир явно катится куда-то не туда!

Но кто же эти люди, которым наплевать на мнение большинства народа, на мнение тех, кто поддерживает власть? Что заставляет их строить козни? Жажда власти? Это ещё можно было бы понять – есть такие горе-политики, которые уверяют, что способны обеспечить народу процветание, если получат в свои руки власть. Однако на чём основана их уверенность, этого они не могут внятно объяснить. «Я знаю, как!» Это мы слышали ещё в начале 90-х. Скорее всего, в основе их действий – алчность, желание занять высокий пост только для того, чтобы набить свою мошну. Наверняка они уже имеют достаточно высокий доход, но хочется ещё, ещё, ещё! И этой жажде денег нет предела. Честь, совесть, нрав-

ственность – для них это пустые слова. Увы, в лихие 90-е возникла и с тех пор успешно размножается категория людей, которые способны привести нас к катастрофе. Ну а на Западе такие люди составляют большинство.

Да, судя по всему, процесс деградации зашёл так далеко, что нужно что-то срочно делать. Дошло до того, что среди молодых работников культуры, удостоенных президентской премии, нет ни одного писателя, поэта, драматурга. Пора всерьёз заняться тем, что входит в понятия «нравственность», «культура». Мир катится в тартарары, и остановить этот процесс можно только совместными усилиями. Вопрос заключается в том, кто его захочет поддержать, кто захочет вместе с ним искать решение проблемы. К примеру, с Булгаковым он готов встречаться каждый день и продолжать незавершённый спор. Вот и Понтий Пилат с Иешуа Га-Ноцри наверняка сумели бы договориться, будь у них побольше времени. Но что-то подсказывает ему, что с нынешними мировыми лидерами эту тему бесполезно обсуждать.

Итак, прав профессор, придётся рассчитывать только на себя. А коли так, пора подумать о вариантах сохранения власти в своих руках. Вроде бы, самый надёжный способ – это внести поправки в Основной закон, которые позволят пойти ещё на два президентских срока. Но как же не хочется переделывать Конституцию под себя!

И вот уже небо начало светлеть, а он по-прежнему сидел у окна и глядел на гаснущие звёзды. Ночь уходила за горизонт,

впереди был новый день и невпроворот работы.